Пролетарии всех стран соединяйтесь!

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

№ 2

Москва Кремль. ◆ Петроград Смольный.

1-ое июня 1919 г.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН,
СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

ОРГАН ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА
КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

ВЫХОДИТ ОДНОВРЕМЕННО НА РУССКОМ, ФРАНЦУЗСКОМ, НЕМЕЦКОМ и АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

№ 2

1 ИЮНЯ 1919 Г.

КОНТОРА ИЗДАТЕЛЬСТВА:
ПЕТРОГРАД, СМОЛЬНЫЙ, КОМН. 32-33. Тел. 161-20.

РЕДАКЦИЯ:
ПЕТРОГРАД, СМОЛЬНЫЙ, КАБ. Г. ЗИНОВЬЕВА.

Долой Версальский мир!

Да здравствует Коммунистическая Революция!

К ТРУДЯЩИМСЯ ВСЕГО МИРА.

От Коммунистического Интернационала.

Правительства, начавшие пять лет тому назад **грабительскую войну, пытаются закончить ее грабительским миром.** Английская, французская, американская буржуазия в Версале передала представителям германской буржуазии так называемые условия мира. Версаль становится новым Брестом. **Каждый из пунктов версальского мира является петлей для удушения того или другого народа.**

Злоба и мстительность империалистской буржуазии победившей коалиции не знает пределов. Провозглашая образование „Лиги Наций", англо-французская и американская буржуазия на деле пытается надругаться над волей всех наций, населяющих Европу. Буржуазия стран Согласия пытается изувечить Германию. У Германии отрезывают целый ряд территорий, Германию хотят лишить угля, хлеба, у Германии отнимают ее торговый флот, Германию хотят заставить платить контрибуцию умопомрачительных размеров. Буржуазия стран Согласия, которая на словах воевала якобы против аннексий чужих земель, теперь совершает ряд грубейших, циничнейших аннексий. Колониями, которые раньше принадлежали Германии, теперь торгуют, как скотом. Империалисты Согласия вооружились большим ножем и делают вивисекцию на теле Германии.

Но грабительские условия мира, диктуемые Германии из Версаля, являются только одним из звеньев в цепи насилия, практикуемого империалистами стран Согласия. В тот самый момент, когда эти империалисты пытаются изувечить и задушить Германию, они уже ведут палаческий поход против советской республики Венгрии.

Это они, это французские и английские буржуа являются главными вдохновителями румынских бояр, ведущих теперь свои белогвардейские войска против наших братьев венгерских рабочих. Это они, представители просвещенной французской и английской „демократии", вдохновляют тех погромщиков, которые бросают свои озверелые банды на красный Будапешт.

Это они же вдохновляют русских черносотенцев Колчака, Деникина, Краснова в их кровавой борьбе против русского рабочего класса и крестьянства. Это они же, англо-французские буржуа, подстрекнули германских белогвардейцев, руководимых Носке, Эбертом и Шейдеманом, раздавить Баварскую советскую республику. Империалисты стран Согласия поставили прямым условием правительству Шейдемана: предварительно раздавить советскую власть в Мюнхене.

Это они же, англо-французские банкиры и генералы, разоружают теперь революционные войска в Болгарии. Это они же душат массовое народное революционное движение в Сербии, в Славонии.

Международные жандармы — вот кто такие англо-французские и американские империалисты, выдающие себя за представителей мировой „демократии".

Все иллюзии рассеяны. Маски сброшены. Тех, кого не научила бесконечная, ужасная империалистская война, тех должен научить тот империалистский мир, которым хотят теперь осчастливить человечество из Версаля. Правительства, которые в течение четырех с половиною лет лгали своим народам, будто они ведут войну за „само-

определение наций", за „независимость" малых народов, за „свободу и культуру", за „демократию", — эти правительства теперь разоблачены, как палачи из палачей, как остервенелые рабовладельцы, не знающие пощады никому.

Сказка о Лиге Наций отцветает, не успевши расцвесть. После версальских условий мира немногих рабочих удастся поймать на удочки Лиги Наций. Лига Наций, у колыбели которой стоит мясник Клемансо, разоблачена пред всем миром, как лига разбойников, распинающих на кресте многомиллионные трудящиеся массы Европы.

Версальский мир всей своей тяжестью ложится, прежде всего, на рабочий класс Германии. Если бы Версальский мир оказался сколько-нибудь длительным, это означало бы, что рабочий класс Германии вынужден был бы стонать под двойным игом: собственной буржуазии и рабовладельцев иностранных.

Нечего и говорить о том, что симпатии Коммунистического Интернационала, симпатии честных рабочих всего мира — на стороне германского рабочего класса. Рабочие-коммунисты всех стран воспримут версальские условия мира, как удар международному пролетариату, как покушение, отбить которое возможно только об'единенными усилиями пролетариев всех стран.

Нынешнее германское правительство, на словах протестующее против Версальского мира, на деле помогает империалистам Согласия осуществить свой адский замысел по отношению к германскому рабочему классу. В Германии у палача Клемансо нет более верных слуг, чем Шейдеман и Эберт. Партия Шейдемана и Эберта с первого момента германской революции покорно пляшетъ под дудку империалистов Согласия. По наущению Клемансо, Шейдеман и Эберт посылали и посылают белогвардейские войска против Советской России. Чтобы угодить империалистам Согласия, социал-демократы, руководимые Эбертом и Шейдеманом, убили Карла Либкнехта и Розу Люксембург и огнем и мечем подавляют великое движение германских рабочих, направленное к завоеванию советской власти. Исполняя поручение Лондонской и Парижской биржи, правительство Шейдемана истребило уже не один десяток тысяч рабочих-коммунистов Германии. Каждый раз, когда волна рабочего движения в Германии поднималась особенно высоко, готовая смыть правительство изменников социал-демократов, Шейдеман и Эберт запугивали изголодавшихся рабочих тем, что если в Германии будет учреждена советская власть, державы Согласия откажут германскому народу в хлебе.

Центральный Комитет шейдемановской социал-демократической партии в воззвании, посвященном Версальскому миру, утверждает, что версальский урок „является лучшим доказательством правильности позиции германской социал-демократии в вопросе о защите отечества".

— „Социалисты всех стран, поняли ли вы, наконец, теперь наш образ действий во время войны?" — так взывает Шейдеман в своем воззвании.

О лицемеры, о циники!

Два вора в 1914 году набросились на одну и ту же добычу. Один из воров оказался удачливее. Этот громила не только утащил всю ту добычу, на которую претендовал его конкурент, но еще залез в карман своему сопернику. Тогда другой вор, сделав из нужды добродетель и изобразив на лице своем угнетенную невинность, обращается ко всему честному народу и восклицает: вы видите, поведение моего противника окончательно доказало правоту моей тактики: неужели и теперь вы не поймете, что мы, Шейдеманы, чище снега альпийских вершин?...

Версальские условия мира всем честным рабочим показали нечто совершенно другое. Сознательные рабочие всего мира превосходно отдают себе отчет в том, что еслибы военная победа досталась германским империалистам, они были бы так же беспощадны по отношению к побежденным, как сейчас являются их противники. И тогда, наверное, Гендерсоны и Ренодели употребляли бы такие же фальшивые фразы, как ныне Шейдеманы и Носке.

Версальские условия мира показали, что, пока жив империализм хотя бы в одной стране, до тех пор живо насилие и грабительство. Версальские условия мира показали, что империализм любой коалиции одинаково кровожаден. Какими бы „демократическими" фиговыми листками ни прикрывался империализм, он остается воплощением варварства и кровожадности.

Версальские условия мира показали, что социал-патриоты всех стран окончательно и навсегда превратились в лакеев буржуазии. Версальские условия мира показали, как жалки мечтания сторонников Бернского желтого „Интернационала" (и в частности Каутского и его друзей) о „разоружении" при сохранении капитализма, о доброй и благонамеренной Лиге Народов под крылышком Вильсона. Версальские условия мира показали, что сама буржуазия оставила рабочим всех стран только один путь — путь мировой революции, путь через труп капитализма.

Рабочие Франции! Рабочие Англии! Рабочие Америки! Рабочие Италии! К вам обращается Коммунистический Интернационал. От вас зависит теперь в первую очередь судьба десятков миллионов рабочих Германии и Австрии. Вы должны теперь сказать свое слово. Вам нужно вырвать из окровавленных рук ваших правительств тот разбойничий нож, который они занесли над головой германского и австрийского рабочего класса.

Вы должны показать, что для вас уроки пятилетней бойни не пропали даром. Ни на одну минуту не должны вы забывать, что победа империалистов Согласия над германским и австрийским рабочим классом означает победу над вами, победу над рабочими всех стран, победу над социализмом. Вы больше всех держите теперь в руках своих судьбу международного социализма. На вас с упованием смотрят сознательные рабочие всего мира. И мы уверены, что вы исполните свой долг вопреки советам ваших Шейдеманов.

Рабочие Германии! Рабочие Австрии! Теперь вы видите, что у вас нет другого выбора, кроме как низвергнуть немедленно правительство изменников, называющих себя социал-демократами, а на деле являющихся подлейшими агентами буржуазии. Вы видите теперь, к чему привела вас политика Шейдеманов и Носке. Вы видите, что вашей единственной надеждой является мировая пролетарская революция.

Но эту пролетарскую революцию Шейдеманы и Эберты тормозят изо всех сил. Когда от вашего имени к международному пролетариату взывают Шейдеманы и Носке, они не встретят никакого отклика, кроме презрения.

Те люди, которые ни одним словом не протестуют против удушения советской Венгрии помещичьими войсками, те люди, которые под Либавой борются на стороне немецких баронов против латышских рабочих и батраков, эти люди не могут расчитывать на поддержку со стороны международного пролетариата. От вашего имени должны заговорить теперь не граф Брокдорф-фон-Ранцау, не предатель Ландсберг, не палачи Носке и Шейдеман. До тех пор, пока у власти стоит нынешнее германское правительство, спор между Берлином и Парижем остается только тяжбой между буржуазией двух коалиций. Вся власть в вашей стране должна скорей перейти в руки рабочих Советов. От вашего имени должны заговорить рабочие-коммунисты.

Тогда, и только тогда вы сможете спасти свою страну, сможете расчитывать на самую полную поддержку со стороны пролетариев всех стран.

Время колебаний прошло. Теперь каждому из вас уже ясно, что хуже не будет, что правительство социал-предателей привело вас на край гибели.

Рабочие Германии и Австрии! Знайте: пролетарии других стран не поверят германской казенной социал-демократии, той социал-демократии, которая не нашла ни одного слова протеста в момент, когда правительство Вильгельма Гогенцоллерна навязывало советской России Брестский мир.

Рабочие Германии и Австрии! Знайте, что если Брестский мир, навязанный России в 1918 году, так скоро погиб, так это потому, что русские рабочие и крестьяне низвергли правительство буржуазии и социал предателей, взяли власть в свои руки. Только этим сумели русские рабочие завоевать доверие и симпатии пролетариев всех стран. Только благодаря этому сумели они сравнительно быстро разорвать брестскую петлю.

Мировая пролетарская революция—вот единственное спасение угнетенных классов всего мира.

Диктатура пролетариата и учреждение советской власти,—вот единственный вывод для пролетариев всего мира из версальского урока.

До тех пор, пока жив капитализм, до тех пор не может быть прочного мира. Прочный мир будет создан на развалинах буржуазного строя.

Да здравствует восстание рабочих против их угнетателей! Долой Версальский мир, долой новый Брест! Долой правительства социал-предателей!

Да здравствует Советская власть во всем мире!

Председатель Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала
Г. ЗИНОВЬЕВ.

13 мая 1919 года.

ПРИВЕТ ВЕНГЕРСКИМ РАБОЧИМ.

Товарищи! Вести, которые мы получаем от венгерских советских деятелей, наполняют нас восторгом и радостью. Всего два с небольшим месяца существует советская власть в Венгрии, а в смысле организованности венгерский пролетариат, видимо, уже обогнал нас. Это понятно, ибо в Венгрии выше общий культурный уровень населения, затем неизмеримо выше доля промышленных рабочих во всем населении (трехмиллионный Будапешт на 8 миллионов населения теперешней Венгрии), наконец, и переход к советскому строю, к диктатуре пролетариата был в Венгрии несравненно более легким и мирным.

Это последнее обстоятельство особенно важно. Большинство социалистических вождей в Европе, как социал-шовинистского, так и каутскианского направления, так погрязло в предрассудках чисто мещанских, воспитанных десятилетиями сравнительно „мирного" капитализма и буржуазного парламентаризма, что понять советской власти и диктатуры пролетариата они не могут. Пролетариат не в состоянии совершить своей всемирно-исторической освободительной миссии, не устраняя с своей дороги этих вождей, не удаляя их прочь. Эти люди верили, целиком или на половину, буржуазной лжи про советскую власть в России, и не сумели отличить сущности новой, пролетарской демократии, демократии для трудящихся, демократии социалистической, воплощенной в советской власти, от буржуазной демократии, перед которой они рабски преклоняются, называя ее „чистой демократией" или „демократией" вообще.

Эти слепые, забитые буржуазными предрассудками люди не поняли всемирно-исторического поворота от буржуазной к пролетарской демократии, от буржуазной к пролетарской диктатуре. Они смешивали ту или иную особенность русской советской власти, русской истории ее. развития с советской властью в ее международном значении.

Венгерская пролетарская революция помогает даже слепцам прозреть. Форма перехода к диктатуре пролетариата в Венгрии совсем не та, что в России: добровольная отставка буржуазного правительства, моментальное восстановление единства рабочего класса, единства социализма на коммунистической программе. Сущность советской власти выступает теперь тем яснее: никакая иная власть, поддерживаемая трудящимися и пролетариатом во главе их, теперь невозможна нигде в мире, кроме как советская власть, кроме как диктатура пролетариата.

Эта диктатура предполагает применение беспощадно сурового, быстрого и решительного насилия для подавления сопротивления эксплуататоров, капиталистов, помещиков, их прихвостней. Кто не понял этого, тот не революционер, того надо убрать с поста вождей или советчиков пролетариата.

Но не в одном насилии сущность пролетарской диктатуры, и не главным образом в насилии. Главная сущность ее в организованности и дисциплинированности передового отряда трудящихся, его авангарда, его единственного руководителя, пролетариата. Его цель — создать социализм, уничтожить деление общества на классы, сделать всех членов общества трудящимися, отнять почву у всякой эксплуатации человека человеком. Эту цель нельзя осуществить сразу, она требует довольно продолжительного переходного периода от капитализма к социализму, — и потому, что переорганизация производства вещь трудная, и потому, что нужно время для коренных перемен во всех областях жизни, и потому, что громадная сила привычки к мелкобуржуазному и буржуазному хозяйничанью может быть преодолена лишь в долгой, упорной борьбе. Поэтому Маркс и говорит о целом периоде диктатуры пролетариата, как периоде перехода от капитализма к социализму.

Втечение всего этого переходного времени сопротивление перевороту будут оказывать и капиталисты, а равно их многочисленные приспешники из буржуазной интеллигенции, сопротивляющиеся сознательно, и громадная масса слишком забитых мелкобуржуазными привычками и традициями трудящихся, крестьян в том числе, сопротивляющихся сплошь да рядом бессознательно. Колебания в этих слоях неизбежны. Крестьянин, как труженик, тянет к социализму, предпочитает диктатуру рабочих диктатуре буржуазии. Крестьянин, как продавец хлеба, тянет к буржуазии, к свободной торговле, т. е. назад к „привычному", старому, „исконному" капитализму.

Нужна диктатура пролетариата, власть одного класса, сила его организованности и дисциплинированности, его централизованная мощь, опирающаяся на все завоевания культуры, науки, техники

капитализма, его пролетарская близость к психологии всякого трудящегося, его авторитет перед распыленным, менее развитым, менее твердым в политике трудящимся человеком из деревни или из мелкого производства, чтобы пролетариат мог вести за собой крестьянство и все мелкобуржуазные слои вообще. Тут фразерством о „демократии“ вообще, о „единстве“, или о „единстве трудовой демократии“, о „равенстве“ всех „людей труда“ и так далее и тому подобное, — этим фразерством, на которое так склонны омещанившиеся социал-шовинисты и каутскианцы, — фразерством делу не поможешь. Фразерство только засоряет глаза, ослепляет сознание, укрепляет старую тупость, косность, рутину капитализма, парламентаризма, буржуазной демократии.

Уничтожение классов — дело долгой, трудной, упорной классовой борьбы, которая после свержения власти капитала, после разрушения буржуазного государства, после установления диктатуры пролетариата не исчезает (как воображают пошляки старого социализма и старой социал-демократии), а только меняет свои формы, становясь во многих отношениях еще ожесточеннее.

Классовой борьбой против сопротивления буржуазии, против косности, рутины, нерешительности, колебаний мелкой буржуазии, должен пролетариат отстоять свою власть, укрепить свое организующее влияние, добиться „нейтрализации“ тех слоев, которые боятся отойти от буржуазии и идут слишком нетвердо за пролетариатом, закрепить новую дисциплину, товарищескую дисциплину трудящихся, их прочную связь с пролетариатом, их об'единенность вокруг пролетариата, эту новую дисциплину, новую основу общественной связи, на место крепостнической дисциплины в средние века, на место дисциплины голода, дисциплины „вольно“-наемного рабства при капитализме.

Чтобы уничтожить классы, нужен период диктатуры одного класса, именно, того из угнетенных классов, который способен не только свергнуть эксплуататоров, не только подавить беспощадно их сопротивление, но и порвать идейно со всей буржуазно-демократической идеологией, со всем мещанским фразерством насчет свободы и равенства вообще (на деле, как давно показал Маркс, это фразерство означает „свободу и равенство“ товаровладельцев, „свободу и равенство“ капиталиста и рабочего).

Мало того. Только тот из угнетенных классов способен своей диктатурой уничтожить классы, который обучен, об'единен, воспитан, закален десятилетиями стачечной и политической борьбы с капиталом, — только тот класс, который усвоил себе всю городскую, промышленную, крупно-капиталистическую культуру, имеет решительность и способность отстоять ее, сохранить и развить дальше все ее завоевания, сделать их доступными всему народу, всем трудящимся, — только тот класс, который сумеет вынести все тяжести, испытания, невзгоды, великие жертвы, неизбежно возлагаемые историей на того, кто рвет с прошлым и смело пробивает себе дорогу к новому будущему, — только тот класс, в котором лучшие люди полны ненависти и презрения ко всему мещанскому и филистерскому, к этим качествам, которые так процветают у мелкой буржуазии, у мелких служащих, у „интеллигенции“, — только тот класс, который „проделал закаляющую школу труда“ и умеет внушать уважение к своей трудоспособности всякому трудящемуся, всякому честному человеку.

Товарищи венгерские рабочие! Вы дали миру еще лучший образец, чем Советская Россия, тем, что сумели сразу об'единить на платформе настоящей пролетарской диктатуры всех социалистов. Вам предстоит теперь благодарнейшая и труднейшая задача отстоять ее в тяжелой войне против Антанты. Будьте тверды! Если проявятся колебания среди социалистов, вчера примкнувших к вам, к диктатуре пролетариата, или среди мелкой буржуазии, подавляйте колебания беспощадно. Расстрел - вот законная участь труса на войне.

Вы ведете единственно законную, справедливую, истинно революционную войну, войну угнетенных против угнетателей, войну трудящихся против эксплуататоров, войну за победу социализма. Во всем мире все, что есть честного в рабочем классе, на вашей стороне. Каждый месяц приближает мировую пролетарскую революцию.

Будьте тверды! Победа будет за вами!

27 мая 1919 года. Н. ЛЕНИН

НОВЫЙ МИР.

I.

Четырехлетняя мировая война совершенно разрушила весь уклад старого мира. Нас окружает новый мир. Но весьма немногие выяснили себе, в чем же заключается перемена.

Мировая пролетарская революция началась. Это видит и знает всякий. Буржуазия видит или предчувствует это с ужасом, она старается спасти что можно и всеми силами стремится удержать и восстановить свою прежнюю власть. Авангард пролетариата начал борьбу, и вся рабочая масса двинулась, еще не видя ясно, но инстинктивно чувствуя, что приближается *ее* день. Рабочая революция пришла в движение и будет двигаться дальше и дальше. Но обстоятельства, среди которых она совершается, новы и совсем непохожи на довоенные Ошибка многих старых социал-демократов заключается именно в том, что они воображают, будто живут все еще в старом мире, а потому не видят, что условия борьбы теперь совершенно иные. Они все еще придерживаются старых лозунгов, старой программы и ведут рабочих по ложному пути. Поэтому необходимо тщательно исследовать новый мир, в котором совершается пролетарская революция.

Мировая война сделала мир *интернациональным*, — это первое великое ее дело.

Капитализм создал национальные государства, большие политические союзы буржуазии, резко отгородившиеся один от другого, но в пределах своих границ стремившиеся уничтожить различия в народном характере, нравах, воззрениях и правовых отношениях. Каждое государство было самостоятельным и независимым; ни одно из них не терпело никакого вмешательства со стороны в свои внутренние дела; каждое заключало договоры и союзы с другими по своему усмотрению Эти вооруженные организации буржуазии защищали свои интересы в войнах. Следствием всего этого было то, что отношения между людьми складывались только в пределах одного государства. Законодательство являлось частным внутренним делом каждого государства. Классовая борьба велась на национальной почве, — между буржуазией данной страны и пролетариатом этой же страны. Конечно, сторонние влияния проникали через границы: на международных конгрессах происходили совещания, принимались резолюции, но это было чем-то побочным рядом с собственной работой пролетариата каждой страны. Каждая партия стояла особняком; рабочий класс каждой страны должен был самостоятельно разделываться со своей, местной, буржуазией.

Империализм породил затем союзы государств; эти союзы в конце концов выкристаллизовались в две большие враждебные коалиции. В войне одна из этих коалиций раздавлена. У победившей коалиции нет более противников. Побежденные частью раздробились на мелкие нации, которые принуждены, как нищие, пресмыкаться перед победителем; нейтральные страны тоже должны приноравливаться к нему. Коалиция расширяется и превращается в союз народов. Вильсоновская Лига Наций есть, в конечном счете, не что иное, как расширение Согласия, поглотившего некоторые нейтральные государства и остатки государств побежденных.

В этом Союзе Народов осталось очень мало от прежней самостоятельности и независимости старых государств. Даже руководящие государства — Англия и Америка — уже не являются независимыми в области своей внутренней политики; займы и военные поставки, политические решения высшего военного совета и т. п. — оставили глубокие следы; в еще большей степени отразилось это на Франции и Италии. Эти государства уже не могут направлять свою внутреннюю политику согласно своим желаниям. Но еще больше относится это к слабым и побежденным государствам. Англия, Америка, Япония могут еще сохранять автономное положение, т. к. они — победители, властители мира; они могут даже начать новую войну друг с другом. Но все прочие государства самостоятельны только по внешности. Когда Лига Наций теоретически закрепит то, что уже существует на практике, они будут лишены права заключать друг с другом договоры и содержать постоянные армии. Руководящая держава будет тщательно следить также за тем, чтобы и в своей внутренней политике они поступали так, как она найдет нужным.

Резкая обособленность государств исчезла, но тем шире разверзлась пропасть между пролетариатом и эксплоататорами. Буржуазия всех стран об'единилась в международный союз против пролетариата всех стран. И не только теоретически, ограничиваясь симпатией, но и практически, на деле. В 1871 году Бисмарк держался еще в стороне от борьбы между Коммуной и Версалем и оказывал последнему только косвенную и моральную поддержку. В 1918 г. армии Согласия вторг-

лись в Россию, чтобы восстановить там власть буржуазии, генералов, дворянства, и обречь народ на истязания. Это не война Англии и Франции против России, а война буржуазии против революционного пролетариата, война капитала против социализма.

Тот, кто наблюдает события только в своей стране, легко может проглядеть самое важное. Немецкие пролетарии должны помнить, что в далеких степях Украины решается судьба и немецкого социализма, точно так же, как судьба Советской Республики зависит от борьбы на улицах Берлина и Гамбурга. Революционный пролетариат всех стран составляет единую массу, единую армию, а если он, принимая активное участие в борьбе, не будет помнить об этом, то он может быть уничтожен „по кусочкам", подобно разрозненным частям единой великой армии. Немецкий пролетариат ничего не достигнет, если он выделит себя из общей армии, отказавшись от помощи русских революционеров из страха возбудить против себя злобу буржуазии Согласия. Если он захочет освободить себя сам, то он очутится в изолированном положении, выгодном для нападающих. Он должен понять, что теперь есть только один фронт в мире: капитал против пролетариата; немецкий пролетариат, хочет он этого или не хочет, стоит на этом фронте в одной линии с русским народом и своей борьбой помогает своим товарищам во всем мире: в России, где они уже освободились, в Шотландии, в Америке, во Франции, — где они начинают подыматься.

Против Интернационала капитала, против Вильсоновской Лиги наций стоит Интернационал труда—коммунизм; он растет в ширь и в высь.

II.

Мировая война опустошила мир и ввергла его в глубочайшую нищету, в хаос—это второе ее великое дело.

Четыре долгих года все производительные силы служили войне. Это значит, что все сырые материалы, все машины, все перевозочные средства и вся человеческая рабочая сила тратились непродуктивно. Они были направлены на разрушение, употреблялись не для того, чтобы произвести что-нибудь, а для того, чтобы победить врага. Последствием этого должен был явиться полный недостаток во всем, что необходимо обществу для поддержки своего существования. Все это могло тянуться целых четыре года только вследствие того, что все эти четыре года жизненные потребности масс насильственно сводились до минимума: продукты, производившиеся для войны, тем самым отнимались у масс. Но это лишь часть вреда, нанесенного войной; сюда следует присоединить потерю во всем мире средств производства и транспорта, так как они растрачивались, не возобновляясь. И вот при окончании войны человечество оказалось лицом к лицу с полным расстройством экономической жизни: недостает средств производства—сырых материалов, рабочей силы; люди физически ослабели вследствие долгих лишений. Конечно, на это могут возразить, что капитал зато увеличился и сконцентрировался в неслыханной степени. Но ведь этот капитал заключается главным образом в бумагах, этот капитал непродуктивен. Он представляет собою право собственности на фабрики, которые не могут быстро возобновить свою производительную работу; он представляет собою долговые росписки государства, а следовательно, требует уплаты колоссальных процентов, которые должны уплатить капиталистам пролетариат, мелкая буржуазия и крестьянство в форме налогов. Рост капитала обусловливает распределение продуктов (при чем производимые продукты распределяются наиболее несправедливым образом), — но не увеличивает производства. Обогащение капиталов означает то, что вампиры все более будут увеличивать всеобщую нищету, облагая в свою пользу налогами большую часть необходимых продуктов. Если смотреть на дело с чисто экономической точки зрения, то ясно, что мир стоит уже перед неслыханным банкротством, перед голой пустыней, перед экономическим хаосом.

Это относится более или менее ко всем странам, — меньше всего к таким, как Япония и Америка, больше всего к странам центральной Европы, — точно так же как в недалеком прошлом это можно было сказать относительно России. Германия израсходовала больше экономических средств, чем Англия, — она растратила их до последней капли ради войны; этого не случилось бы, если бы рабочие произвели революцию еще в прошлом феврале. А так как Германия побеждена, у нее отнимают теперь последние остатки ее достояния. Противники во что бы то ни стало хотят помешать тому, чтобы она когда-либо могла снова стать великой империалистической державой. Речи английских министров не оставляют никакого сомнения в том, что Германия будет совершенно ограблена и разорена. Золото, которое необходимо для закупок за границей и без которого нельзя пустить в ход производство, победители отняли у нее; получение сырых материалов из за границы сделано для Германии невозможным; иностранные рынки закрыты для нее. Области, наиболее богатые железом и углем, Лотарингия, Саарский, Силезский бассейн отрезаны или будут отрезаны от нее. Значительная часть наличных перевозочных средств и машин отбирается от нее — таким образом, не остается ничего для воскрешения капиталистического производства. Капитал уже не может давать своим прежним ра-

бам-пролетариям средств к существованию—ужасающая безработица грозит пролетариату. Ведь капитал сам по себе уже ничто в этой стране. Могучее промышленное развитие Германии в течение последних пятидесяти лет теперь разом остановлено. Мировая война, подобно тридцатилетней войне, отбросила Германию назад и поставила ее на очень низкий уровень экономического развития. Подобно всей центральной Европе, она принуждена теперь начинать сначала, с примитивных ступеней хозяйства, и пройдут десятилетия, прежде чем ей удастся подняться на более высокую ступень экономического развития. Таковы виды на будущее, если буржуазное производство будет сохранено и, стало быть, буржуазия удержит власть в своих руках

А виды на ближайшее будущее еще мрачнее. Продовольствие и перевозочные средства, необходимые для его распределения, имеются в таком ничтожном количестве, что только строжайшее соблюдение самых тяжелых предписаний сильной правительственной власти даст населению возможность поддерживать жизнь. Пока у власти находится правительство Эберта, желающее дружить с обеими классами, невозможно никакое улучшение хозяйственной жизни, напротив — подготовляется еще более ужасное разрушение ее. Сильным правительством может быть только правительство классовое: или откровенное буржуазное правительство, располагающее такой силой, которая давала бы ему возможность при минимальной заработной плате держать пролетария на краю голодной смерти,—как это делали до войны все правительства,—или настоящее пролетарское правительство, которое смело налагает руку на все богатства и привилегии буржуазии и честно распределяет между массами все, что имеется в стране и что может быть произведено.

Капитализм уже ничего не может дать пролетариату. Нужда заставляет пролетариат перейти к социализму.

До войны капитал мог кое-что дать рабочим если не обеспеченное, то все же более или менее спокойное, хотя и скудное существование; пролетариату предстояло выбирать между этим существованием и сомнительными передрягами революции, которая должна была нарушить и подорвать высоко развитой процесс производства. Поэтому масса пролетариата не рисковала начать революцию; она была довольна и убаюкивала себя иллюзиями, что такое положение не изменится. Социализм казался ей прыжком в пустоту, в хаос.

И вот теперь мир погружен в хаос; кругом—пустота. Капитализм уже не может дать спокойное существование, дать мирную работу. Народу предстоит выбор: или оставить управление миром в недостойных руках, виновных в создании этого хаоса, в руках буржуазии, бюрократии, Эбертов, другими словами—погибнуть, дав им возможность сохранить свою потогонную систему; или же — взять управление в свои руки и самому пустить в ход производство. В первом случае производству трудно развиться, так как этому мешает недостаток капитала и интересы наживы, а в результате образуется только новое накопление капитала. Во втором случае производство энергично пускается в ход, так как дело идет об интересах самого рабочего народа. Выбор должен быть сделан, сила необходимости заставляет пролетариат сделать его. Не ясное убеждение в превосходстве социалистического строя и не теоретический расчет, а непосредственная нужда заставляет рабочих проводить социализм.

Эберт или кто-то другой сказал, что эпоха общественного бедствия не годится для проведения в жизнь теорий. Для этих людей социализм всегда был только отвлеченной теорией, а не практической жизненной потребностью рабочих. Им мерещился какой-то идеальный капитализм, при котором разумное социал-демократическое парламентское большинство, среди расцвета производства и при общем благоденствии, может произвести мирный переворот. Но действительность имеет совершенно другой вид: социализм должен явиться спасителем от ужасающей нужды, он—единственная возможность для масс спастись от окончательной гибели. И он уже пришел и стал такимъ спасителем. Без социализма народ разоренной России сделался бы добычей голода и погиб бы; первые шаги социализма спасли народные массы в самое ужасное время, укрепили их экономическое положение, несмотря на нападения изнутри и извне, нападения, которые самым серьезным образом угрожали снабжению населения жизненными припасами. Точно также и в Германии и в других странах центральной Европы социализм — планомерной и строго проведенной организацией производства и снабжения жизненными припасами — спасет массы от всех ужасов переживаемого времени и вместе с тем положит основание новой системе производства, зародышу новой свободы.

Маркс сказал пролетариям в 1847 году:—Вам нечего терять, кроме ваших цепей. — Десять лет тому назад рабочие представители говорили, вразрез с марксизмом: — Теперь рабочим есть что терять, поэтому не надо революции! — И в самом деле: пока рабочие, в периоды известного благосостояния, чувствовали или думали, что им есть что терять, они не слушали Маркса: они обходили молчанием его слова. Теперь эти слова снова стали истиной. Все, что мог дать капитализм, действительного или кажущегося,—все это погибло. Рабочим нечего больше терять. До-чиста ограбленные, нагие, стоят они в пустыне—перед вратами будущего. Им предстоит завоевать весь мир

Ант. ПАННЕКУК
(Голландия).

НОВАЯ ВОЙНА.

Просыпайся, просыпайся, спящий британский народ! Назревает новая война, и тебя зовут сражаться в ней. Ты не можешь уклониться от нее и должен принять в ней участие.

Из прежней капиталистической войны между союзниками и центральными державами рождается теперь новая война — жестокая, кровавая битва между капиталистами и рабочими.

Солдаты, добровольно поступившие на военную службу или принудительно призванные к ней, не были распущены по домам по окончании старой войны. Их преспокойно задержали, чтобы заставить сражаться в новой войне, которая началась без всякого формального об'явления. Их не спросили о том, одобряют ли они эту войну, понимают ли смысл ее. Их просто задержали и направляют теперь сражаться против их товарищей.

Официально английское правительство не находится в войне с европейским социализмом, хотя фактически английские и другие союзные солдаты борются с ним втечение уже долгого времени, а британские деньги и военные припасы поддерживают солдат других правительств в борьбе против социализма.

Официального об'явления войны не было, но Палата Общин 9 апреля высказалась в пользу поддержки войны с социализмом вообще и с русским социализмом,—в частности. По словам министра внутренних дел, мнение Палаты в этом отношении было единодушным, и в самом деле, когда он пригласил членов Палаты, не разделяющих этого мнения, высказаться, то не раздалось ни одного настолько громкого голоса, чтобы он был занесен в официальный отчет парламентских заседаний или отмечен в печати. Ни один из членов Парламента не заявил в печати протеста.

Некоторые социалисты говорят нам, что зал Палаты Общин является превосходной ареной для пропаганды. Беда только в том, что когда люди попадают в парламент, вся храбрость их испаряется, как мыльный пузырь. Мы слышали, что члены парламента, принадлежащие к Рабочей Партии, выразили свою тотовность на всякого рода героические поступки, -- вплоть до изгнания из палаты, раз в известный момент необходимо привлечь внимание всего света к определенным вопросам. Конечно, это еще не так страшно в сравнении с риском смерти в ужасных окопах или с перспективою подвергнуться тюремному заключению на долгие годы; но так или иначе, членам парламента представлялся удобный случай проявить свою храбрость. И вот, Клемент Эдвардс, известный противник социализма, предложил перед закрытием заседания палаты „обратить внимание на вопрос нестоятельной общественной важности, а именно, на предложения, сделанные большевистским правительством в России Парижской мирной конференции".

Во время прений бригадный генерал Пэдж Крофт и капитан Гиннес заявили, что некоторые из членов парламента поддерживают большевиков. Крикнул ли кто-либо из присутствующих: „Да, мы гордимся тем, что стоим на стороне наших товарищей-рабочих в их борьбе за социализм"? Нет! Напротив, члены Рабочей Партии разразились криками протеста по поводу заподазривания их в подобных симпатиях. Боттумли вознаградил их выражением „глубочайшего и искреннейшего уважения". А министр внутренних дел поставил точку над і, заявив, что прения обнаружили „негодующие протесты со всех скамей Палаты по поводу утверждения, будто среди собрания имеется хотя бы один член, симпатизирующий большевикам". Он охарактеризовал советское правительство, как „простую шайку кровожадных разбойников" и заявил, что правительство будет чувствовать себя более сильным, сознавая, что для сторонников советского строя „не нашлось места ни в одном углу Британской Палаты Общин".

Даже в этот момент не раздалось ни одного протеста! В чем проявилось „руководство" наших „лидеров" по отношению к стране и, в частности, по отношению к тем молодым людям, которые по недоразумению могли вступить в контр-революционные армии? Чего испугались противники революции? Или они трусы, или от их оппозиции против новой войны никому ни тепло, ни холодно. Реальная работа для социалистической революции должна твориться вне стен Парламента.

10 апреля, день спустя после того, как Палата высказалась в таком духе, первый отряд добровольцев отплыл в Россию.

Вспомните, что происходило во время прежней войны: сначала система добровольчества; затем принудительный набор, — в возростающей прогрессии, пока миллионы людей не были вовлечены в сети армии. Первый призыв Китченера ограничивался 500.000 добровольцев, на деле же армия поглотила 2 500.000 человек! Воинская повинность сохраняет свою силу и теперь мы можем ждать, что на военную службу опять будут призываться одна категория за другой. Пойдут ли они на войну против своих товарищей-рабочих, создавших у себя рабочее правительство?

Ребенок, слыша о чужих несчастьях, - может быть, и пожалев в душе о том, что собственная жизнь его всегда будет течь ровно и спокойно, -- говорит с уверенным чувством безопастности: „подобных вещей не случится в нашей семье". Но вот приходит смерть и внезапно уносит его брата: после первого потрясающего удара, который обнаруживает перед ним всю непрочность его жизни, он начинает уверять себя, что это несчастие было лишь единичным случаем, который больше не повторится. И он опять возвращается к своей прежней детской вере, пока не убивают его отца и семья его не впадает в нищету, а сам он не попадает в водоворот быстро меняющихся и опасных течений. Иные народы остаются навсегда такими детьми: не наученые жизненным опытом, они цепляются за веру, будто не существует никаких перемен, будто эволюция, создав существующий

на наших глазах строй, не поведет человечество дальше. Они не верят в то, что наступят еще великие войны или же, если война наступает, они не верят, что она обрушится на их страну или на их дом. Они не верят в возможность революций, и если революции случаются, они стараются рассматривать их, как временные вспышки, которые несомненно будут подавлены силами существующего порядка, который никогда не изменится, по крайней мере, в их стране. Революция в их стране кажется им немыслимой; они уверены в ее невозможности: большинство народа слишком сонно, слишком невежественно, оно не станет даже голосовать так, как голосовали они при выборах в парламент, оно не станет даже проводить их в местный попечительный совет или в городскую думу.

И все же мы в Англии переживаем теперь настоящую революцию, хотя большинство из нас еще закрывает глаза на этот факт. Переживаемая нами революция—столь же несомненный факт, как война с Германией, которую мы вели. Революционная война не является битвой между двумя различными странами: она рассекает национальные границы, и английский народ уже борются на той и на другой стороне.

Английские солдаты, входящие в состав правительственной армии, борются против социалистической рабочей революции вместе со всеми, кто сражается в армиях капиталистических правительств Германии, Франции, Италии, Америки, Польши, Чехо-Словакии и других стран, примкнувших к этой борьбе. Сознание того, что все эти армии борются против социализма, постепенно начинает пробуждаться у некоторых солдат, и многие из числа их дезертируют и присоединяются к красным армиям пролетарского социализма.

Многие из тех, которые не находятся в рядах сражающихся, тем не менее выступают против капиталистических правительств и становятся на сторону Советов. Филипс Прайс, издающий большевистскую газету в России, и многие другие англичане в разных местах оказывают помощь Советам. Здесь, в Англии, мы также можем оказать эту помощь, создавая английские Советы, указывая солдатам, матросам и рабочим на цели и исход интернациональной гражданской войны.

Эта война в настоящее время распространилась далеко за пределы России. Генерал Смэтс должен был внезапно покинуть Венгрию, увидев, что Венгерский Совет стойко придерживается коммунизма. Неужели нам придется увидеть теперь, как армии капитализма будут брошены на Венгрию?. „Вечерние Новости" (The Evening News) сообщают, что сербы отказались повиноваться приказанию парижского Совета Четырех и послать свои войска для нападения на Венгрию, так как союзники не признали еще государства сербов, кроатов и словенов. Но союзники уж постараются достать откуда-нибудь армию для такого нападения. Падеревский, по слухам, отказался послать польские войска для борьбы с коммунизмом до тех пор, пока Данциг и другие территории не будут уступлены Польше. Союзники будут торговаться с Падеревским, пока они не купят его поддержку или не заменят этого польского правителя другим, более покладистым.

Черчиль разоблачил тот факт, что Германии было предписано, в качестве одного из условий мира, вести борьбу с коммунизмом и что немцы могут купить себе доступ в Лигу Народов успешным выполнением этой задачи. Действительно, вся политика Парижской Конференции проникнута теми идеями, которыми руководятся ее члены в борьбе между капиталистами и рабочими. Лживыми и глупыми являются усердно распространяемые сказки о том, будто английские и американские государственные деятели проявляли на мирной конференции умиротворяющее влияние и будто они высказались против мира, основанного на аннексиях и угнетении, тогда как французские и итальянские политики выступали в качестве жадных шовинистов, требовавших для себя всяческих выгод, мешая тем делу мира. Истина заключается в том, что английские и американские капиталисты уже выговорили для себя все те выгоды, которые они желали получить благодаря войне с центральными державами, тогда как французы и итальянцы еще не получили их.

Союзники вступили в войну на основании тайных договоров: там были уже распределены те награды, которые должны были соблазнить каждого из них поддерживать остальных.

Английские капиталисты получили все, и даже больше того, что обещали им эти договоры. Они захватили в свои руки управление германскими колониями, Палестиной, Месопотамией, Персией, всем, что им было обещано на Востоке. Они захватили Шпицберген с его богатыми угольными и железными копями, о котором не упоминалось в договорах; они сокрушили своего соперника по торговле, Германию; и правительство их, очевидно, получит в настоящее время полное господство над морями.

Тайные соглашения, побудившие Америку вступить в войну, не были раскрыты, когда большевикам удалось захватить царские архивы, так как эти соглашения были заключены позднее. Поэтому мы можем только догадываться о содержании их на основании хода событий и разоблачений политических деятелей. Американские капиталисты, благодаря войне, приобрели для себя существенные выгоды в Китае. Они вели весьма прибыльную торговлю с союзниками и ссудили им значительные суммы денег на чрезвычайно выгодных условиях. Еще более важным, как мы увидим, для американских капиталистов было склонить английских капиталистов к тому, чтобы те не подымали шума, если американцы захотят аннексировать Мексику с ее богатыми нефтяными источниками, которые теперь мексиканское правительство пытается снова выкупить от частных владельцев. Но Америка все еще не удовлетворена. Президент Вильсон приказал приготовить свой корабль к отплытию. Говорят, будто он недоволен медленным ходом работ Парижской конференции. Быть может, это так; но говорят и другое: что американские капиталисты желали продать Франции и Италии моторные тракторы и другие товары и что Франция и Италия отвергли это предложение. С этого момента американцы будто бы стали чинить обструкцию работам мирной конференции. Время покажет, насколько верен этот слух. Оно прольет также свет и на слухи о том, будто Америка оказывает давление на союзников, угрожая

продать отвергаемые ими товары советской России (чем она окажет ей большую помощь) — вместо того, чтобы откладывать возобновление торговых сношений с Россией до того времени, когда там будут свергнуты советы и восстановлен капитализм.

Разве не намекал Боттумли на эти слухи, когда он говорил 9 апреля в Палате Общин о „некотором диком, призрачном элементе, который, под маской великих идеалов и альтруизма, все время зорко следит за материальными выгодами, которые могут проистечь для кое-кого, находящегося далеко от Европы?."

Английские капиталисты получили для себя все, что им было обещано тайными договорами, французские же и итальянские капиталисты этого еще не имеют. Французский капитализм хочет отхватить у Германии территорию такого размера, что германское правительство не решается дать на это согласие, опасаясь, что германский народ свергнет его и установит у себя систему советов. Французскому капитализму была обещана Саарская область с ее угольными копями. Теперь же остальные союзники сомневаются, будет ли безопасным принудить Германию к отдаче этой области. Французским капиталистам, в силу тайных договоров, была обещана Сирия, но английские капиталисты не склонны отдавать ее.

Кроме того, повидимому, если Франция претендует на то, чтобы получить часть причитающегося ей с Германии вознаграждения в форме оккупации Саарской области с ее углем, то Англия собирается в качестве своего „фунта мяса" забрать весь торговый флот Германии, от которого Франция и Италия также желают получить свою долю.

Территориальные притязания Италии вступают в конфликт с притязаниями южных славян, а Совет Четырех не может решиться обидеть славян, так как они нужны ему для борьбы с большевизмом. Итальянский капитализм угрожает посылкой солдат для борьбы со своими недавними союзниками, желая отстоять занятые его солдатами территории по берегу Адриатического моря. Итальянских капиталистов мало озабочивает то обстоятельство, что эти территории населены не итальянцами; они указывают на то, что Месопотамия и Палестина также населены не англичанами.

Английский и американский капитализм получил все, что мог, от войны с кайзером; теперь он готовится к войне с социализмом, из которой он может извлекать дальнейшие выгоды, не говоря уже о желательности уничтожения этой угрозы, столь опасной для самого капитализма. Великобритания, как указывает „Таймс", „взяла на себя ответственность за железнодорожное сообщение в Польше, в Прибалтийских государствах, на Кавказе и в Донской области. Чехо-Словакия и Юго-Славия предоставлены в распоряжение Северо-Американских Соединенных Штатов". Кто управляет железными дорогами, тот управляет народом! „Морнинг Пост" выболтала тайну: „Пресловутый лозунг „самоопределения народностей" является, на наш взгляд, немецкой выдумкой". Теперь охотно приписывают германское происхождение всему, что ставит в затруднительное положение союзный капитализм!

Франции и Италии опять не повезло. „Таймс" пишет: „Греция и Европейская Турция, Украина и Донецкий бассейн переданы в ведение Франции, *хотя, с эвакуацией Одессы, ее усилия в двух последних странах едва ли могут быть в настоящее время успешными.* Французы покинули Одессу под предлогом недостатка продовольствия—украинские крестьяне не оказали им помощи; они требовали присылки им продовольствия из Румынии, но их требование не было выполнено; повидимому, Канада что-то устроила с румынскими железными дорогами. Французские капиталисты считают, что союзники поступили с ними нехорошо—.Италия оглядывается на Австро-Венгрию". Бедный итальянский капитализм! Ему приходится иметь дело с могучим венгерским большевизмом; в Вене каждый день могут создаться советы, да и в самой Италии не мало оснований для беспокойства на этот счет!

Теперь установлено, что Германии придется уплатить союзникам от десяти до двенадцати миллиардов фунтов и что эта уплата будет рассрочена более, чем на пятьдесят лет, втечение которых, надо полагать, союзники будут оккупировать Германию. Очевидно, предполагается, что пятьдесят лет—не слишком продолжительный срок для искоренения большевизма Кроме того, история учит нас, что после такого периода оккупации оккупирующие державы считают неудобным для себя уходить из занятой страны. Ирландия, Египет и Индия—достаточно яркие примеры, толкающие к такому заключению.

Вот куда привел нас капитализм. Вся Европа, как участвовавшая в войне, так и нейтральная, умирает с голоду; нет ни одной семьи, ни у нас, ни в других странах, которая не носила бы траура по членам своим, погибшим в последней войне, а мир, для поддержания капиталистической системы, стоит теперь на пороге новой, еще более грандиозной войны.

Английские рабочие, на чьей стороне стоите вы в интернациональной гражданской войне?

Э. Сильвия ПАНКХЭРСТ.
(Англия).

ДВЕ КУЛЬТУРЫ.

Везде и всегда история воспитывала человека деревни и города, как два типа психологически совершенно различных, причем это различие становится все глубже, ибо город стремится вперед с быстротою Ахилеса, деревня же — не быстрей черепахи.

Деревенский житель — особь, по преимуществу зоологическая, существо, которое каторжной работой с первых дней весны до поздней осени добывает хлеб, чтобы большую часть его продать, меньшую — с'есть во дни проклятой, безжалостно холодной зимы.

Спора нет — прекрасно летом „живое золото пышных нив", но осенью, на месте золота, снова ободранная, голая земля, снова она требует каторжного труда, снова бесплодно высасывает энергию человека

Этот человек весь — внутренне и внешне — порабощен силами природы, он не борется с ними, а только приспособляется к ним Эфемерные результаты его труда не внушают — не могут внушить — ему уважения к самому себе, к своим творческим способностям. Из всего, что он делает, на земле остается только солома и темная, тесная, крытая соломой изба.

Труд крестьянина чрезмерно тяжел, и эта тяжесть, в связи с ничтожеством результатов труда, особенно — и вполне естественно — углубляет в душе крестьянина темный инстинкт собственности, делая его почти непоколебимым. Этот инстинкт почти не поддается влиянию учений, которые считают грехопадением первобытного человека именно собственность, а не шутку Дьявола и Евы над глуповатым Адамом.

Когда говорят о „буржуазной" культуре, я думаю именно о культуре деревни, — если только можно соединить эти два понятия — культура и деревня — почти не соединимые в своей духовной сущности. Культура — это процесс создания идей, воплощения их в форме книг, машин, научных инструментов, картин, зданий, монументов — в форме различных предметов, которые, являясь кристаллизацией одних идей — служат возбудителем других и, увеличиваясь количественно, расходятся концентрическими кругами, все шире охватывая весь мир, пытаясь охватить и вскрыть тайные причины всех его явлений.

Такой культуры деревня не создает и вообще она не создает памятников себе иначе как в форме слова — в форме сказки, песни, поговорки. Да, очень трогательна заунывная песня деревни, ее скорбная лирика способна — казалось бы — смягчить камни, но — камни не смягчаются песнями, люди—тоже. Несомненно—в деревне много грустной поэзии, и она увлекает нас по пути к ошибкам чувствительности, но — неизмеримо значительнее и по существу и по об'ему проза деревни, ее все еще животно-эпическая проза. Деревенские идиллии слишком мало заметны в сплошной драме будничной жизни крестьянина.

По сравнению с пассивной, полумертвой психикой старой деревни, городская буржуазия на известной стадии является ценнейшим творческим началом, тою крепкой кислотой, которая вполне способна растворить мягкую на показ, железную на деле душу мужика. Косность деревни может быть побеждена только наукой и крупным социалистическим хозяйством. Нужно создать чудовищное количество сельско-хозяйственных машин, только они убедят мужика, что собственность— цепь, которой он скован, как зверь, что она духовно не выгодна ему, что неразумный труд — непродуктивен и что только дисциплинированный наукой, облагороженный искусством разум может явиться честным вожаком по пути к свободе и счастью.

* * *

Труд горожанина сказочно разнообразен, монументален, вечен. Из кусков земли, превращенных в кирпич, горожанин строит дворцы и храмы, из бесформенных глыб железной руды он создает машины изумительной сложности. Он уже подчинил своим высоким целям энергии природы, и они служат ему, как джины восточных сказок мудрецу, поработившему их силою своего разума. Городской житель создал вокруг себя атмосферу разумности, он всегда видит свою волю воплощенной в разнообразии дивных вещей, в тысячах книг, картин, где словом и кистью запечатлены на веки величавые муки его пытливого духа, его мечты и надежды, любовь и ненависть—его огромная душа, в которой неугасимо горит жажда новых идей, деяний, форм.

И даже будучи порабощен политикой государства, горожанин все-таки внутренно свободен, — именно силою этой духовной свободы он разрушает и вновь создает формы социальной жизни.

Человек деяния он создал для себя жизнь мучительно напряженную, порочную, но — прекрасную. Он — возбудитель всех социальных болезней, извращений, творец жестокости, лжи, лицемерия, но — это им создан тот микроскоп, который позволяет ему видеть с такой мучительной ясностью малейшие движения своего вечно неудовлетворенного духа. Он воспитал в своей среде волшебников науки, искусства, техники, — волшебников и мудрецов, которые неустанно укрепляют и развивают эти основы культуры.

Великий грешник перед ближним и может быть еще больший пред самим собою, он велико, мученик своих стремлений, которые, убивая его, родят все новые радости и муки бытия.

Дух его — проклятый Агасфер, он все идет, идет в безграничие будущего, куда-то к сердцу Космоса иль в пустоту вселенной, которую он, быть может, призван заполнить эманацией своей энергии, создав нечто недоступное представлению разума сего дня.

Для интеллекта развитие культуры важно само по себе, вне зависимости от результатов, интеллект сам по себе прежде всего — феномен культуры, сложнейшее, таинственное явление природы, орган ее самопознания.

Инстинкту важны только утилитарные результаты культуры — только то, что увеличивает внешнее благополучие бытия, хотя-бы это была унизительная ложь.

Поэтому — теперь, когда возбужденные инстинкты деревни неизбежно должны вступить в борьбу с интеллектуальной силой города, когда городская культура — плод вековой деятельности интеллектуального начала, включающего в себя и фабричного рабочего — подвергается опасности разрушения и задержки в процессе развития, — теперь интеллигенция должна пересмотреть свое привычное отношение к деревне.

Народа — нет, есть только классы. Рабочий класс доселе был творцом материальных ценностей — ныне он хочет принять живое участие в духовной, интеллектуальной работе. Большинство деревенской массы стремится во что бы то ни стало укрепить свои позиции собственника на землю, — иных желаний оно не заявляет.

Пред интеллигенцией всего мира, — всех стран, — стоит одна и та-же задача: отдать свою энергию тому классу, психические особенности которого обеспечивают дальнейшее развитие процесса культуры и вполне способны ускорить темп процесса.

М. ГОРЬКИЙ

От редакции. О ростках новой жизни в современной деревне тов. М. Горький намерен поговорить в особой статье в одном из следующих номеров „К. И.".

ГЕРОИ БЕРНСКОГО „ИНТЕРНАЦИОНАЛА".

В статье: „Третий Интернационал, его место в истории" („Коммунистический Интернационал", № 1, 1 V. 1919, стр. 31 русского издания) я указал на одно из выдающихся проявлений идейного краха представителей старого, гнилого бернского "Интернационала". Этот крах теоретиков реакционного, не понимающего диктатуры пролетариата, социализма, выразился в предложении германских „независимых" социал демократов сочетать, соединить, совместить буржуазный парламент с советской властью.

Самые видные теоретики старого Интернационала, Каутский, Гильфердинг, Отто Бауэр и К°, не поняли, что они предлагают совместить диктатуру буржуазии и диктатуру пролетариата. Люди, составившие себе имя и завоевавшие сочувствие рабочих проповедью классовой борьбы, раз'яснением ее необходимости, не поняли,—в самый решительный момент борьбы за социализм,—что они целиком сдают все учение о классовой борьбе, целиком отрекаются от него и фактически переходят в лагерь буржуазии, пытаясь совместить диктатуру буржуазии с диктатурой пролетариата.

Это звучит невероятно, но это факт.

В виде редкого исключения, нам удалось теперь в Москве получить довольно много, хотя и разрозненных, иностранных газет, так что является возможность несколько подробнее восстановить — хотя, конечно далеко не полную — историю колебаний господ „независимых" в самом главном, теоретическом и практическом, вопросе современности. Это—вопрос об отношении диктатуры (пролетариата) к демократии (буржуазной) — или советской власти к буржуазному парламентаризму.

В своей брошюре „Диктатура пролетариата" (Wien, 1918) господин Каутский писал, что „советская организация есть одно из важнейших явлений нашего времени. Она обещает приобрести решающее значение в великих решительных битвах между капиталом и трудом, которым мы идем навстречу", (стр. 33 брошюры Каутского). И он добавлял, что большевики сделали ошибку, превратив Советы из „боевой организации" одного „класса" в „государственную организацию" и тем „уничтожив демократию" (там же).

В своей брошюре „Пролетарская революция и ренегат Каутский" (Петр. и Москва 1919) я подробно разобрал это рассуждение Каутского и показал, что оно содержит в себе полное забвение самых основ учения марксизма о государстве. Ибо государство (всякое, в том числе и самая демократическая республика) есть не что иное, как машина для подавления одного класса другим. Называть советы боевой организацией класса и отрицать за ними право превращаться в „государственную организацию" значит на деле отрекаться от азбуки социализма, об'являть или защищать неприкосновенность буржуазной машины для подавления пролетариата (то-есть буржуазно-демократической республики, буржуазного государства), значит фактически переходить в лагерь буржуазии.

Нелепость позиции Каутского так бьет в глаза, натиск рабочих масс, требующих советской власти, так силен, что Каутскому и каутскианцам пришлось позорно отступать, путаться, ибо честно признаться в ошибке они оказались не в состоянии.

9 февраля 1919 г. в газете „Свобода" (Freiheit), органе „независимых" (независимых от марксизма, но вполне зависимых от мелко-буржуазной демократии) социал-демократов Германии появляется статья господина Гильфердинга, который уже требует превращения советов в государственные организации, но наряду с буржуазным парламентом, с „Национальным Собранием", вместе с ним. 11-го февраля 1919 г. в воззвании к пролетариату Германии вся „независимая" партия принимает этот лозунг (следовательно, и господин Каутский, побивающий свои заявления, сделанные им осенью 1918 года).

Эта попытка совместить диктатуру буржуазии с диктатурой пролетариата есть полное отречение и от марксизма и от социализма вообще, есть забвение опыта русских меньшевиков и „социалистов-революционеров", которые с 6. V. 1917 до 25. X. 1917 (старого стиля) проделали „опыт" сочетания советов как „государственной организации" с буржуазной государственностью и позорно провалились на этом опыте.

На партийном с'езде „независимцев" (в начале марта 1919 г.) вся партия встала на эту позицию премудрого соединения советов с буржуазным парламентаризмом. Но вот № 178 „Свободы", от 13 апр. 1919 („Приложение") сообщает, что фракция „независимцев" на 2-ом с'езде советов предложила резолюцию:

> „второй с'езд советов становится на почву советской системы. Согласно этому, политическое и хозяйственное устройство Германии должно базироваться на организации советов. Советы рабочих депутатов суть признанное представительство трудящегося населения во всех областях политической и хозяйственной жизни".

А на ряду с этим та же фракция предложила с'езду проект „директив" (Richtlinien), в которых читаем:

> „всю политическую власть имеет с'езд советов"... „Право избирать и быть избранным в советы имеют без различия пола, те, кто выполняет общественно необходимую и полезную работу без эксплуатации чужой рабочей силы"...

Мы видим, следовательно, как „независимые" вожди оказались жалкими мещанами, всецело зависимыми от филистерских предрассудков наиболее отсталой части пролетариата. Осенью 1918 года эти вожди, устами Каутского, отрекаются от всякого превращения советов в государственные организации. В марте 1919 года они сдают эту позицию, плетясь в хвосте рабочей массы. В апреле 1919 года они опрокидывают решение своего с'езда, переходя целиком на позицию коммунистов: „вся власть советам".

Не многого стоят такие вожди. Быть показателем настроения наиболее отсталой части пролетариата, идущей позади, а не впереди авангарда, для этого вожди не нужны. И при такой бесхарактерности, с которой они меняют свои лозунги, эти вожди ничего не стоят. К ним нельзя питать доверия. Они будут всегда балластом, отрицательной величиной в рабочем движении.

Наиболее „левый" из них, некий господин Деймиг (Däumig), рассуждал на с'езде партии (см. „Свободу" от 9. III) следующим образом:

„. . . Деймиг заявляет, что его ничто не отделяет от требования коммунистов: „вся власть советам рабочих депутатов". Но он должен обратиться против практически проводимого путшизма партии коммунистов, и против византинизма, который они проявляют по отношению к массам, вместо того, чтобы воспитывать их. Путшистская, раздробленная тактика не может повести вперед..."

Путшизмом немцы называют то, что старые революционеры в России лет 50 тому назад называли „вспышками", „вспышко-пускательством", устройство мелких заговоров, покушений, восстаний и т. п.

Обвиняя коммунистов в „путшизме", господин Деймиг доказывает этим только свой „византинизм", свою лакейскую услужливость по отношению к филистерским предрассудкам мелкой буржуазии. „Левизна" подобного господина, который повторяет „модный" лозунг из трусости перед массой, не понимая массового революционного движения, не стоит ломаного гроша.

В Германии идет могучая волна стихийного стачечного движения. Неслыханный под'ем и рост пролетарской борьбы, превышающий, видимо, то, что было в России в 1905 году, когда стачечное движение достигло невиданной еще в мире высоты. Говорить о „вспышко-пускательстве" пред лицом такого движения значит быть безнадежным пошляком и лакеем филистерских предрассудков.

Господа филистеры, с Деймигом во главе, мечтают, вероятно, о такой революции (если вообще есть в их головах хоть какая-нибудь идея насчет революции), когда бы массы поднялись сразу и вполне организованно.

Таких революций не бывает и быть не может. Капитализм не был бы капитализмом, если бы он не держал миллионные массы трудящихся, громадное большинство их в угнетении, забитости, нужде, темноте. Капитализм не может рухнуть иначе, как чрез посредство революции, поднимающей в ходе борьбы незатронутые раньше массы. Стихийные взрывы при наростании революции неизбежны. Ни одной революции без этого не было и быть не может.

Что коммунисты потворствуют стихийности, это лганье господина Деймига, совершенно такого же сорта лганье, как то, которое мы слышали много раз от меньшевиков и эсеров. Коммунисты не потворствуют стихийности, не стоят за разрозненные вспышки. Коммунисты учат массы организованному, цельному, дружному, своевременному, зрелому выступлению. Филистерским клеветам господ Деймига, Каутского и К° не опровергнуть этого факта.

Но филистеры не способны понять, что коммунисты считают — и вполне правильно — своим долгом быть с борющимися массами угнетенных, а не с стоящими в сторонке и выжидающими трусливо героями мещанства. Когда массы борются, ошибки в борьбе неизбежны: коммунисты, видя эти ошибки, раз'ясняя их массам, добиваясь исправления ошибок, неуклонно отстаивая пользу сознательности над стихийностью, остаются с массами. Лучше быть с борющимися массами, в ходе борьбы освобождающимися постепенно от ошибок, чем с интеллигентиками, филистерами, каутскианцами, выжидающими в сторонке „полной победы", — вот истина, которой господам Деймигам понять не дано.

Тем хуже для них. Они уже вошли в историю всемирной пролетарской революции, как трусливые мещане, реакционные нытики, вчерашние слуги Шейдеманов, сегодняшние проповедники „социального мира", все равно, прячется ли эта проповедь под видом соединения учредилки с советами, или под видом глубокомысленного осуждения „путшизма".

Рекорд побил в деле замены марксизма реакционно мещанским нытьем господин Каутский. Он тянет одну ноту: оплакивает происходящее, жалуется, плачет, ужасается, проповедует примирение. Всю жизнь сей печального образа рыцарь писал о классовой борьбе и о социализме, а когда дошло дело до максимального обострения классовой борьбы и до кануна социализма, наш мудрец растерялся, расплакался и оказался дюжинным филистером. В № 98 газеты венских предателей социализма, Аустерлицей, Ренееров, Бауэров („Раб. Газета", 9 апр. 1919 г., Вена, утренний выпуск) Каутский в сотый, если не в тысячный, раз сводит вместе свои ламентации.

„. . . Экономическое мышление и экономическое понимание утрачено он — выбито из голов всех классов".

„. . . Долгая война приучила широкие слои пролетариата к полному пренебрежению экономическими условиями и к твердой вере в всемогущество насилия..."

Это—два „пунктика" нашего „весьма ученого" человека. „Культ насилия" и крах производства — вот из за чего он, вместо анализа реальных условий классовой борьбы, сбился на привычное, старинное, искони мещанское нытье. „Мы ожидали — пишет он — что революция придет как продукт пролетарской классовой борьбы"... „а революция пришла вследствие военного краха господствующей системы, и в России и в Германии..."

Другими словами: сей мудрец „ожидал" революции мирной! Это великолепно!

Но господин Каутский растерялся до того, что забыл, как он же сам писал раньше, когда был марксистом, о том, что война весьма вероятно будет поводом к революции. Теперь, вместо трезвого, безбоязненного анализа, какие изменения форм революции неизбежны вследствие войны, наш „теоретик" оплакивает свои разбитые „ожидания".

„. . . Пренебрежение экономическими условиями со стороны широких слоев пролетариата"!

Какой жалкий вздор! Как хорошо знакома эта мещанская песенка по меньшевистским газетам эпохи Керенского!

Экономист Каутский забыл, что когда страна разорена войной и доведена до края гибели, то главным, основным, коренным „экономическим условием" является спасение рабочего. Если рабочий класс будет спасен от голодной смерти, от

прямой гибели, тогда можно будет восстановить разрушенное производство. А чтобы спасти рабочий класс, нужна диктатура пролетариата, единственное средство помешать сваливанию тяжестей и последствий войны на плечи рабочих.

Экономист Каутский „забыл", что вопрос о распределении тягостей поражения решается классовой борьбой и что классовая борьба в обстановке совершенно измученной, разоренной, голодной, гибнущей страны неизбежно меняет свои формы. Это уже классовая борьба не за долю в производстве, не за ведение производства (ибо производство стоит, угля нет, железные дороги испорчены, война выбила людей из колеи, машины изношены и прочее и так далее), а за спасение от голода. Только дурачки, хотя бы и весьма „ученые", могут при таком положении „осуждать" „потребительский, солдатский" коммунизм и высокомерно поучать рабочих важности производства.

Надо сначала, прежде всего, в первую голову спасти рабочего. Буржуазия хочет сохранить свои привилегии, свалить все последствия войны на рабочего, а это значит уморить рабочих голодом.

Рабочий класс хочет спастись от голода, и для этого надо на голову разбить буржуазию, обеспечить сначала потребление, хотя бы самое скудное, ибо иначе не дотянуть полуголодного существования, не додержать и до той поры, когда можно будет снова пустить в ход производство.

„Думай о производстве!" говорит сытый буржуа изголодавшемуся и обессиленному от голода рабочему, и Каутский, повторяя эти песни капиталистов якобы под видом „экономической науки", целиком превращается в лакея буржуазии.

А рабочий говорит: пусть буржуазия посидит тоже на полуголодном пайке, чтобы труженики могли оправиться, могли не погибнуть. „Потребительский коммунизм" есть условие спасения рабочего. Ни перед какими жертвами нельзя останавливаться для спасения рабочего! По полфунта капиталистам, по фунту рабочим вот как надо выбираться из голодной полосы, из разорения. Потребление изголодавшегося рабочего есть основа и условие восстановления производства.

С полным правом Цеткина заявила Каутскому, что он

„скатывается к буржуазной политической экономии. Производство для человека, а не наоборот..."

Совершенно такую же зависимость от мелкобуржуазных предрассудков обнаружил независимый господин Каутский, оплакивая „культ насилия". Когда большевики указывали еще в 1914 году, что империалистская война превратится в гражданскую войну, тогда господин Каутский молчал, сидя в одной партии с Давидом и К°, об'являющими это предвидение (и этот лозунг) „безумием". Каутский абсолютно не понял неизбежности превращения империалистской войны в гражданскую, а теперь свое непонимание сваливает на обе борющиеся в гражданской войне стороны! Разве это не образец реакционного мещанского тупоумия?

Но если в 1914 году непонимание того, что империалистская война неизбежно должна превратиться в гражданскую, было только мещанским тупоумием, то теперь, в 1919 году, это уже нечто худшее. Это измена рабочему классу. Ибо гражданская война и в России, и в Финляндии, и в Латвии, и в Германии, и в Венгрии есть факт. Сотни и сотни раз признавал Каутский в своих прежних произведениях, что бывают исторические периоды, когда классовая борьба неизбежно превращается в гражданскую войну. Это наступило, и Каутский оказался в лагере колеблющейся, трусливой мелкой буржуазии.

„...Дух, одушевляющий Спартака, есть в сущности дух Людендорфа... Спартак достигает не только гибели своего дела, но и усиления политики насилия со стороны социалистов большинства. Носке есть антипод Спартака..."

Эти слова Каутского (из его статьи в венской „Раб. Газете") до того бесконечно тупы, низки и подлы, что достаточно указать на них пальцем. Партия, которая терпит у себя таких вождей, есть гнилая партия. Бернский „Интернационал", к которому принадлежит господин Каутский, должен быть оценен нами по достоинству, с точки зрения этих слов Каутского, как желтый Интернационал.

Как курьез, приведем еще рассуждение господина Гаазе в статье об „Интернационале в Амстердаме" („Свобода", 4. V. 1919). Господин Гаазе хвастается тем, что по вопросу о колониях предложил резолюцию, по которой „союз народов, организованный по предложениям Интернационала... имеет задачей, до осуществления социализма"... (это заметьте!) ...„управлять колониями в первую голову в интересах туземцев, а затем в интересах всех народов, об'единенных в союзе народов..."

Неправда ли, перл? до осуществления социализма **управлять колониями** будет, согласно резолюции сего мудреца, не буржуазия, а какой то добренький, справедливенький, сладенький „союз народов"!! Чем это отличается практически от подкрашивания самого гнусного капиталистического лицемерия? И это „левые" члены бернского „Интернационала"..

Чтобы читатель нагляднее мог сравнить всю тупость, низость и гнусность писаний Гаазе, Каутского и К° с реальной обстановкой в Германии, приведу еще одну небольшую цитату.

Известный капиталист Вальтер Ратенау опубликовал книжоночку: „Новое государство" (Der Neue Staat). Книжоночка помечена 25 марта 1919 года. Теоретическая ценность ее равна нулю. Но как наблюдатель, Вальтер Ратенау вынужден признать следующее:

„... Мы, народ поэтов и мыслителей, по своему побочному занятию (im Nebenberuf) являемся филистерами...

... Идеализм есть теперь только у крайних монархистов и у спартакистов...

... Истина без прикрас такова: мы идем к диктатуре, пролетарской, или преторианской" (стр. 29, 52, 65).

Этот буржуа мнит себя, видимо, столь же „независимым" от буржуазии, как господа Каутский и Гаазе мнят себя „независимыми" от мещанства и филистерства.

Но Вальтер Ратенау на две головы выше Карла Каутского, ибо второй хныкает, трусливо прячась от „истины без прикрас", а первый признает ее прямо.

Н. ЛЕНИН.

28. V. 1919

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ КАК ОРУДИЕ РЕАКЦИИ.

Чем сильнее оффициальная социал-демократия в данной стране, тем хуже обстоят дела пролетариата. Это можно считать теперь вполне установленной аксиомой. При прочих равных условиях это несомненно так.

Почему в Германии с таким мучительным трудом рождается пролетарская революция? Почему там ценою целых ручьев рабочей крови пролетариат вершок за вершком отвоевывает себе власть? Почему так трудно приходится там коммунистам?

Ответ ясен. Главным образом потому, что в Германии была особенно сильна старая оффициальная социал-демократия, которая целиком перешла на сторону буржуазии.

Старая оффициальная социал-демократия стала орудием буржуазной реакции. Это не полемическая фраза, это не преувеличение, это об'ективная, можно сказать, научная истина.

Наиболее дальновидные круги буржуазии давно это поняли. Особенно хорошо это поняла германская буржуазия—буржуазия той страны, где классовая борьба за последний период новейшей истории зашла наиболее далеко.

Уже в первые месяцы войны германская буржуазия превосходно сознавала, что ее главной опорой является и явится и впредь германская социал-демократия. Идеологи германской буржуазии великолепно сознавали, что идея социализма завоевывает и неминуемо будет завоевывать все более широкие круги германского пролетариата. И отсюда вожди германской буржуазии сделали тот вывод, что лучшего агента, чем оффициальная германская социал-демократия, которая под флагом социализма защищает буржуазию, ей не найти.

Еще в апреле 1915 года в журнале „Preussische Jahrbücher“ была помещена замечательная статья под заглавием „Социал-демократия и мировая война“. Названный журнал, как известно, редактируется знаменитым профессором Дельбрюком, столпом буржуазной реакции. Это журнал „просвещенной“ консервативной германской буржуазии. В нем сотрудничали и сотрудничают наиболее дальновидные идеологи германской буржуазии. И уже в апреле 1915 г. названный журнал не только выше небес превозносил „свою“ социал-демократию, но и заявлял совершенно открыто, что эта социал-демократия именно для более успешного оседлания рабочих должна, во что бы то ни стало, сохранить свою радикальную внешность.

„Нам“ не нужно, чтобы оффициальная германская социал-демократия открыто заявила себя тем, что она есть, т. е. партией буржуазных реформ, партией противосоциалистической. Напротив, „нам“ нужно — говорилось в названной статье — чтобы германская социал-демократия непременно сохраняла свою социалистическую вывеску, ибо иначе она не сможет успешно выполнять роль *нашего* агента.

— „Характер рабочей партии с социалистическими идеалами она (германская социал-демократия) должна сохранить. *Ибо в тот день, когда она откажется от этого, возникнет новая партия, которая воспримет программу, от которой прежняя партия отреклась, и придаст ей еще более радикальную формулировку*“. Так писал автор названной статьи в журнале Дельбрюка (стр. 50–51).

Оффициальная социал-демократия должна обязательно сохранить свою радикальную внешность, иначе вместо нее создастся другая партия, которая поведет за собою массы. Социал-демократия нужна нам, Дельбрюкам всех стран, как вывеска, как приманка для рабочих. Наши агенты, наши Шейдеманы должны обязательно кутаться в тогу социалистов. Только тогда они смогут успешно проводить в массы влияние буржуазии. Без этого рабочие им не поверят.

Так цинично-откровенно ставили вопрос вожди германской буржуазии еще 3—4 года тому назад.

Много воды, много крови утекло с тех пор. Рабочее движение находится сейчас уже в иной стадии развития. Пролетарская революция в России победила, пролетарская революция в Германии находится на пути к победе. Неизменным осталось только одно: реакционная роль оффициальной социал-демократии. Эта социал-демократия осталась верной себе. И в силу этого не изменилось и отношение вождей буржуазии к оффициальной социал-демократии.

В 1915 году, когда писалась цитируемая статья, Шейдеман и его коллеги находились, по крайней мере, говоря формально, в рядах „непримиримой“ оппозиции в германском буржуазно-помещичьем рейхстаге. Теперь, в 1919 г., партия Шейдемана стоит у власти, он сам является премьер-министром, а Германия оффициально называется „социалистической“ республикой. И тем не менее, буржуазия по прежнему все свои надежды возлагает именно на Шейдемана и его партию.

В центральном органе германской социал-демократии, в газете „Vorwärts“ от 24 апреля 1919 г. помещена замечательная статья под заглавием „*Videant Consules!* Ein Mahnbrief in letzter Stunde“. Автором этой статьи является не какой-нибудь простой смертный, а фрейгер Карл Шенк фон-Швейнсберг. Это необыкновенная статья, это—манифест всей германской буржуазии. В этой статье мы читаем:

—„Если мы хотим спасти Германию от русской советской системы по принципу „вся власть Советам“, то нам остается только одно: мы должны сами дать германским рабочим разумную советскую систему, такую систему, при которой советы были бы второй палатой рядом с Национальным Собранием (Учредилкой) и во всех вопросах представляли бы интересы пролетариата.. Таким образом, нам удалось бы не только установить известное равновесие сил, но, может быть, даже добиться перевеса буржуазных партий“.

И свой манифест снятельный автор заканчивает словами:

—„Подводя итог, я скажу, что победить коммунизм можно только в том случае, если мы получим из-за границы продовольствие и сырье, во первых, и, во-вторых, *если мы установим внутри Германии чисто социалистическое правительство*, которое тотчас же введет советскую систему рядом с существующим германским Национальным Собранием“.

Яснее нельзя выразиться. Под „чисто социалистическим" правительством г. фрейгер Карл Шенк фон-Швейисберг понимает, разумеется, правительство социал демократов типа Шейдемана. Устами этого откровенного буржуа вся германская буржуазия заявляет нам, что спасти свою власть в теперешней Германии, где кипит гражданская война, она может только через посредство и при помощи „чисто социалистического" правительства социал-демократов.

В другой обстановке, при других обстоятельствах, германская буржуазия ставит ту же самую ставку на оффициальную социал-демократию, что и в 1914—1918 годах. И она совершенно права. Спасти ее от гибели или даже просто отсрочить ее гибель может только та партия, которой еще доверяет хотя бы небольшая часть отсталых рабочих. Такой партией и является оффициальная социал-демократия.

Бороться против старой казенной социал-демократии при настоящих обстоятельствах и означает бороться против буржуазии.

II.

То, что сказано выше относительно социал-демократии, относится не только к так называемой фракции большинства. Во всем основном оно, безусловно, относится также к вождям „независимой" социал-демократии, к так называемому социалистическому „центру" — как германскому, так и французскому

Перед нами лежит брошюра одного из самых известных вождей центра Каутского Брошюра эта озаглавлена „Проблемы пролетарской революции" и содержит несколько программных статей этого знаменитого теоретика „независимых" социалистов всех стран.*) Когда знакомишься с этой брошюрой, то ясно видишь, насколько прав фрейгер Шенк, когда он и его друзья возлагают все свои надежды именно на социал-демократию

В начале января 1919 г. Каутский напечатал целую „Программу социалистического преобразования". Эта программа начинается словами:

„9 ноября 1918 года пролетариат Германии завоевал политическую власть."

Можно ли себе представить более чудовищную ложь, чем та, что содержится в этих немногих словах? В начале января 1919 г. только слепой мог не видеть, что у власти в Германии фактически стоит буржуазия, опирающаяся на своих агентов, оффициальных социал-демократов.

В конце декабря 1918 г. тот же самый Каутский в другой статье под заглавием „Углубление революции" писал:

— „Военная аристократия, которая до сих пор стояла на пути всякого прогресса, свергнута, *но старый административный и правительственный аппарат продолжает функционировать в государстве и в армии.*" (Курсив наш).

Каутский видит, что все старые чиновники остались на прежних местах, что правительственный аппарат продолжает находиться в руках имущих классов. Но Каутский на то и является лакеем германской буржуазии, чтобы сейчас же „научно" обосновать необходимость сохранения старого буржуазно-бюрократического аппарата. Каутский пишет:

— „Приходилось выбирать: уничтожить ли этот аппарат одним ударом и тем самым сделать невозможными (!) демобилизацию, административную деятельность государства и всю (!!) общественную жизнь, или же оставить его, *сохранить вместе с ним основы старого режима* (курсив наш), ввергнувшего нас в пропасть, и, таким образом, ограничить революцию временной переменой ролей. В этом отчаянном случае нам помогли рабочие и солдатские советы, благодаря контролю которых старый государственный аппарат мог продолжать работать, не вызывая контр-революции".

Смысл этой длинной запутанной тирады ясен:

— Чиновников и бюрократов буржуазии нам убрать нельзя. Весь правительственный аппарат *должен* остаться в старых руках, иначе, видите ли, нельзя будет провести демобилизацию, иначе расстроится вся (!) общественная жизнь и наступит чуть ли не светопреставление. *Поэтому*, „основы старого режима" оставляются в неприкосновенности, а рабочие и солдатские советы должны послужить только фиговым листочком при старом аппарате. Рабочие же массы Германии можно будет утешить тем, что советы якобы осуществляют „контроль" над старым аппаратом. Рабочих можно будет кормить лживыми фразами, будто бы 9 ноября 1918 г. пролетариат Германии уже завоевал политическую власть...

Дальше некуда итти в услужении буржуазии!..

Рабочие массы Германии требуют немедленной социализации важнейших отраслей промышленности. Предоставленная самой себе, буржуазия никогда не могла-бы оказать успешное сопротивление натиску германских рабочих масс. Но на что же и существуют „независимые" и зависимые социал-демократы, как не для того, чтобы помогать буржуазии в трудных для нее случаях?

Вождь „независимых" Карл Каутский, в уже цитированной „Программе социалистического преобразования", предлагает при проведении социализации обязательно заплатить капиталистам выкуп. „Отчуждение социализированных предприятий должно совершаться путем выкупа, а не конфискации. За это говорят соображения справедливости (!), ибо конфискация ударяет по отдельным капиталистам, а не по целому классу, и не только по капиталистам, но и по мелким собственникам."

Тут не знаешь, чему больше удивляться: наивности или бесстыдству. Точно малый ребенок не понимает, что мы вполне можем выделить мелких собственников и так или иначе обеспечить им существование, полезное для государства. Точно каждый рядовой рабочий не понимает, что конфискация бьет *именно по классу капиталистов*, а вовсе не по отдельным капиталистам.

Но слушайте дальше. Допустим, социализация по принципу „справедливого выкупа" (вспомним кадетскую „справедливую оценку") произведена. *Кто* будет управлять социализированной промышленностью? Вы думаете, рабочие? Как бы не так! Вождь „независимых" социалистов Каутский предлагает следующую программу:

— „Управление синдикатами должно состоять на 1/4 из представителей предпринимателей, на 1/4 из представителей Советов рабочих депутатов, на 1/4 из организованных потребителей этой отрасли

*) Брошюра издана по русски эсеро-меньшевистским издательством „Сотрудничество". Статьи печатались по немецки в оффициальных органах „независимой" социал-демократии.

промышленности, т. е. промышленников, если эта отрасль фабрикует средства производства, и кооперативов и общин, если она производит средства потребления. Четвертую четверть должны составлять представители государства, которые выражают интересы целого."

В переводе на простой язык, при нынешнем соотношении сил в Германии это означало бы, что управление социализированной промышленностью находилось бы, по крайней мере на половину, а то и на ³/₄ в руках не рабочих, а в руках буржуазии и ее слуг. Может ли германская буржуазия при современном положении вещей найти лучших приказчиков, нежели Каутский?

И так по любому вопросу Каутский проводит именно программу буржуазии, а вовсе не программу пролетариата.

Возьмите, например, вопрос об аннулировании военных займов. Каждый честный рабочий понимает, что без аннулирования займов, сделанных господствующими классами на предмет ведения пятилетней бойни, ему не выпутаться из долгов, из налогов, не освободиться из цепких когтей голода. Другого мнения, конечно, держится буржуазия. Она считает, что в „приличном обществе" принято по долгам платить. Она считает, что рабочие на то и рабочие, чтобы сначала миллионами умирать на полях битв во имя интересов банкиров, а затем, когда бойня кончена, втечение полувека расплачиваться по долгам, которые произведены на предмет ведения этой бойни. Что же говорит по этому больному вопросу главный теоретик „независимых" Каутский?

— „Те же соображения, что за выкуп, говорят против простого аннулирования военных займов. Рядом с соображениями справедливости (!!) необходимо отметить здесь, что до полной социализации капиталистическое производство будет играть еще видную роль. Далее: что нас окружают еще капиталистические страны, что продукты и сырье нам нужны и получить их в ближайшее время мы можем только посредством займов. Незыблемость кредита является, поэтому, существенным условием нашей экономической жизни."

Чего еще нужно буржуазии от Каутского? Он обосновал необходимость высасывать последние соки из рабочих для уплаты по военным займам не только „научно", но и этически, интересами „справедливости"! Незыблемости буржуазного кредита в *социалистической* республике—вот чего добивается Каутский...

Но и этого мало.

Очередным делом германской буржуазии является в данный момент натравливание народных масс против германских коммунистов. Их изображают бандитами, головорезами. Нет той подлой клеветы, к которой буржуазия не прибегала бы в своей травле против германских коммунистов. В данный момент, когда империалисты „Согласия" навязывают германскому народу столь подлый насильнический мир, естественно, что к правительствам стран Согласия широкие народные круги Германии питают особенно острую ненависть. Сравнить коголибудь с правительствами Согласия означает сравнить его с самым ненавистным врагом германского народа. И вот г. Каутский в своем усердии лакея дошел до такой низости, что германских коммунистов он сравнивает именно с правительствами стран Согласия.

В уже цитированной статье „Углубление революции" Каутский пишет:

— „*Правительства победителей являются такими же (!!) сторонниками насилия, как и спартаковцы.* И победа последних в Германии означала бы возобновление войны с державами согласия. Ленин уже обещал для этой цели три миллиона человек и богатые жизненные припасы, но не сказал, где эти армии и припасы в России спрятаны."

Кто прочитает эти низкие слова, тот должен будет согласиться с нами: Каутский не только отрекся от идей революционного социализма, но стал прямо сикофантом, цепным псом буржуазии. Человек, который договорился до таких подлостей, упал до того же уровня, до которого в свое время упал ренегат Лев Тихомиров, когда он ушел от революционеров и стал служить идеям православия и самодержавия.

Вы найдете у Каутского, как водится, миллион оговорочек. Он расскажет вам, что „марксистский центр должен одновременно, с одной стороны, убеждать медлительных, вызывать на критику доверчивых, а с другой стороны, сдерживать невежественных и непонимающих". Он нарисует вам идиллию „единства", при котором внутри одной партии ведется идейная борьба, но эта борьба „не прорывает единого пролетарского фронта, если она ведет лишь к тому, что левые подталкивают правых, а правые удерживают левых от необдуманных шагов".

Но все это пустая болтовня, которая может утешить только старых баб из „независимой" партии. В основном Каутский согласен с Шейдеманом. В статье „Углубление революции" он прямо признает: „В таком понимании углубления революции мы *сходимся* с социалистами большинства." „Мы теперь все (стало быть и палач Носке?) стоим на одной и той же почве марксизма."

С чем и поздравляем г. Каутского...

* * *

Кое в чем теперь „независимые" изменили свою позицию. Они делают вид, что они левеют. Но верить Каутскому и его друзьям означало бы то же самое, что верить Азефу и Тихомирову. И мы счастливы тем, что наши товарищи германские коммунисты оценивают положение совершенно так же, как и мы. В статье одного из влиятельнейших германских коммунистов товарища Хартштейна мы читали на днях, что германские коммунисты вполне готовы, если это окажется необходимым, бороться против намечающегося правительства „независимых" вооруженной рукой. Это значит, что германские рабочие сознают свой долг...

Оффициальная социал-демократия во *всех* странах и во *всех* ее разветвлениях, включая и „независимых", стала орудием буржуазной империалистской реакции. Надо вырвать у буржуазии это ее последнее орудие, надо его сломать, уничтожить. И тогда последний натиск на твердыни буржуазии будет не так уже труден..

Г. ЗИНОВЬЕВ.

ИНТЕРНАЦИОНАЛ ДЕЙСТВИЯ.

Второй Интернационал скончался в августе 1914 го года, когда разразилась мировая война. Давно уже он влачил призрачное существование, бессильный и чахлый, зараженный раз'едающими туберкулезными бациллами реформизма. Он имел довольно импозантную внешность, насчитывал миллионы примыкавших к нему пролетариев, но его внутренность,—сердце, легкие и кровь—все то, что должно было давать ему силу и свежесть, было уже поражено и разлагалось. От первоначального революционного социализма оставалась только покрышка,—в виде речей, резолюций, бумажных постановлений,—но заглянувшего под эту оболочку встречала зияющая пустота реформизма и социал-патриотизма.

Неслыханное испытание мировой войны заставило второй Интернационал рассыпаться как ветошь. Только немногие социал-демократические партии — главным образом, большевики в России— остались верны своим идеалам и боролись всеми силами против мировой войны и за низвержение породившей ее преступной капиталистической системы. Прочие, большинство, изменили всему, что до тех пор было для них святыней и долгом. Правые социалисты Германии и Австрии продались кайзеру, социалисты Англии—Ллойд-Джорджу, социалисты Америки—Вильсону; лишь меньшинство отстаивало в этих странах дело пролетариата. Социалисты шли против социалистов, рабочие против рабочих, убивая друг друга в патриотическом одушевлении, по приказу своих господ—капиталистов Лидеры правых социалистов,—от Шейдемана—Тома Вандервельде в воюющих странах—до Брантинга в нейтральных,—об'явили эти позорные убийства священным социалистическим долгом! Когда же революционные социалисты подняли в Циммервальде знамя возмущения против войны и империализма, они были „отлучены от церкви" этими прислужниками капитала, а также и буржуазными правительствами, которые заключили священный союз для одурачивания и угнетения пролетариата.

Итак, второй Интернационал был убит своими же вождями. Он умер позорной смертью труса и предателя.

Перед лицом начинающейся мировой революции социал-патриоты поспешили даровать друг другу амнистию на конференции в Берне и попытались вдохнуть интернациональную жизнь в свой политический труп. Они боялись потерять владычество над массами, которые начали уже итти своим путем, путем революции, не спрашивая позволения у предателей—вождей. Но желтый Интернационал обречен на неудачу, так как он стоит на гнилой и зыбкой почве отживших традиций гражданского мира и патриотизма. На призыв его снова собраться под старыми знаменами приговор истории гласит: ваша песня спета.

Вместо этого, из пепла мировой войны и развалин старого Интернационала подымается новая могучая армия борющегося революционного рабочего класса: Третий Интернационал. На всемирном коммунистическом конгрессе в Москве (в начале марта), на котором присутствовали представители восемнадцати социалистических партий, образовался Коммунистический Интернационал, в котором Циммервальдское движение, имевшее ведь только временный характер, возобновилось в своих основных чертах. Руководящее направление и программа Третьего Интернационала находятся в теснейшей связи с идеями и принципами, которые провозглашены коммунистическими партиями России и Германии,—этими изумительными пионерами революционного социализма.

Московский конгресс—историческое событие. Это начало сбора революционного пролетариата всего мира для великой, решительной, последней борьбы против порабощения труда капиталом и против духовного рабства.

Все сознательные рабочие должны с восторгом приветствовать это событие, как начало новой эры—золотого века труда, права, свободы. Туда приведет нас Интернационал Действия.

З. ХЁГЛУНД.
(Швеция.)

ПРОГРАМНЫЕ ВОПРОСЫ В ШВЕЙЦАРСКОЙ ПАРТИИ.

Швейцарский партийный с'езд, состоявшийся в декабре 1918 г. образовал комиссию для выработки новой программы. Этой комиссии не было дано указаний, в каком направлении она должна вести свои работы по пересмотру. И вот получилось два воззрения, противостоящих друг другу. Одно из них требует полного пересмотра партийной программы, другое же считает необходимым пересмотр лишь второй части программы, так называемой программы работы.

Последний взгляд особенно отстаивает товарищ Роберт Гримм в своей брошюре: „Революция и массовое выступление". Он пишет здесь: „Выполняя постановление последнего партийного с'езда относительно новой программы, следует заняться не столько изменением существующей партийной программы, сколько выработкой для этой программы надлежащего комментария, который должен указать нам, какие требования должны быть выдвинуты в качестве центрального пункта пропаганды и практической борьбы". А в заключительной главе этой брошюры мы встречаем следующие слова: „В то время как старые, так называемые исторические партии были уничтожены пожаром мировой войны, рабочее движение в Швейцарии, начиная с августа 1914 г., напротив, испытало беспримерный под'ем. Оно в одинаковой степени проявило духовную мощь и развило свои методы борьбы. Оно вовсе не нуждается в какой-либо новой ориентации. Его ориентацией является социал-демократическая программа, социализм."

Мы не можем согласиться с таким взглядом. Пожар мировой войны не только уничтожил исторические партии, но превратил в пепел и второй Рабочий Интернационал. Тот факт, что в августе 1914 г. большие социал-демократические партии Германии, Франции, Австро-Венгрии и других стран пренебрегли постановлениями интернациональных социалистических конгрессов, вотировали военные кредиты и стали оказывать поддержку мировой войне, вызвал глубокое разочарование в широких кругах. Этот крах затронул также и социал-демократическую партию Швейцарии. Наша фракция в Национальном Совете не только вотировала кредиты на мобилизацию, но и голосовала единодушно за предоставление Союзному Совету неограниченных полномочий. Столь далеко идущая поддержка буржуазии социал-демократами — неслыханная вещь в парламентской истории всего мира. Осенью 1914 г. наша партия также заключила с буржуазией гражданский мир. Трагедия заключается в том, что мы долгое время не отдавали себе отчета в этой позорной измене нашим принципам. Мы ясно видели сучок в глазу нашего заграничного брата, а бревна в собственном глазу мы не замечали.

Мы не можем пройти равнодушно мимо этого обстоятельства Мы должны попытаться вскрыть его причины. Эти причины лежат не в характере действовавших тогда лиц и не в наших „особых обстоятельствах", на которые так часто ссылались. Крах был интернациональным и причины его повсюду одни и те же. Наша превосходная партийная программа не могла предохранить нас от этого грехопадения. Стало быть, что-то в ней не ладно, стало быть, ориентация была ложной.

Во всех воюющих странах внутри организованного пролетариата произошел раскол, приведший к отделению правительственных социалистов и вызвавший еще дальнейшие разногласия. Советская Венгрия показывает, что путь к единству действий пролетариата лежит иногда через внутренний раскол Исследование причин этого раскола ясно показывает, что они заключаются далеко не в одних тактических разногласиях. Кто следит за литературой и дискуссиями, должен признать, что имеются и глубокие различия в целях.

Втечение долгого, лежащего позади нас периода спокойного развития, в чистое социалистическое учение, как оно было обосновано Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом, была внесена примесь всевозможных суррогатов. Постоянно старались подчеркивать в социалистическом учении лишь то, что признавалось приемлемым для буржуазии. Таким образом, постепенно отодвигалось на задний план и забывалось революционное содержание, революционная душа социализма. Произведения социалистической литературы до мировой войны содержат в себе по преимуществу разжиженный, вылущенный социализм, который в настоящее время создает столько затруднений для правильного понимания современности

Это интернациональное явление не миновало и Швейцарии. И у нас социалистическое учение было „приспособлено" к обстоятельствам. Каждая страница нашей партийной программы носит на себе явные следы приспособления к нашим „демократическим" учреждениям. Партийная программа в целом проникнута духом оппортунизма, она является продуктом ошибочного представления о медленном, но непрерывном, спокойном вростании современного строя в социалистическое государство. Конечно, в партийной программе классовая борьба выдвинута на первый план, но практические средства, предлагаемые для проведения этой классовой борьбы, показывают, что составитель программы, товарищ Отто Ланг, был проникнут той мыслью, что пролетариат может осуществить социализм, взяв в свои руки существующие государственные учреждения.

Третий отдел партийной программы, носящий заглавие „Путь к социализму", ясно и определенно выражает этот взгляд в следующих предложениях: „В этом направлении социал-демократическая партия стремится расширить круг задач, лежащих на союзе, на кантонах и на общинах". Далее: „Она требует все возрастающего участия пролетариата в законодательстве и во всех отраслях общественного управления, чтобы перестроить их на демократических началах и приспособить их для постепенной социализации. В этих положениях ясно вы-

ражена необходимость сотрудничества социал-демократов с буржуазией в учреждениях современного капиталистического государства, созданных буржуазией ради ее классовых интересов. Наша теперешняя партийная программа преследует цель улучшить буржуазное государство, заняться его штопаньем. Предполагается, что это штопанье достигнет такого совершенства, что большинство „народа" вручит социал-демократическим штопальщикам буржуазный государственный аппарат, вверит им правительственную власть. Тогда и будет осуществлен социализм.

В то время как в Швейцарии эта тенденция социал демократии нашла себе выражение главным образом в партийной программе, германские социалисты большинства, исповедующие такую же идеологию, претворили эту программу в действительность. После октябрьской революции они образовали правительство и взяли в свои руки буржуазное государство со всем административным и чиновничьим аппаратом монархии Вильгельма II. Они пользуются этим буржуазным государственным аппаратом и в качестве послушного орудия в руках буржуазии направляют его против рабочих. У нас давно уже поняли, что, совершив это, германские социалисты большинства впали в тяжкую ошибку. Но и теперь, как в 1914 г., мы видим ошибки других, а не сознаем неправильности своих собственных действий,—мы ведь „не нуждаемся в новой ориентации".

Для нас нет другого пути, как снова вернуться к тому, что писали по этому вопросу Маркс и Энгельс. В предисловии к Коммунистическому Манифесту мы читаем: „Именно Коммуна явилась доказательством того, что рабочий класс не может просто овладеть готовым государственным механизмом и заставить его работать для своих собственных целей". Эта важная поправка к Манифесту была истолкована господствующим пониманием марксистского социализма в том смысле, будто Маркс подчеркивает здесь идею медленного процесса развития, как она выражена в нашей партийной программе, и противоположность насильственному захвату власти пролетариатом. Но такое толкование является одним из многих случаев подлога социалистического учения. О том, какой смысл вкладывал Карл Маркс в эти слова, мы узнаем из его письма к Кугельману от 13 апреля 1871 г., где он пишет: „Когда ты заглянешь в последнюю главу моего „18 брюмера", ты увидишь, что я принимаю, в качестве ближайшей попытки французской революции, уже не переход бюрократическо милитаристской машины из одних рук в другие, как это бывало раньше, а ее разрушение (курсив Маркса); в этом—предпосылка всякой подлинно народной революции". В словах „разрушение бюрократическо милитаристской машины" дана характеристика одного из главных этапов развития, ведущего к осуществлению конечной цели социализма Коммунисты России и Венгрии последовали словам Маркса, они смогли осуществить господство пролетариата. Сторонники же поддельного социализма привели к гибели второй Интернационал, а Германия явила нам плоды этого „социализма".

В „Венской Рабочей Газете" д-р Макс Адлер опубликовал критическую статью о большевизме и коммунизме. В ней выставляется в качестве главного признака, решающего момента, отличающего большевизм от социалистического коммунизма,— только „идея диктатуры пролетариата при отвержении демократии и даже с принципиальным подчеркиванием терроризма". Нам думается, что здесь указан лишь побочный, второстепенный признак большевизма. Характерный, действительно решающий момент большевизма заключается в том, что Ленин „разбил" русский буржуазный государственный аппарат и на его обломках создал пролетарскую систему советов, новые доселе неизвестные органы пролетарской государственной власти. В этом исторический подвиг большевиков. Критический анализ большевизма, не упоминающий об этом основном факте, не только является неполным, но неизбежно должен привести к ошибочным выводам. Только это и об'ясняет, как мог товарищ Адлер,—который, впрочем, в заключительной части своей статьи предстает перед нами в качестве центровика-каутскианца,— как мог он написать, что водораздел между коммунистами-большевиками и социал-демократами заключается только „в целом комплексе тактических проблем". Это было бы правильно лишь тогда, если бы еще *до* выступления большевиков в России, „революционный социал-демократ" не поставил своего „коммунистического идеала" под спуд. Если независимые в Германии и в Австрии, а также их духовные близнецы из нашего центра, восклицают теперь из страха пред большевизмом: „Мы тоже коммунисты, нас разделяют только вопросы тактики", то никто им больше уж не верит.

Мы стоим перед обломками второго Интернационала. Прежде чем приняться за восстановление нового третьего Интернационала, мы должны освободиться от ошибок второго, рухнувшего. Эти ошибки—не только тактического, но и принципиального характера. Не должно случиться во второй раз, чтобы мы, социал-демократы, стали отрекаться от основных принципов нашего учения и поддерживать буржуазию в борьбе против интересов рабочих.

Вопросы эти подлежат дискуссии в связи с обсуждением новой партийной программы, но для нас речь может итти лишь о полном пересмотре программы. Социал-демократическая партия Швейцарии стоит перед необходимостью новой ориентации. В основу этой ориентации должна быть положена платформа третьего Интернационала.

Евгений МЮНХ.
(Швейцария).

Делегаты первого съезда Коммунистического Интернационала в Москве
(2—6 марта 1919 г.).

Роза Люксембург.

Карл Либкнехт с сыном.

Карл Либкнехт на трибуне.

СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА В БАВАРИИ.

При изучении перспектив, открывающихся перед провозглашенной в Мюнхене в начале апреля советской республикой, нужно прежде всего поставить вопрос: как обстоит дело с организацией советов в Баварии? Ясно, что провозглашение советской республики в главном городе страны только тогда имеет смысл, когда повсюду имеются уже местные органы, которые смогут и пожелают взять на себя осуществление захвата власти во всей стране. Другими словами, можно устранить ландтаг, его депутатов, его избирательные округа и его избирателей только тогда, когда на место него можно будет поставить работоспособный с'езд советов и целый аппарат окружных, местных и фабричных советов. В каком же положении находится все это в Баварии?

Первая попытка образовать в Баварии советское правительство, сделанная в Мюнхене в конце февраля, после убийства Эйснера, и те формы, в которые эта попытка вылилась, дают ясный ответ на этот вопрос. Образовавшийся в первые же дни из более радикально настроенных мюнхенских советов временный революционный центральный совет немедленно созвал с'езд советов всей страны, который должен был вручить ему оффициальный мандат и тем самым сделать его высшим правительственным органом страны. С'езд советов, однако, отступил перед таким шагом, признав себя на это неправомочным (вернее—неспособным) и вновь созвал ландтаг.

Главными защитниками этого постановления, естественно, были представленные на с'езде советов кайзер-социалисты. Оппортунистические соображения, которыми они обосновывали такую тактику, имели, однако, иные основания, чем позиция хотя бы северо-германских шейдемановцев в вопросе о Национальном Собрании. Подлинные представители „демократической“ идеологии в баварской социал-демократии были тогда устранены или временно из'яты (бывшие министры Ауэр, Гофман и Тим — благодаря разгону ландтага, мюнхенский профессиональный деятель Франц Шмидт— благодаря своему глубоко компрометирующему поведению на последних заседаниях мюнхенского рабочего совета). Оставшиеся члены большинства на с'езде советов в принципе были почти все согласны на введение системы советов, как формы государственной организации (это явилось результатом медленной, но упорно прогрессировавшей левой ориентации рабочих масс); голосовать за такую организацию помешала только „реально-политическая“ точка зрения на особенности экономической и социальной структуры Баварии, в виду которых они считали, что советское правительство там не удержится. Этот взгляд, который долгое время разделялся и большинством баварских независимых, не лишен был некоторых фактических оснований. Бавария является по преимуществу земледельческой страной. И при том, в отличие от северо-восточной Германии, она является страной средне-крестьянского хозяйства. Крупные поместья, на которые, как в Пруссии, принуждены работать батраки и испольники, здесь так же неизвестны, как жалкие, разоряющиеся мелкие крестьяне. Что же касается промышленности, то, например, Мюнхен,—крупнейший город страны,—насчитывает всего 6 или 7 больших фабрик, из которых ни одна по числу рабочих не может сравниться даже с более мелкими фабричными предприятиями промышленных центров северной Германии. К этому еще присоединяется то обстоятельство, что в Мюнхене приток фабричных рабочих из деревни и отлив их в деревню является настолько сильным, как ни в каком другом городе Германии; это мешает созданию здесь оседлого пролетариата. Единственно в Нюрнберге с Фиртом и Аугсбургом, а также в некоторых мелких провинциальных городках, можно говорить о заметном преобладании фабричного пролетариата. С социальной точки зрения это означает прежде всего незначительное, мало заметное развитие классовых противоречий и вследствие этого отсутствие непосредственных импульсов к борьбе. Эти фактические особенности экономической и социальной структуры Баварии нельзя упускать из виду; благодаря им поведение баварских представителей большинства становилось более опасным, чем поведение их северо германских единомышленников, за оппортунистическими гримасами которых стоят голые факты страдающих и нищающих масс городского пролетариата и сельских батраков.

Несмотря на это, ход мысли баварских сторонников большинства столь же ложен, и сами они заметили бы это, если бы они умели мыслить, если бы они хоть немного были проникнуты революционностью, главное же—если бы они имели какое либо представление об организационном принципе социальной революции нашей эпохи — о советах.

Ибо слабое развитие классовых противоречий в Баварии, разумеется, только кажущееся, и в этой скрытой форме классовая борьба для рабочих является особенно опасной, так как победа буржуазии может, благодаря этому, найти себе опору в массах самих угнетенных и таким образом возникает опасность ее увековечения.

Именно для противодействия этому сторонники идеи классовой борьбы должны всеми средствами диалектической и практической пропаганды усиливать классовое сознание, должны пробуждать волю рабочих к борьбе за власть, должны создать для такого боевого фронта соответствующую политическую форму в виде советов,—организации чисто пролетарских слоев населения, с исключением всех остальных.

Осторожные сторонники большинства на с'езде советов были бы правы, если бы они сказали: „мы против немедленного введения советской республики, так как у нас нет еще советов, которые могли бы поддержать ее“. Действительно, в Баварии еще не существовало таких советов, которые сознательно отнеслись бы к своей подлинной

задаче, к организации чисто пролетарских слоев населения в целях подготовки к захвату власти и его осуществления, которые соответственно этому организовались бы и проводили бы это начало в чистом виде. После того как в начале ноября отдельные революционные, т. е. не „избранные в надлежащем порядке" рабочие и солдатские советы организаторски сконцентрировали в Баварии революционное движение масс и тем самым помогли стать у власти правительству Эйснера, этот пример стал повсюду пробуждать смутное стремление к образованию „советов по русскому образцу". Беда только в том, что о „русском образце" здесь не имели ни малейшего понятия и свернули поэтому в избитую колею демократического представительства интересов. В средине декабря состоялись „правильные" перевыборы всех советов, согласно декрету, подписанному кайзер-социалистом Ауэром. Декретированный им избирательный регламент совершенно уничтожил политический и боевой характер советов. На ряду с представителями от фабричных предприятий, в советах заседали делегаты купеческих организаций и даже буржуазные профессора, в качестве представителей „умственных рабочих". Единственно революционным элементом в городских советах явились остатки первоначально назначенных революционных рабочих советов, которых не удалось устранить от сотрудничества. В качестве задач для этих „советов" был поставлен только призрачный контроль над органами коммунального управления, да еще осуществление в большей или меньшей мере профессиональных функций. Втечение целых пяти месяцев нигде не происходило перевыбора советов, в которых заседали большею частью старые служащие профессиональных союзов, а в сельских местностях земские служащие и т. п. В то время как в массах, благодаря экономическому гнету и деятельной пропаганде постепенно укоренявшейся во всей стране коммунистической партии Германии, непрерывно росли классовое сознание и воля к борьбе,—советы, вследствие отсутствия у них политических задач и неясности компетенции их исполнительных органов, начали терять всякий интерес к работе и превращались в такие же говорильни, какими прежде являлись парламенты.

Что представители таких советов, даже при наличности доброй воли, не могли решиться взять на себя создание советского правительства, другими словами, осуществление диктатуры пролетариата,— понятно и без дальнейших пояснений. Но этим же измеряется ценность первой прокламации баварской советской республики от 7 апреля: ввести советскую систему решились ведь те же самые люди, которые несколько недель перед этим руками и ногами отбивались от этой мысли. Посмотрим, как это могло произойти. Хотя февральский с'езд советов и постановил, в силу оппортунистических соображений, вновь созвать ландтаг, но все же он оказался в достаточной мере „революционным", чтобы принять доклад, по которому ландтаг должен быть созван только на краткую сессию, единственная задача которой состояла в утверждении предложенного с'ездом советов состава министерств. Когда при дальнейшем течении событий ландтаг не пожелал подчиниться этому ограничению и, в расчете на бессилие с'езда и господствующие в его среде разногласия, отважился на изменение собственной властью состава министерства, тогда даже члены с'езда советов, принадлежащие к сторонникам большинства, признали, что только „советская республика" может еще спасти „завоевания революции". И вот ландтагу не дают собраться и Баварию провозглашают „советской республикой". С чисто формальной точки зрения этот шаг имел большое значение, так как можно было расчитывать на поддержку советов всей страны, официальные представители которых стояли за такое решение. В действительности же значение этого шага было почти равно нулю. Коммунистические вожаки Мюнхена увидели это и отказали на этом основании в своем сотрудничестве. Но они видели еще кое-что. Они сознавали, что застою в развитии советов противостояло все растущее радикализирование масс благодаря усиливающемуся гнету распадающегося дезорганизованного капиталистического хозяйства. Поэтому они могли бросить лозунг создания действительной системы советов с переходом всей власти исключительно в руки пролетариата. Повидимому, в Мюнхене им удалось, обойдя „советы", которые уже давно не являлись представителями пролетарских масс, вступить с последними в непосредственную и тесную связь и таким путем достигнуть действительной власти. Конечно, это еще не означало успеха во всей стране. Коммунистическая партия еще не развилась здесь в такой мере, чтобы она могла повсюду заменить отсутствующие работоспособные советы. Нам придется, быть может, еще пережить момент, когда это многообещающее начинание будет опрокинуто „социалистическим" правительством Гофмана при поддержке, быть может, тех товарищей, которые 7 апреля голосовали за „советское правительство". Но мы надеемся, что коммунистам при этом все же удастся спасти свою организацию и сохранить свою работоспособность. Они смогут оценить опыт этих дней борьбы и для них сохранится возможность прежде всего позаботиться о зерне будущего развития, о надлежащей организации советов.

Посредством неутомимой пропаганды, посредством выработки важнейших програмных требований и ознакомления с ними всех пролетарских и полу-пролетарских слоев населения, посредством выявления и обострения классовых противоречий и укрепления воли к борьбе, наконец, посредством превращения советов в чисто классовые организации сознательного пролетариата и завоевания их коммунистами — посредством всех этих методов борьбы удастся подготовить такой момент для захвата власти, когда никакая сила в мире не сможет уже свергнуть организованное господство угнетаемых классов. Эти методы и в Баварии,—несмотря на ее „особую экономическую и социальную структуру",—поведут к поставленной цели.

Виктор РЁБИГ.
(Бавария)

От редакции: Эта статья написана товарищем, приехавшим в Россию из Мюнхена до поражения советской власти в Баварии. Опасения товарища оправдались. И тем не менее мы говорим: советская Бавария разбита—да здравствует советская Бавария!

ХОД РЕВОЛЮЦИИ В ВЕНГРИИ.

В конце октября на итальянском фронте замолкли ружья, войска в гарнизонах отказались повиноваться властям. Это вызвало крушение аграрно-финансового блока, который царил над Венгрией, опираясь на штыки и беспрекословное подчинение солдат.

Образовалось мелко-буржуазное социал-демократическое правительство. Его программа была: создать капиталистическую демократию и восстановить производство на капиталистических основах. Но расчет был сделан без хозяина. Уже при первых революционных вспышках повсеместно образовались производственные советы, захватившие в свои руки фабрики, где они приобрели исключительное влияние и стали проводить широкие требования. Правительство пыталось, правда, свести на нет эти завоевания, но попытки его остались безуспешными уже потому, что за ними не стояло вооруженной силы. Армия была дезорганизована и, несмотря на все усилия, правительству не удалось создать новые надежные кадры. Антанта довершила своей тактикой ослабление буржуазии. Она заняла обширные области страны, главным образом те, которые доставляли промышленности сырье. Попытки буржуазии путем саботажа привести новую систему к крушению вызвали решительное противодействие со стороны рабочих и окончательно подорвали позицию буржуазии.

Венгрия является преимущественно земледельческой страной — обстоятельство, на первый взгляд благоприятствовавшее новому строю. Правительство и пыталось провести аграрную реформу, которая должна была значительно увеличить и усилить мелкое землевладение и тем самым создать целый слой мелких собственников, т. е. приверженцев мелко-буржуазной капиталистической системы. Однако, эта попытка разбилась о сопротивление батраков и беднейших крестьян. Венгрия обладает большими поместьями, сравнительно хорошо оборудованными. Их предполагалось раздробить на мелкие участки и раздать за плату батракам, но в настоящее время оказалось невозможным снабдить весь вновь возникающий слой мелкого крестьянства скотом и земледельческими орудиями. Такое лоскутное хозяйство, — без сельско-хозяйственных построек, без земледельческих орудий и к тому же полученное за дорогую плату, — вызвало протест со стороны батраков и беднейших крестьян. Во многих местностях они захватили большие поместья в общественное пользование и продолжали вести в них хозяйство на товарищеских началах.

При таком политико-экономическом положении коммунистическая агитация развивала лихорадочную деятельность: за 15 недель партия распространила больше агитационной литературы, чем социал-демократическая партия за 15 лет. Партийная газета и научный орган партии имели высокий тираж и находили большой спрос среди рабочих. Каждое экономическое мероприятие правительства подвергалось жестокой критике, каждому ложному шагу в политике противопоставлялся правильный. Мелкобуржуазно-социалистическое правительство подвергало коммунистов самым жестоким преследованиям, но этим только увеличивало число их приверженцев среди рабочих.

Так обстояли дела в начале марта. Подготовлялись выборы в Национальное Собрание. Опыт Германии и Немецкой Австрии не оставлял сомнений, что социал-демократического большинства не образуется. А между тем рабочие не были склонны уступить власть буржуазному большинству. Социал-демократическая партия открыто заявила, что признáет результат выборов только в случае благоприятного для нее исхода. Она угрожала разогнать парламент силой оружия.

Это было открытое выступление против буржуазной демократии. Одна за другой отступали от выборов буржуазно-радикальные партии, между тем как контр-революция открыто готовилась к бою

К этому тяжелому внутреннему положению правительства присоединилось ухудшение внешних обстоятельств. Антанта со дня на день увеличивала свои притязания. В первых числах марта она потребовала выдачи чехо-словакам дунайского флота и дунайских верфей, а 19 марта она вручила правительству известную ноту де-Лоби. Так как к этому времени выяснилось, что правительство не может удержаться — оно сделало все выводы и 21 марта подало в отставку.

Маркс уже в молодости указывал на то, что даже при частично-развитом капитализме невозможна чисто капиталистическо-демократическая революция. А если рабочие берут власть в свои руки, они используют ее для защиты собственных интересов. События в Венгрии являются классическим оправданием этой мысли.

Юлиус АЛЬПАРИ.
(Будапешт)

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ВЕНГРИЯ.

Шесть недель тому назад постороннему зрителю показалось бы совершенно невозможным образование советской республики в Венгрии. Венгерский пролетариат делился на две фракции; одна, численно несомненно преобладавшая, принадлежала к социал-демократической партии. Другая часть, значительно меньшая, но выступавшая в политическом отношении с большей настойчивостью, принадлежала к коммунистической партии. Казалось, что между обоими фракциями происходит непримиримая борьба: вожди коммунистической фракции были даже арестованы по распоряжению правительства, в которое входило 4 социал-демократических министра.

Вскоре после ареста вся власть в стране перешла в руки венгерского пролетариата: пролетариат принципиально стал на точку зрения советской системы, провозгласил диктатуру пролетариата, и с тех пор вожди бывшей социал-демократической партии работают в полном согласии, рука об руку с коммунистами, над упрочением диктатуры пролетариата. Среди советских комиссаров — два бывших министра, которые еще недавно дали согласие на арест вождей коммунистической фракции. В настоящее время среди венгерского пролетариата царит полное единение: при слиянии обоих фракций откололось всего три бывших вождя социал-демократической партии: Гарами, бывш. министр торговли, Бюхингер, секретарь партии, и Пейдель, типограф, министр без портфеля; все они не были согласны стать на почву диктатуры.

Эта своеобразная перемена была возможна лишь вследствие того, что венгерская социал-демократическая партия несравненно радикальнее, чем западные социал-демократические партии. Венгерская с.-д. партия, — если не считать мелких уклонений,—осталась совершенно чужда социал-патриотизму. В Венгрии во время войны не было гражданского мира, классовая борьба пролетариата продолжалась и, невзирая на войну, проявлялась часто в очень острой форме. Это сделало возможным переход от с.-д. базы к коммунистической политике.

Причина, побудившая вождей с.-д. партии, прошедших марксистскую школу, в частности автора этих строк, принципиально изменить политику, лежала в сознании, что в Венгрии—как, вероятно, и во всех других странах,—невозможно воссоздание производства на капиталистической основе. Первая венгерская революция столь основательно устранила милитаризм, что господствующие классы были лишены всякой возможности употребить вооруженную силу против пролетариата. Рухнула, следовательно, одна из безусловно необходимых опор всякого капиталистического производства—вооруженная сила, принуждающая, в случае необходимости, пролетариат к работе. Венгерская армия совершенно распалась во время первой революции. Не осталось незатронутых разложением военных кадров, которые могли бы, как в Германии, служить собирательным центром для всякого рода контр-революционных организаций. Военные организации, возникшие после первой революции, стояли гораздо ближе к пролетариату, чем к буржуазии; было, следовательно, совершенно немыслимо использовать против пролетариата эти заново возникшие отряды, имевшие свои солдатские советы и своих уполномоченных.

Само собою понятно, что при таких обстоятельствах капиталисты должны были соглашаться на требования пролетариата о повышении заработной платы, в противном случае рабочие применили бы насилие против капиталистов и их служащих. Но так как при таких размерах заработной платы производство должно было стать для капиталистов невыгодным, то они устранились от производства, и вся капиталистическая система попала в мертвую точку. В связи с повышенными требованиями рабочих соответственно повысились и цены. Таким образом, все производство очутилось в заколдованном круге, и было ясно, что раз требования рабочих не могут быть ограничены военной силой, их не удастся исполнить при сохранении капиталистической системы, особенно при том разрушении, какое вызвала в производственном аппарате Венгрии продолжительная война. Для всякого сознательного марксиста было очевидно, что при сохранении капиталистического строя хозяйство страны идет навстречу абсолютному краху, что реорганизация производства возможна лишь в том случае, если все капиталистические препятствия для хозяйственного развития будут устранены одним ударом и вся хозяйственная жизнь будет подчинена диктатуре пролетариата.

Переход политической власти к венгерскому пролетариату был облегчен тем обстоятельством, что империалисты держав Согласия хотели продиктовать Венгрии такой мир, принять который буржуазно-социал-демократическое коалиционное правительство не хотело, не имея однако мужества отвергнуть его. Поэтому коалиционное правительство решило подать в отставку и передать всю правительственную власть пролетариату. Буржуа полагали, что они передают власть с. д. партии и были, вероятно, весьма неприятно поражены, когда заметили, что они открыли путь пролетарской диктатуре. Отставка буржуазного правительства дала пролетариату возможность взять сразу, без всякого кровопролития, всю политическую власть в стране в свои руки.

После об'единения обоих фракций и провозглашения диктатуры пролетариата тотчас-же началась лихорадочная работа по скорейшему осуществлению социализации производства. Уже в первый день возникновения нового правительства все кредитные учреждения были об'явлены государственной собственностью, вклады, ценные бумаги, сейфы буржуазии были конфискованы, ей было разрешено получать ежемесячно с текущего счета не свыше 2000 крон.

Все предприятия, насчитывающие не более 20 рабочих или вообще не являющиеся мелкими предприятиями, были огосударствлены без воз-

награждения прежних владельцев. Землевладение, превосходящее по размерам участок, обрабатываемый крестьянином и его семьей, было отнято у владельцев без какого-либо вознаграждения и передано для обработки безземельным сельским рабочим. Земля является государственной собственностью, рабочие, об'единенные в товарищества, являются наемными рабочими государства. Обработка больших имений производится под надзором и руководством опытных государственных агрономов; раздел земли вообще не имеет места. Все дома, не приобретенные и не построенные пролетариями, также перешли в собственность государства без всякого вознаграждения домовладельцев

Урегулирование хозяйства быстро подвигается вперед. В настоящий момент организуется центральное учреждение, ведающее сырьем и полуфабрикатами. Все производство важнейших отраслей промышленности, как уголь, лес, железо, сахар, машины и пр., об'единяется в одном государственном центральном ведомстве; данные о производительности всех предприятий еженедельно сообщаются этому ведомству. Все данные о производстве сосредоточены в этом центральном ведомстве. Высший Совет решает принципиальные вопросы распределения и дальнейшей переработки. Кроме того, было создано ведомство внешней торговли, где сосредоточен контроль над всей внешней торговлей и регулирование ввоза и вывоза.

Из сказанного видно, что созидательная работа в Венгрии шла гораздо быстрее, чем в России. Это об'ясняется тем обстоятельством, что в Венгрии втечение месяца не было контр-революционного движения и внешней войны, что страна не велика и что поэтому наладить работу в ней было гораздо легче, чем в обширном государстве. Наконец, нам до сих пор не приходилось иметь дела с саботажем интеллигенции. Напротив, инженеры, химики, государственные и частные служащие до сих пор предоставляют себя целиком в распоряжение правительства.

Нападение румынских бояр, разумеется, серьезно нарушает эту спокойную работу. Для успешного сопротивления пришлось прервать нормальную работу и направить всю силу пролетариата на защиту страны. Мы надеемся, что нам удастся отразить злодейское нападение и что мы вскоре будем в состоянии довести до успешного конца начатую работу.

Евгений ВАРГА,

Народный Комиссар социалистического производства Венгерской Советской Республики

В ЗАЩИТУ РОЗЫ ЛЮКСЕМБУРГ.

„Страничка воспоминаний", написанная товарищем Луизой Каутской „в память Розы Люксембург" (в № 26 газеты Freiheit от 20 янв.) должна вызвать самый решительный протест со стороны всех, кто действительно знал великую душу предательски убитой. Признаюсь, мне лично далеко не по сердцу всякие препирательства по поводу покойника еще, можно сказать, у открытой могилы. Но интересы истины и дружба вынуждают меня протестовать против некоторых взглядов, высказанных Луизой Каутской. Да и не только по отношению к мертвым, но и к живым я считаю своим долгом противодействовать тому, чтобы созданная и распространяемая многочисленными противниками Розы Люксембург карикатура на эту ярко выраженную индивидуальность, стала еще более грубой и уродливой, благодаря неудачным штрихам, прибавленным рукой друга.

Права Луиза Каутская, когда пишет о Розе Люксембур, как о борце: „Она не щадила даже своих лучших старых друзей — напротив"... Но в качестве друга, претендующего на полное понимание покойной, товарищу Каутской следовало-бы отметить, рядом с этой, и некоторые другие черты. С каким, например, долготерпением, с какой деликатной осторожностью именно Роза Люксембург старалась личным влиянием и убеждением подействовать на своих старейших друзей, прежде чем решалась выступить против них публично. Как она страдала, когда ей приходилось поднимать оружие против прежнего союзника, как горько было ее разочарование, когда по тем приемам борьбы, которые пускались противником в ход, она убеждалась, что он, как человек, не стоял на той высоте, на какой раньше представлялся ей. Правда, Роза Люксембург не щадила и самого старого друга, если, по ее искреннему убеждению, он оказывался опасным или вредным для классовой борьбы пролетариата. Для нее дело всегда было важнее, чем лицо. И раз она принимала решение вступить в борьбу даже с старейшим своим другом, она пускала в ход все имевшееся в ее распоряжении оружие: тяжелую артиллерию серьезных научных знаний и основательной теоретической подготовки, могучий меч блестящей диалектики, изящную рапиру иронии, остроумия, насмешки. Но никогда не пользовалась она не рыцарским оружием. Роза Люксембург была глубоко-аристократической натурой, неспособной платить той-же монетой и прибегать к оружию низости, даже если оно пускалось в ход против нее самой.

И потому неправа Луиза Каутская, когда характеризует приемы борьбы, применявшиеся Розой Люксембург, следующим образом: „К сожалению, она действовала в таких случаях по образцу Ленина, которому она поклонялась и который, будучи однажды привлечен к товарищескому суду за оклеветание некоторых членов партии, заявил: „С политическим противником, в особенности, если он принадлежит к нашему-же (социалистическому) лагерю, надо бороться отравленным оружием, стараясь возбуждать против него самые худшие подозрения"... Кстати сказать — я сильно сомневаюсь, можно ли действительно пользоваться этим заявлением для характеристики великого

большевистского вождя. Я знаю из истории русской революции и по собственному опыту, каким неутомимым и опасным противником является товарищ Ленин. Но я никогда не замечала, чтобы в арсенале его оружия имелась и клевета. Прежде, чем решиться признать доказательную силу за вышеприведенным, яко-бы подлинным, ответом Ленина, я должна была-бы точно выяснить, при каких условиях и в связи с чем он был высказан.

По моему разумению, Луизе Каутской следовало-бы быть осторожней, и в своей „Страничке воспоминаний" не переходить под конец из области личных отношений на политическую почву, отмечая какую то представляющуюся ей непонятной перемену во взглядах и поведении Розы Люксембург. Я отношусь с полным уважением и сочувствием к тому, что Луиза Каутская старается делать для социализма в своем кругу и сообразно своей натуре. Я ничуть не оспариваю у нее права иметь свое собственное суждение о событиях и явлениях в лагере интернационального социализма. Но все это не устраняет того факта, что в борьбе за социализм она является только непосредственно переживающей эту борьбу, а не непосредственно участвующей в ней. Благодаря этому, при всем ее стремлении к об'ективности, у нее нет правильного и самостоятельного отношения к этим явлениям. Она рассматривает их с точки зрения своей среды, с точки зрения вдумчивой женщины, живо интересующейся борьбой мужчины, но лично стоящей вне этой борьбы. Роза же Люксембург сражалась под самым густым градом пуль или же следила за борьбой с высоты ею самой воздвигнутой сторожевой башни.

После этого нечего собственно удивляться, что в то время, как одна, пытливо и осторожно все взвешивая, старалась только выяснить историческую роль русской революции, другая самоуверенно и с заранее готовым приговором творит суд над „большевистской ересью" и находит „совершенно непонятным, каким образом это лжеучение могло до такой степени ослепить и увлечь столь светлый ум.. что Роза хотела повторить в Германии неудавшиеся русские эксперименты". Я могла-бы оставить без возражений этот уничтожающий приговор над русской революцией, в полной уверенности, что „неудавшиеся русские эксперименты" будут оказывать свое творческое влияние на ход истории еще и тогда, когда мыши давно уже перестанут портить себе желудок всем тем, что было написано против этих опытов социал-демократическими соглашателями. В позиции, которую Роза Люксембург заняла по отношению к ноябрьской революции в России и к социалистической советской республике, не было ничего неяснаго или двойственного. О ней нельзя судить по случайным замечаниям о лицах и событиях, таким замечаниям, которые высказываются людьми с темпераментом и тонкой повышенной нервной чувствительностью под влиянием событий дня и преходящих явлений. Роза Люксембург высоко ценила „большевизм" в его целом — для краткости мы пользуемся термином, который является пугалом для немецкой буржуазии — высоко ценила его выдающееся историческое значение и критиковала те частности большевистской тактики, которые, по ее мнению, нуждались в критике. Ее политический смысл и человеческий такт запрещали ей действовать так, как, повидимому, требовалось, по мнению Луизы Каутской, с точки зрения последовательности политических выступлений, а именно: возобновлять старые распри и снова вытаскивать на свет старые приговоры как раз в такой момент, когда ищейки и агенты Эберта и Носке, натравленные на Радека, следовали за ним по пятам.

У меня нет никакой охоты въ рамках этих заметок об'ясняться именно с Луизой Каутской, каковы в сущности те „большевистские методы", которые Роза „не только одобряла, но к сожалению начала применять и на практике". Скажу лишь одно: что эти „методы" далеко не соответствуют тем изображениям их, какие распространяются в интересах неустойчивой в своих принципах и трусливой политики вождей правого крыла U. S. P. (независимой социалистической партии), и в которых они мало чем разнятся от того пугала „большевизма" и „спартакизма", которым стращают мир правительственные социалисты. Но оставим в стороне эти „большевистские методы". Об'яснять этим модным словечком подавление январьского восстания в Германии так же нелепо, как если-бы причину провала Парижской Коммуны усмотрели в том, что последняя предвосхитила „большевистскую ересь" и ее „методы". Роза Люксембург позаимствовала отстаиваемую ею боевую тактику не из русской практики. Эта тактика является плодом глубокого анализа и всестороннего освещения сущности интернационализма и его развития. Для Германии в основу ее были положены германские политические условия, — само собою, не те, которые были господствующими в завершившийся уже период медленной эволюции, а то положение вещей, которое создалось в бурный период революции, начавшийся у нас вместе с возникновением и развитием империализма.

Пусть мой друг Луиза Каутская не пеняет на меня, если я выскажу то, что думаю: „Страничка воспоминаний" начата благодарным другом Розы Люксембург, но закончена супругой Карла Каутского. Сама Роза Люксембург была-бы последней, которая стала-бы упрекать ее за это. Именно из сознания собственной духовной свободы выросла ее терпимость к внутренней связанности и зависимости других. Не Луизе Каутской с покровительственной миной творить суд и изрекать приговор над „ослеплением" и „большевистскими методами" Розы Люксембург. Эта роль судьи принадлежит лишь истории. И мы, с гордостью сознающие себя друзьями и соратниками Розы Люксембург, спокойно ждем ее приговора.

Клара ЦЕТКИНА.
(Германия).

СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВО ФРАНЦИИ.

(Наблюдения и впечатления).

Для характеристики революционной ситуации в стране, охваченной брожением, имеются троякого рода симптомы. Во-первых, развал правящих классов и их неспособность справиться с очередными задачами; во-вторых, наличность глубокого массового недовольства в широких кругах населения; в третьих, наконец, оформление этого процесса брожения наиболее активной и сознательной частью пролетариата в лице революционной коммунистической партии.

В своей статье я, главным образом, косиусь двух первых факторов об'ективного характера и начну прежде всего с самого больного и тяжелого для нас вопроса об интервенции.

Вопрос о непосредственной военной интервенции в русские дела можно считать во Франции окончательно ликвидированым. Политика, которую правящие классы Франции проводили по отношению к России после заключения Брест-Литовского мира, потерпела окончательное поражение. Двоякого рода причины способствовали банкротству этой политики. Не говоря уже о том, что после германской революции вопрос о военной интервенции потерял в глазах широких кругов населения прежний характер, приходится признать, что решающим моментом в ликвидации идеи непосредственной интервенции явились наши ошеломляющие успехи на юге. Французская буржуазная печать, изображавшая до этого момента русскую армию в виде сброда авантюристов, бандитов, грабителей, трусов и дезертиров, вынуждена была переменить тон. Красная армия получила признание своей боеспособности и технической подготовки со стороны наиболее свирепых врагов рабочей революции в России. Во французской печати начали появляться статьи о том, что русская армия сражается с большим энтузиазмом, что она умеет ориентироваться в чрезвычайно сложной стратегической обстановке, что в техническом отношении она хорошо вооружена, одета и, кроме того, располагает могущественнейшим аппаратом агитации, которая оказывает решительное действие на сталкивающихся с ней иностранных солдат. В тайном докладе, составленном одним из видных офицеров штаба войск, находившихся возле Тирасполя, все эти качества русской красной армии получили надлежащую оценку.

Другой непосредственной причиной, приведшей к дискредитированию идеи интервенции, послужила ее крайняя непопулярность в широких кругах населения. Социалистические газеты опубликовали серию писем, как самих солдат, так и их близких родных, принадлежащих к различным группам населения. И в этих письмах единогласно все, начиная от мелкого рантье и кончая французским рабочим и крестьянином, осуждали военную экспедицию в Россию, как бесплодную затрату сил Франции. Даже некоторые деловые круги, заинтересованные в возобновлении экономических связей с Россией, начали оппозицию по отношению к политике интервенции.

Наряду с этим, во французских войсках, находившихся на восточном фронте, начали наблюдаться случаи открытого неповиновения командирам. В парламентскую комиссию по иностранным делам поступил доклад руководящих военных кругов восточного фронта, в котором приводились случаи открытого восстания солдат с требованием возвращения их на родину. В Одессе, например, французские войска деморализовались окончательно еще до момента подхода украинских войск. Вместе с тем, в докладе отмечалось, что население, на поддержку которого французские власти расчитывали, встречало повсюду и, в частности, в Одессе пришельцев, как иноземную оккупационную силу, чрезвычайно враждебно. Дело дошло до того, что на адмиральском судне „La Province" взбунтовавшиеся матросы потребовали немедленного возвращения во Францию и прекращения дальнейших военных действий против советской России. Аналогичный случай имел место с солдатами, возвращавшимися на побывку во Францию на судне „Austria". Около пяти тысяч солдат в пути потребовали своей демобилизации, разоружили и арестовали французских офицеров, заявив, что они их выпустят только в том случае, если по прибытии во французский порт, никто из солдат арестован не будет и они смогут беспрепятственно разойтись по домам. На судно был послан французский генерал, который пытался воздействовать на солдат и обещаниями, и угрозами, но дело кончилось тем, что сам генерал попал в плен и вынужден был послать французскому правительству телеграмму с предложением сделать уступки взбунтовавшемуся гарнизону. Две посланных миноноски отказались выступать против солдат. После этого французское правительство пошло на уступки, и солдаты беспрепятственно высадились на берегу Франции и разошлись по домам.

Такого рода настроение, несомненно, создало чрезвычайно благоприятную почву для агитации интернационалистского крыла французской социалистической партии, которая после июльского с'езда прошлого года стала большинством. Во главе этой агитации встали Валэ, социалистический депутат, и Марсель Кашен, проделавший после германской революции эволюцию с правого фланга на левый. Коренным пунктом этой агитации явился запрос, внесенный социалистической фракцией парламента, причем фракция в этом вопросе была единодушна. И во время развернувшихся в парламенте прений Марсель Кашен, Маерас и Лафон подвергли такой ожесточенной критике интервенционистскую политику Пишона, что правительство вынуждено было заявить, что от непосред-

ственной военной интервенции оно раз навсегда отказывается. Показательными в смысле перелома настроения были речи социалистических депутатов, в которых звучали ноты, необычные для слуха французского парламентария. Марсель Кашен приветствовал с парламентской трибуны, при протестах большинства палаты, неповиновение французских солдат, а Маерас, сославшись на текст конституции 1793 года, закончил свою речь призывом к восстанию.

Но если идея непосредственной военной интервенции потерпела окончательное крушение, то европейские империалисты и, в частности, Франция, ставшая оплотом европейской реакции, отнюдь не отказались от мысли нападения на Россию скрытым путем, при помощи натравливания мелких национальных государств на Советскую Россию. Боязнь проникновения большевизма с востока на запад, которая вызывает ежедневно во французской печати десятки статей и сеет у французской буржуазии грозное и тревожное настроение, заставила Францию выступить с проектом создания сети государств-буферов в виде двух линий траншей. Первую линию такого рода траншей, предохраняющих Европу от проникновения большевизма на запад должны были составлять: Финляндия, Эстляндия, Латвия, Украина. Вторую линию траншей образовывали: Польша, Богемия, Венгрия, Румыния и Сербия. Этим планом французская реакция преследовала двоякого рода цель: во-первых, ей, при осуществлении этого плана, удалось бы разобщить революционную Россию и революционную Германию и тем самым не дать возможности наиболее революционным странам создать единый фронт против французской реакции; во-вторых, это позволяло ей с еще большим цинизмом провести ту же политику, которую проводил германский империализм по отношению к советской России после Брест-Литовского мира. Речь шла о балканизации не только восточной Европы, но и всей средней Европы. Один из наиболее тяжких ударов, нанесенных этой политике — ударов, вызвавших чрезвычайную панику среди европейских империалистов, была венгерская революция. Венгерская революция, выводившая Россию из замкнутого изолированного состояния на широкую дорогу международной политики, открывавшая ей с одной стороны путь на Балканы, с другой стороны на Запад, своей неожиданностью, своими необычайными формами произвела ошеломляющее впечатление во Франции. Наиболее влиятельная французская газета „Temps“ после венгерской революции писала, что политике союзников венгерская революция нанесла такую тяжелую рану, от которой европейской дипломатии не скоро удастся оправиться. „Политика Принцевых островов — писала газета „Temps“ — устарела. Ибо в тот момент, когда мы звали Ленина на Принцевы Острова, мы хотели с ним разговаривать, как с побежденным; после очищения Одессы и венгерской революции нам придется с ним говорить, как с победителем.“

В то время, как эти победы революции в средней Европе наносили такой тяжкий урон политике союзников, все ярче и ярче стало вскрываться бесплодие мирной конференции. Та оценка, которую русские революционные коммунисты давали бессилию современного империализма справиться с возникшими задачами—оценка, носившая, в силу нашей оторванности от Западной Европы, абстрактный характер, здесь облекалась в плоть и кровь. Она каждодневно получала блестящее подтверждение на работах мирной конференции. Если союзникам, после чрезвычайно долгой и ожесточенной борьбы, удалось, несмотря на оппозицию Вильсона, состряпать Версальский мирный трактат, регулирующий отношения Германии со странами Антанты, то целая серия других чрезвычайно острых вопросов не получила до настоящего времени никакого практического разрешения. Конференция оказалась бессильной справиться с разнузданными апетитами мелких народностей, у которых борьба за территориальные границы начинает принимать формы вооруженного столкновения.

Если взглянуть на вновь назревающие столкновения на востоке, то прежде всего бросается резко в глаза конфликт между Великой Польшей и Германией из-за данцигского коридора. Союзники, желая отдать дань полякам, намеревались высадить в Данциге две добровольческих польских дивизии генерала Галлера, сражавшегося на западном фронте. Но Германия оказала такое упорное сопротивление, что, несмотря на победу, союзникам пришлось отступить и отказаться от этой мысли. Другой конфликт назревает в настоящий момент между чехами и поляками из-за рудников верхней Силезии. Там дело дошло до открытого столкновения и закончилось массовым побоищем между чешскими и польскими национальными войсками. Далее борьба разгорается между румынами и сербами из-за Баната. И румынская олигархия тщетно взывает к союзникам о помощи, в виду мобилизации сербских войск на территории, прилегающей к Банату.

Но самым острым вопросом, как известно, закончившимся даже от'ездом итальянской делегации, является спор об Адриатическом побережьи из-за Фиуме. Здесь партнерами выступают югосербы и итальянцы. Все попытки мирной конференции уладить дело путем соглашения не привели ни к каким результатам. Дело дошло до того, что в одной из спорных местностей сербы арестовали итальянскую комиссию и выслали ее „за границу“.

Нужно ли говорить, для иллюстрации этого бессилия конференции, о Львовском инциденте между поляками и украинцами, нужно ли приводить примеры из бельгийско-голландского территориального конфликта, чтобы доказать, какую пороховую атмосферу представляет сейчас Европа, на живом теле которой европейские империалисты проводят новые территориальные борозды. Пред лицом этой новой назревающей войны и полного бессилия конференции предотвратить неизбежные конфликты, во французской печати наблюдается по отношению к работам мирной конференции глубоко пессимистический тон. Ею недовольны все. Ею особенно недовольны американцы с Вильсоном во главе, 14 пресловутых пунктов которого потерпели такое жестокое крушение в Версале; ею недовольны наиболее реакционные военные и промышленные круги, средний французский обыватель, рантье, крестьяне, рабочие. В этом отношении можно без преувеличения сказать, что положение мирной конференции проходит в атмосфере полнейшей изолированности.

Еще ярче вскрывается это бессилие при ана-

лизе конфликтов, раздирающих мирную конференцию в вопросах, в которых заинтересованы сами великие державы. Нет ни одного практического вопроса, который бы получил, наконец, надлежащее разрешение в работах мирной конференции. Взять к примеру вопрос о военном флоте Германии. Здесь чрезвычайно остры разногласия между англичанами и французами. Как известно, потери английского флота среди союзников были наиболее велики в этой войне. Но англичане сумели компенсировать эти потери новой постройкой судов, обогатившись за время войны 500 новыми морскими боевыми единицами. В то же время Франция, на которую выпала вся тяжесть сухопутной войны, вынуждена была приостановить свое морское строительство. Распределение морского германского флота по принципу потерь создает чрезвычайно выгодное положение для Англии и, естественно, поддерживается ею. Чтобы парализовать морское усиление Англии, французы требуют разделения флота по принципу общих тягот, выпавших на долю воюющих государств. Англичане в ответ на это предложение внесли проект полного уничтожения германского флота. В прессе началась чрезвычайно ожесточенная полемика, свидетельствующая о том, что в стане победителей не все обстоит благополучно. И фактически до сих пор проблема о военном флоте Германии не получила своего разрешения. Другим конфликтом, нарушающим гармонию интересов Франции и Англии, является вопрос о Малой Азии и, в частности, сирийский вопрос. Чтобы сохранить некоторое влияние в Малой Азии, в которой чрезвычайно прочно засели англичане (ряд государств находится под их протекторатом, вроде Армении, еврейского государства Палестины), французы требуют предоставления им исключительных прав в Сирии. После долгих и страстных дебатов, как на самой конференции, так и в печати, англо-французская дипломатия, с грехом пополам, нашла компромиссное решение, выразившееся в том, что сирийская проблема будет разрешена смешанной международной комиссией.

Что же удивительного, если в этой общей схватке, как маленьких, так и больших народов из за дележа, все надежды Вильсона на ограничение вооружения потерпели такое жестокое фиаско! Разоружая революционную Германию, низводя ее армию до размеров наемной полиции, союзники, в то же время, разрабатывают усиленно проекты новых вооружений. По заявлению Бальфура, английская армия, для того, чтобы справиться с поддержанием мира в Европе, должна в ближайшее время насчитывать не более, не менее, как один миллион человек! Само собою разумеется, что никто из руководящих военных кругов во Франции не думает о том, чтобы после нынешней кровавой катастрофы перековать мечи на орала. И французская пресса, отстаивая право Франции на вооружение, ссылается не только на англичан, но и на американцев, морская программа которых 1920 года есть лишь дальнейшее логическое развитие роста милитаризма в Европе.

Демобилизация, которую ожидают с такой надеждой народные массы после подписания пере мирия, происходит с черепашьей медлительностью, вызывая в широких кругах населения все большее и большее озлобление. Из 8 миллионов мобилизованных во Франции, если вычесть военные потери в виде полутора миллионов убитых, двух с половиною миллионов раненых, изувеченных и больных, пока демобилизовано лишь около полутора миллионов. Из двух миллионов американских войск, переброшенных из Америки во Францию, пока демобилизовано лишь до 800 000. Таков же процент демобилизованных и у англичан. На почве удержания солдат на позициях, несмотря на начавшиеся мирные переговоры, в стране идет глухое брожение. И синдикалистские революционные круги чрезвычайно энергично использовывают это настроение. Лозунг демобилизации—это общий крик всего населения, измученного войной. И несомненно, что если конференция окажется бессильной провести вопрос о демобилизации в кратчайший срок, можно ожидать на этой почве большого солдатского брожения.

Перехожу теперь к внутреннему положению Франции. Наиболее грозным вопросом для современной Франции является финансовый вопрос. Непосредственные военные издержки французов за время войны равняются 200 миллиардам франков. Если прибавить к этому расходы, необходимые для оказания помощи населению, пострадавшему от войны, для залечивания ран, нанесенных семьям Франции германской тяжелой артиллерией, то все военные убытки Франции достигают цифры 270—300 миллиардов. Французская газета „Matin“ оценивает их даже в 316 миллиардов франков. Быть может, еще более показательным для характеристики финансового положения Франции является рост бюджета. Как известно, французский бюджет до войны достигал цифры 5 миллиардов франков. Теперь он превышает 22 миллиарда франков. В нынешнем году, в связи с расходами по выдаче пособий демобилизованным, по оказанию помощи населению северных областей, французскому правительству нужно новых 20 миллиардов!

Французская буржуазия, нажившаяся исключительно на военных поставках за время войны, пока поддерживает иллюзию широких кругов населения тем, что все военные убытки будут уплачены Германией. Между тем, если принять во внимание, что Германия за время войны вынуждена была произвести на 150 миллиардов марок расходов, с другой стороны, что по вычислениям Дрезденского банка все национальное благосостояние Германии выражается цифрой в 400 миллиардов марок; если присоединить к этому то огромное промышленное разорение, которое вызывает сейчас блокада, то станет ясным, что все надежды на то, что Германия может залечить раны, нанесенные войной французскому населению, совершенно иллюзорны.

Что касается Австро-Венгрии, то она здесь выпадает из счета, как должник. Наоборот, независимые государства, созданные на развалинах Габсбургской монархии, сами играют роль финансовых приживалок при европейском финансовом мире.

Французский министр Клоц, чтобы предотвратить неизбежное финансовое банкротство Франции, выдвинул проект разделения всех военных расходов между членами будущей Лиги Наций. Но едва-ли будущие члены Лиги Наций будут в состоянии, без радикальной ломки нынешнего капиталистического строя, вырваться из той бездны, куда толкнула их война. Военная задолженность одной Италии, издержки которой достигают цифры

в 60 миллиардов, в то время, как национальное благосостояние равняется 80 миллиардам, может служить примером бессилия нынешних господ положения разрешить финансовый кризис. Единственно мыслимый паллиатив в рамках существующего капиталистического строя, подоходный налог на капитал, который был проведен в Америке и в Англии, самым ожесточенным образом отвергается французской буржуазией. Автор проекта о подоходном налоге Кайо, который был министром финансов накануне войны и пытался обложить буржуазию известным минимальным налогом, ныне в отместку брошен в тюрьму, и проект его находится под сукном в сенате. Ни одной реформы не в состоянии провести французский парламент. И в то время, когда вокруг разгораются политические страсти, когда Европа представляет собою кипящий котел, в это время появляется старый забытый проект о пропорциональном представительстве в парламент. И когда наиболее ловкие и дальновидные люди среди буржуазии пытаются изменить курс французской политики в смысле уступок назревающим потребностям рабочих масс, они встречают резкую оппозицию со стороны нынешних господ положения.

Если финансовое положение создает из Франции победившую страну без победы, то ее реакционная политика делает эту страну республикой без республиканцев. Радикальные и республиканские элементы французской буржуазии находятся в загоне. Клерикализм и националистическая реакция стоят у власти. Если в политической области диктатором является Клемансо, то в военном отношении Фош и стоящая за ним военная клика фактически руководят всей политикой Франции. Те методы германского империализма, против которых в свое время протестовала республиканская и социалистическая печать во Франции, методы, выражавшиеся во вмешательстве военных кругов во внутреннюю и внешнюю политику Германии, сейчас применяются в полном об'еме в современной Франции. Генерал Фош и окружающая его клерикальная клика в лице Малитера — вот кто являются сейчас фактическими господами положения. А в их глазах преступлением является не только антимилитаризм, но даже недостаточная воинственность. Дело Кайо чрезвычайно показательно в этом отношении. Кайо обвиняют в миролюбивой политике накануне войны; его обвиняют в том, что он после знаменитого инцидента подписал соглашение с Германией и предотвратил в 1911 году войну; его, наконец, обвиняют в том, что в качестве министра финансов он до войны разрешил котировку на Парижской бирже турецких займов. Парламентская газета „Action française“ со своим пресловутым редактором Додэ, специализировавшимся на травле социалистических и республиканских деятелей и обвинении их в государственной измене, играет роль официоза правительства.

Этот курс националистической политики с особенной остротой дает себя чувствовать в Эльзасе. Несчастное эльзасское население, претерпевшее ужасы германской оккупации в 70 году, вынуждено вновь испытать на себе тяжелую лапу французского милитаризма в 1919 г. Здесь расстрелы приняли массовый характер. Население разделено по категориям. По отношению к жителям, у которых предки германского происхождения, допускается все. Из Эльзас-Лотарингии несется буквально стон населения, кинутого сейчас под пяту военных генералов.

Наряду с этим, раскрываются такие язвы нынешнего парламентского режима, с которыми может конкурировать лишь одна Панама. В то время, как французские солдаты, которых втечение четырех лет одурачивали словами о патриотизме, мечтают, наконец, вернуться к мирной жизни, в то время, как ими были принесены такие страшные жертвы, в тылу разыгрывалась дикая вакханалия, которая лишь теперь постепенно раскрывается. Два судебных процесса, обнажающих всю продажность, всю гниль нынешней буржуазной Франции, вызывают глубокое возмущение в рядах населения. Я имею в виду дело сенатора Шарля Эмбера и дело о бассейне Брийе. Сущность процесса Эмбера чрезвычайно несложна. Этот сенатор, вице председатель военной комиссии (председателем которой был сам Клемансо), игравший чрезвычайно крупную роль в деле национальной обороны, выдвигаемый парламентскими кругами неоднократно на самые ответственные посты в республике, этот сенатор, нашумевший еще до войны своими „разоблачениями недостатков французского флота, — этот патриотический сенатор обвиняется ныне в том, что он за счет немцев приобрел крупнейшую газету во Франции, „Журналь“, и получил в два различных срока от видных немецких агентов сумму в 20 миллионов.

Интересна не только самая фигура патриотического сенатора, интересны те подробности процесса, которые раскрыли заинтересованность целого ряда парламентских деятелей в сношениях с персонажами сомнительной репутации. Во время процесса вскрылось, что ныне расстреляный немецкий агент Боло, принадлежавший к кругу лучшего французского общества, бывал неоднократно принят самим Пуанкарэ в то время, когда он находился уже под следствием по обвинению в государственной измене. Вскрылись и другие пикантные подробности в деле Шарля Эмбера. В бумагах одного из подсудимых нашли чеки на имя сына Клемансо, и вся защита Шарля Эмбера и его адвоката была построена на том, что он, патриотический сенатор, покупавший за счет Германии французскую прессу, не хуже и не лучше целой серии других парламентских деятелей, производивших те же самые сомнительные операции, но с большей удачей и без риска попасть на скамью подсудимых.

Другое дело дело металлургического треста, во главе которого стоит нынешний министр вооружения Лушер. Сущность этого дела заключается в том, что в начале войны немцам без боя был сдан бассейн Брийе, обладавший богатыми залежами, необходимыми для металлургической промышленности, и что впоследствии, когда немцы стали разрабатывать бассейн и увеличили тем шансы на продолжение войны, французский штаб, решивший предпринять наступление в этом районе, чтобы отнять бассейн Брийе, встретил оппозицию со стороны деловых и финансовых кругов. Газета „Temps“ выступила с серией статей, в которых доказывала всю бесплодность этой операции. И авиаторам, которые произвели налет на бассейн и бросили бомбы, было выражено со стороны руководящих военных кругов порицание. Ныне оказывается, что владельцы бассейна

Брийе, или франко-германская компания, были заинтересованы в его целости, и что в то время, когда французские солдаты умирали тысячами в траншеях, французские деловые круги,— вроде Лушера, по соглашению с немецкими собратьями, со знательно передавали заводы для эксплоатации немецкой компании!

Нет ничего странного в том, что среди этого развала революционное настроение масс растет не по дням, а по часам, и ищет выхода. Этот выход для парижского рабочего может быть только один: на улицу! Уличные манифестации, организованные в Париже за последнее месяцы, представляют настолько значительное явление, что о них следует поговорить особо*). Выйдя на улицу, французский пролетарнат вновь показал всему миру свою ненависть к буржуазному строю, свою революционность, свой интернационализм.

Таково в кратких чертах положение во Франции. Стоит ли говорить о том, как велик престиж русской революции и русских советов среди французского пролетариата? Стоит ли говорить о том, что всякая попытка со стороны социалистов большинства, после заключенного перемирия, аттаковать русскую революцию на собраниях, встречала такой отпор, что они не решаются больше по являться на рабочих собраниях?

Французская революция не за горами, она пройдет, как и венгерская, под знаком солидарности с российским пролетариатом, и сметет все карточные домики, с таким искусством возводимые версальскими дипломатами.

Д. МАНУИЛЬСКИЙ.

*) *От редакции.* См. помещенное ниже „Письмо из Франции".

ПИСЬМА ИЗ ФРАНЦИИ.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Несомненный факт, что рабочий класс Франции в своей революционности пошел гораздо дальше вперед, чем партии и синдикаты, которые претендуют на руководство этим рабочим классом.

Я хочу рассказать здесь в немногих словах несколько крупных фактов из жизни французского движения, оставляя для другой статьи подробный очерк французской политической жизни.

Наша октябрьская революция вызвала во Франции самый широкий энтузиазм. В это время социалистические партии и синдикаты не смели даже высказать своего сочувствия революции и ограничивались лишь полемикой с наиболее уродливыми сплетнями буржуазной печати. Тотчас по окончании военных действий, через восемь дней после амнистии, в Париже и по всей Франции произошел целый ряд огромных митингов. Всякое упоминание октябрьской революции вызывало всеобщий восторг в залах и всеобщие крики: да здравствуют советы, да здравствуют Ленин и Троцкий! Достаточно было попробовать кому-либо из вождей, даже самому популярному, выступить с малейшей критикой какой-либо детали Советской России, как вся рабочая публика самым бурным образом заставляла его умолкать. В некоторых случаях это кончалось свалкой. И ни на одном из этих митингов, которых в одном Париже было устроено около 10—12, ни один из бывших мажоритеров не мог заставить себя слушать. В то время, как рабочие массы, группирующиеся вокруг партии и синдикатов, с такой горячей симпатией и чисто братской солидарностью относились к Советской России, редко кто из самых левых социалистических депутатов решался обмолвиться о ней словом симпатии. Их отношение ограничивалось только кампанией против союзнического вмешательства в русские дела, кампанией очень энергичной, надо отдать им полную справедливость, но аргументирующей преимущественно формальными соображениями против вмешательства в жизнь чужой страны или патриотическими протестами против проливания французской крови на ледяных полях России. Как это ни грустно, но приходится сознаться, что блестящая кампания митингов, начатая тотчас после перемирия, была прекращена партией и синдикатами не столько по полицейским затруднениям, сколько по соображениям внутри-партийной дипломатии.

Еще более любопытной иллюстрацией в этом смысле является манифестация в день прибытия Вильсона в Париж. Правые социалисты решили устроить манифестацию в честь Вильсона, чтобы в этой невинной форме протестовать против грубой и циничной захватной политики Клемансо. Центр партии с Лонге, Кашеном и Мистрелем хотели этой манифестации, чтобы провозгласить свою так называемую социалистическую программу мира. Рабочие хотели этой манифестации, чтобы выразить накипевший у них протест и овладеть вновь правом уличных выступлений. Когда социалистические депутаты увидели, что манифестация примет более революционный характер, нежели они желали ей придать, они воспользовались циничным запрещением Клемансо и совершенно отменили ее. Манифестация тем не менее состоялась, хотя и неорганизованно, раздробленно, 4—5 группами по 2—3 тысячи человек, но с красными знаменами, с пением Интернационала и с криками против похода на Россию. И эта манифестация, несомненно, является некоторым отправным пунктом в уличных выступлениях парижского пролетариата после войны.

Манифестация против оправдания убийцы Жореса, имевшая место месяца три попозже, носила уже иной характер. Эта манифестация, совершенно мирная, приняла такой грандиозный характер, что глубоко взволновала социалистическую и синдикалистскую среду и испугала буржуазию и ее правительство. Более 300 000 человек, официально зарегистрированных, продефилировало перед бюстом Жореса стройными рядами, с красными зна-

менами. И во время шествия преобладающие крики толпы были: „да здравствуют Советы, да здравствует Ленин, да здравствует Троцкий, да здравствует Зиновьев!" Всех поразило огромное количество солдат и моряков, которые в полной форме участвовали в манифестации. Любопытно отметить следующий факт. Один из солдат, проходя мимо бюста Жореса, снял со своей груди военный крест и нацепил его на бюст Жореса. Много военных, находившихся в толпе, последовали этому жесту. И бюст Жореса оказался увешанным 82-мя крестами и значительным количеством других военных орденов. Эта манифестация, которую правительство вынуждено было разрешить, обошлась почти мирно, войск совершенно не было, а полиции было мало, и держалась она очень скромно.

Размеры и грандиозный характер этой манифестации произвели такое ошеломляющее впечатление в парламентской среде, что через три дня после манифестации правительство внесло в парламент законопроект о 8-мичасовом рабочем дне во Франции, тот самый проект, о котором 8 дней до манифестации министр промышленности Лушер заявил, что Франция не может его реализовать. И—случай небывалый в парламентской истории Франции: этот законопроект, первостепенной социальной важности в буржуазных государствах, был провотирован и палатой и сенатом и принят в форме закона втечение 8 дней!

Этапом совершенно открытой революционной борьбы является манифестация 1 мая. Ни в партии, ни в синдикатах, особенно в последних, вожди не желали этой демонстрации. Комитет Конфедерации совершенно открыто выступал вначале против самой идеи организовать такую демонстрацию. А когда она стала неизбежной, он принимал все меры к тому, чтобы придать ей исключительно характер мирного шествия с требованием 8-мичасового рабочего дня. Однако, события 1 мая приняли грандиозный характер, который, несомненно, будет отмечен в истории революционного движения Франции. 1 мая весь Париж и вся Франция бастовали. Вся работа повсюду была прекращена Даже театры, рестораны, кафе, рынки—все бастовало. На парижские рынки, это чрево Парижа, поглощающее ежедневно продукты со всего мира, было доставлено в этот день 1 мая, по официальной регистрации, всего две корзиночки салата!

В провинции манифестации с красными знаменами прошли везде с большим воодушевлением, хотя в большинстве случаев совершенно мирно. В Париже правительство запретило манифестацию. Город был занят войсками. На сборном пункте, назначенном союзом Сенских синдикатов на площади Согласия и на всех прилегающих к ней улицах, на много верст были расставлены всевозможные части войск. В Тюльерийском саду, возле площади, находился целый генеральный штаб военных и полицейских властей. Тем не менее с полудня площадь, по прилегающим к ней улицам, стала заполняться манифестантами.

По плану союза сенских синдикатов манифестация, собравшись на площади Согласия, должна была пройти через весь Париж, по всем центральным улицам от площади Согласия до площади Республики. К двум часам дня начались стычки манифестантов с полицией. По официальным отчетам, манифестанты прорвали все цепи войск и полиции, и группами в 10—20—30 тысяч человек продолжали шествие, согласно намеченному маршруту. По полицейским донесениям в целом ряде пунктов Парижа стычки быстро превратились в открытую уличную борьбу. Так, возле Оперы, по официальным данным, толпа манифестантов в 50 тысяч человек выдержала форменное сражение, продолжавшееся около часу, с полицией и драгунами. То же самое произошло на бульваре Мажента.

Главный бой этого дня, принявший открытый баррикадный характер, произошел возле Восточного вокзала Здесь борьба продолжалась более двух часов. Вырвав решетки вокзала и соседних домов, свалив телефонные и электрические столбы, манифестанты построили баррикады. По официальным отчетам в этом месте пришлось вызвать три тысячи драгун на помощь полиции. И борьба обошлась дорого обеим сторонам. Возле театра Ренессанс пришлось вызвать на помощь заготовленным там войскам еще тысячу драгун. Возле этого места был тяжело ранен главный секретарь Генеральной Федерации Труда, один из самых правых мажоритеров-синдикалистов, Жуо. Опасаются, что он ослепнет на один глаз. Недалеко от этого места получил четыре тяжелые раны депутат мажоритер Понсо и пожелавший оказать ему помощь депутат мажоритер Лаваль.

На площади Республики стычки десятков тысяч манифестантов с драгунами продолжались с 2 ч. дня до 11 ч. вечера. И все это время на площадь являлись новые десятки тысяч манифестантов. По официальным отчетам было ранено полицейских и драгун 430 человек. По донесениям французской полиции пришлось прибегнуть в широких размерах к помощи американских солдат, находящихся в Париже, для усмирения французских демонстрантов. Но самое грозное для французской буржуазии событие этого дня, это—полное нежелание войск выступать против демонстрантов. Из стотысячной армии, занимавшей Париж в этот день, только несколько тысяч драгун сражались против демонстрантов, все остальные части либо отказывались действовать, либо оставались совершенно пассивными.

Политическое, экономическое и финансовое положение Франции после войны настолько усложнилось, что было бы рискованно предсказывать какие бы то ни было сроки или этапы развития революции во Франции. Я ограничиваюсь в этом кратком, наскоро набросанном письме констатированием только нескольких положений: 1) что революционное движение во Франции развертывается с неизбежностью физического закона; 2) что в этом революционном движении верхи старой социалистической партии и Генеральной Федерации Труда являлись до сих пор не только наиболее отсталой частью движения, но во многих случаях прямым препятствием движения; 3) что ход и развитие русской революции имели и имеют доминирующее влияние на развитие революции во Франции, скажу точнее, участь французской революции связана целиком с участью и успехом Российской Советской республики.

А. ВИКТОР.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ.

I.

Стремясь к систематизации каждой государственной задачи, Советская власть в корне изменила как об'ем, так и характер того органа правительства, который при старом режиме носил название Министерства Народного Просвещения.

Министерство это было во 1) преимущественно школьным. Целый ряд высоко важных культурно-просветительных институтов, даже чисто государственных, находился вне его предела. Так, государственные театры состояли в Министерстве Двора, там же высшее учебное заведение при Академии Художеств Музыкальным отделом ведало Императорское Музыкальное Общество, странным образом состоявшее в Министерстве Внутренних Дел. Таким образом, художественное воспитание молодежи и вообще регулирование отношений между государством и миром искусства к задачам Министерства Народного Просвещения не относилось.

В Советской России эти задачи входят в рамки Комиссариата Народного Просвещения, и соответственные отделы составляют его особую художественную секцию.

2). Отчасти выросшие задачи государства, отчасти тяжелое положение, в котором очутилось как частное, так и общественное и, наконец, государственное издательское дело в России, побудило Советскую власть к созданию большого органа, регулирующего весь книжный поток, избирающего среди массы намеченных к изданию сочинений, при недостаточном количестве бумаги, то, что нужнее и очереднее, надзирающего за самим процессом изготовления книги и, наконец, регулирующего на социалистических началах ее распределение.

Согласно принятому всеми заинтересованными государственными учреждениями плану, внесенному на утверждение В. Ц. И. К., этот регулирующий книжное дело центр явится также отделом Комиссариата Народного Просвещения.

Но не говоря о том, что такое распространение понятия народного просвещения на художество и на литературно-издательское дело чрезвычайно расширяет и вместе упорядочивает просветительную задачу государства, существует еще одно серьезное отличие Комисариата Народного Просвещения от прежнего Министерства.

3). По самому духу своему, царское Министерство Народного Просвещения должно было заботиться не столько о развитии образования в России, сколько о всяческом стеснении его, дабы сия, к сожалению для тогдашнего правительства необходимая река не вышла из берегов. А так как военное и экономическое развитие России строгим голосом ставило все же серьезные требования по части подготовки образованных людей, то целый ряд ведомств, под видом школ специальных, завел у себя свои собственные маленькие министерства народного просвещения, где жилось порою лучше, чем под тяжолой рукой царских министров от педагогики. Не только Министерство Финансов, Министерство Торговли и Промышленности, Земледелия приютили у себя многочисленные учебные заведения, в сущности более высокого типа, чем нормальные министерские, но то же можно сказать и о военном ведомстве и, как это ни странно, даже о синодальных школах: при всем презрении, которого заслуживала сеть так называемых духовно-приходских школ или средний тип духовного училища, епархиального женского училища и других орудий калечения молодежи, приходится отметить, что даже под сенью синода образовывались кой-какие педагогически-интересные единицы

Надобность подобных специализаций совершенно отпадает в Советской России. Согласно декрета Совета Народных Комиссаров, все маленькие министерства народного просвещения в других комиссариатах должны быть ликвидированы, и дело народного образования в самом общем и широком смысле постепенно целиком переходит в ведение Комиссариата Просвещения.

4). В соглашательской России, в эпоху между февралем и октябрем, была тенденция передать все школы, не имеющие исключительного государственного значения, органам самоуправления.

Ведь и в царской России муниципалитеты, особенно земства, несли, под невыносимым часто надзором министерства, большую часть тяжести низшего народного образования и переходили уже к самостоятельному образованию среднему. Эта тенденция была пресечена Октябрьской Революцией. Школы, конечно, находятся в непосредственном заведывании местных советов, т. е. уездных, губернских и городских отделов Народного Образования, но они развиваются в рамках тех общих узаконений, которые устанавливаются Комиссариатом Народного Просвещения. Школы в России являются не муниципальными, а национальными, так как и советы в России представляют собой не органы самоуправления в отличие от государственной центральной власти, а часть этой государственной власти, которая вся целиком есть самоуправление трудового народа.

5). Упразднение всякой платы за право учения сделало частную школу в России невозможной. Комиссариат Народного Просвещения вовсе не заинтересован в урезывании частной инициативы и сведении всех школ к одному типу, но разнообразие жизни школы отныне должны достигаться внутри школы государственной, так как при отсутствии платы за право учения одно лишь государство в состоянии содержать школы.

Нигде в мире, таким образом, Комиссариат Народного Просвещения не обладает таким огромным об'емом задачи и такой широкой компетенцией в вопросах культурного строительства.

Перечислю в заключение этой главы, стремящейся дать общую идею о построении самого аппарата, управляющего государственным делом просвещения, главнейшие отделы, в совокупности составляющие Комиссариат.

Во главе Комиссариата стоит Народный Комиссар и его заместитель. Оба они входят в Коллегию, состоящую из одиннадцати лиц и решающую на своих заседаниях все сколько нибудь важные текущие вопросы. Вопросы большей значительности, согласно недавно принятому Коллегней решению, обсуждаются в расширенном составе Коллегии, куда приглашаются с решающим голосом представители Петроградской Окружной Коллегии. Это постановление вытекает из признания особой культурной важности такого центра, как Петроград.

Наконец, вопросы строго принципиальные, подлежащие потом утверждению высшего законодательного учреждения, предварительно рассматриваются так называемой Государственной Комиссией по Народному Образованию, куда входят представительства от разных государственных учреждений, прямо или косвенно заинтересованных в учебном деле

Вся обширная область Комиссариата распадается на несколько секций: Педагогическая, Научная и Художественная секция. Некоторые отделы стоят вне какой-бы то ни было из этих секций.

К секции Педагогической относится прежде всего огромный отдел, располагающий более половиной всего бюджета отдел Единой Школы. Теоретические вопросы, связанные с той или иной реформой школьного дела, которую предпринял Комиссариат, разрабатываются в Отделе Реформы Школы. Кроме того в секцию входят отделы: Технических Школ, Дошкольный, Внешкольный и Отдел Подготовки Учителей.

В секцию Научную входят отделы: Научный, ведающий дела ученых обществ, отдел Высших Учебных Заведений и Библиотечный.

В секцию Художественную—отделы: Изобразительных Искусств, Охраны Памятников, Музыкальный, Театральный, Государственные Издательства и Отдел Кинематографический.

Не входят в секции отделы: Финансовый, Строительный, Хозяйственный, Снабжения Школ и Управление Делами Комиссариата.

Деятельность Комиссариата оживляется постоянными С'ездами. Отмечу важнейшие из имевших место. Всероссийский С'езд представителей Отделов Народного Образования. т. е. Губернских и Уездных Управлений Народного Просвещения; главным делом этого с'езда было окончательное установление принципов Единой Трудовой Школы. Всероссийская Конференция по подготовке учителей. Два с'езда учителей интернационалистов. Конференция представителей Губернских Отделов. Всероссийская конференция представителей Внешкольных Подотделов. Всероссийская Конференция деятелей Музейного дела (в Петрограде). Две Всероссийские Конференции по Реформе Высших Учебных Заведений. В настоящее время в Москве заседает Всероссийский С'езд по Дошкольному Образованию. 5-го Мая откроется Всероссийский С'езд по Внешкольному образованию, 15-го Всероссийский С'езд по вопросам Крестьянского и Рабочего Театра. Я не указываю здесь на буквально сотни с'ездов губернских и уездных, созывающихся в Москве, Петрограде и др. крупных центрах Советской России.

При Комиссариате Народного Просвещения состоит очень большое количество разного рода вспомогательных и экспертных Комиссий и Комитетов. Самым важным из таких учреждений является Государственный Ученый Совет, которому Ц. И. К-том поручено проведение реформ Высшей Школы в России. Этот Государственный Ученый Совет состоит из 5-ти лиц по назначению В. Ц. И. К. и 5-ти по назначению Комиссариата Просвещения. Председателем его является Комиссар Народного Просвещения.

Ввиду чрезвычайно тяжелого положения страны в продовольственном отношении, вопрос о спасении детей остро стал перед Советской властью. Для этой цели Совет Народных Комиссаров создал особый Совет Защиты Детей, в который входят ответственные представители следующих Комиссариатов: Комиссариата Социального Обеспечения, Труда, Здравоохранения и Продовольствия. Председателем Совета Защиты Детей является Народный Комиссар по Просвещению*). Совету Защиты Детей поручено и важнейшее дело эвакуации детей в дальние колонии, т. е. на Украину, по Волге и т. д.

Таков в общих чертах строй Народного Комиссариата по Просвещению.

Теперь познакомимся с основными чертами, проводимыми им в разных областях реформ или, вернее, революционных изменений.

(Продолжение следует).

А. ЛУНАЧАРСКИЙ.

Петроград
Конец апреля 1919 г

*) В настоящее время в Советской России обнародован и проводится в жизнь декрет о бесплатном питании всех детей Республики в возрасте до 14 лет.
Редакция.

ДОКУМЕНТЫ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ПИСЬМО ТОВ. БЕЛА КУНА ТОВ. ЛЕНИНУ.

Глубокоуважаемый товарищ Ленин'

„Один шаг действительного движения стоит больше, чем дюжина программ". Это я узнал от Маркса, но, без лести говоря, должен признаться, что правильно оценивать это положение я научился у Вас.

Прилагаю при этом исторический документ венгерской пролетарской революции, именно, письмо, с которым я обратился к одному товарищу из левых социалистов, предложившему мне указать платформу, на которой могло-бы состояться наше об'единение. . . . Наша программа—большевистская программа,—не менее болшевистскими являются и наши действия.

. . . . . Прежде всего я должен констатировать, что пролетарская революция, организованная коммунистами, совершилась бы и помимо известной ноты полковника Викса. Но, я думаю, глупо было бы не воспользоваться случаем, который нам представлялся Шаблонно-мыслящие буржуазные идеологи, усвоившие не дух, а только форму марксистского метода, конечно, лишь с трудом могут представить себе, как это могло случиться, что после такого кровавого переворота, как русская Октябрьская революция, переворот в Венгрии совершился как будто-бы совершенно безболезненно. Характерно то, что именно этот факт особенно огорчил шейдемановцев... Они увидели в нашей революции только националистический „блеф". Но лучшим доказательством того, что наша революция имела действительно коммунистический характер, является наш полный разрыв с капитализмом. По плодам их познаете их... Нет сомнения, что и в венгерской революции потечет еще кровь—и достаточно крови. Контр революция уже приподнимает свою голову, но прежде чем она ее подымет окончательно, мы снесем эту голову с плеч.

Возвращаюсь однако к началу письма: я не посылал программ, я дал только несколько отчетов о положении вещей; самым важным оставалось ведь то, что венгерская советская республика слала первый привет пролетарской диктатуры в Венгрии своей старшей братской республике Я и теперь не посылаю программ. Дальнейшие шаги интернациональной революции покажут, каково было значение нашей пролетарской революции. Положение наше критическое. Но,—что бы ни случилось,—каждый наш шаг будут направлять интересы мировой революции. Мы и мысли не допускаем, чтобы можно было пожертвовать этими интересами в пользу какого-нибудь отдела интернациональной революции Пусть нас ждет даже брестский мир,—мы заключим его с тем сознанием, которым были проникнуты вы, заключая ваш Брестский мир — вопреки моей собственной воле, вопреки воле левых коммунистов. Я в свое время ничуть не стеснялся высказывать открыто, что в вопросе о Брестском мире ваша политика была правильной, а точка зрения тех, кто утверждал противное, не являлась ни исторической, ни марксистской. Но столь же мало исторического понимания в воззрениях тех, кто судит о нашей революции исключительно на основании особенных обстоятельств, при которых она возникла. В свое время я послал вам наши декреты, но я был бы рад, если бы события последних дней могли развернуться перед вами, как на ленте кинематографа, чтобы вы убедились, что у нас диктатура не только провозглашена, но и фактически осуществляется. Те положения о необходимости диктатуры, которые вы развиваете в своей книге против Каутского, стали нашей платформой при осуществлении диктатуры. Не думаю, чтобы среди наших действий или распоряжений, имеющих принципиальное значение, нашлось хоть одно, против которого вы могли бы что либо возразить. Наши затруднения еще сильнее, чем те, с которыми вам приходилось бороться в свое время, наше внешнее положение в настоящее время гораздо хуже, чем тогдашнее положение России. И все же я полагаю, что даже с чисто принципиальной точки зрения ничего нельзя возразить против нашего образа действий. Единение, достигнутое нами на основе этой программы, является бесспорно *и* принципиальным *и* тактическим, стало быть действительным единением. Правые элементы вытеснены из партии, а старая профессиональная бюрократия понемногу просеивается.

Я отлично знаю, что не я, а сам пролетариат будет решать свою судьбу. Но я прошу вас и впредь оказывать мне ваше доверие. Я никогда не пойду вправо; левый-же коммунизм у нас немыслим именно потому, что мы так далеко зашли влево, что дальнейшее уклонение в эту сторону невозможно.

Шлю Вам самый сердечный привет, как от себя, так и от своих дорогих товарищей и друзей, а также несколько статей моих сотрудников, боровшихся и работавших рядом со мной в первых рядахъ революции.

БЕЛА КУН.

Будапешт,
22 апреля. 1919 г

ПИСЬМО ТОВ. БЕЛА КУНА ТОВ. ИГНАТИЮ БОГАРУ.

Дорогой товарищ Богар!

Когда вы посетили меня в тюрьме, вы попросили меня изложить вам платформу, на которой возможно было бы об'единить оба направления венгерского рабочего движения. Я хотел бы прибавить к этому, что вопрос касается не только венгерского, но и всего международного пролетариата.

Я, впрочем, заранее должен заметить, что в тюрьме мы переговоров вести не будем. Мотивировать наш отказ, надеюсь, излишне.

Что касается моего взгляда на единство рабочего движения, то я полагаю, что только **действительное**, а не кажущееся единство может повести к освобождению пролетариата. Я думаю, что нет надобности в подробном пояснении, почему то единство рабочего движения, которое провозглашает в номере от 9 марта „Nepszava", толкнуло бы большую часть рабочих масс в лагерь шейдемановцев и было-бы поэтому вредным и неприемлемым. Выгодным будет только такое пролетарское единство, только такая единая организация рабочего движения, которая покоится на действительном теоретическом и принципиальном единстве и которая провозглашает не сотрудничество классов, а борьбу между классами. Принципиальные жертвы равносильны отказу от принципов: это не подлежит сомнению.

Я напомню вам только взгляд Маркса на об'единение, искусственно порожденное Готской программой, основанной на компромиссе эйзенаховцев и лассальянцев. В письме к Бракке Маркс, критикуя Готскую программу, говорит: „Мы знаем, в какой мере голый факт об'единения удовлетворяет рабочих, но вы очень ошиблись бы, предполагая, что достигли этого временного результата недорогой ценой".

Я спешу заявить тем эклектикам, которые об'являют всякую ссылку на Маркса догматикой, библейским марксизмом, преклонением перед авторитетом (им хотелось бы поставить на место Маркса свое собственное ничтожество), что цитированные слова являются истинными не потому, что они сказаны Марксом, а потому, что они подтверждаются фактами.

Если бы русские большевики не приостановили — как это констатирует Ленин — уже в 1907 году тактические операции внутри партии, если бы Роза Люксембург, Карл Либкнехт и Франц Меринг и даже безобиднейшие независимые социалисты не порвали уже во время войны с фиктивным единством германского рабочего движения, если бы итальянские социалисты не сделали того же самого уже во время триполитанской войны и таким путем не обеспечили себе свободу действий и возможность пропаганды при помощи своей самостоятельной организации, история рабочего движения, думается мне, была бы значительно беднее славными революционными событиями, не говоря уже о завоеваниях. Возможно, что братоубийственная война, война одной части пролетариата против другой, не велась бы тогда так открыто, но является еще вопросом, не избавила ли эта открытая война пролетариат от значительно больших жертв, неизбежных при дальнейшем существовании капиталистического строя. Я спрашиваю вас: разве конфликт рабочих, об'единенных в профессиональных союзах, с пролетариями, стоящими вне этих союзов, не является братоубийственной войной?

Существует неотвратимое, неизбежное зло. Если мне сейчас или, может быть, позже разобьют череп, то этот факт является неизбежным злом. Для меня он весьма прискорбен, для рабочего движения он в конечном результате полезен. Необходимо, чтобы на такую историческую об'ективную точку зрения были в состоянии стать и другие люди.

Об'единение рабочих движений неизбежно.

Но для того, чтобы они об'единились, необходимо, чтобы они раскололись. Это не игра слов, а выражение диалектической закономерности.

До или после победы пролетарской революции, но рабочее движение во всяком случае будет единым. Я отнюдь не чувствую себя более расположенным к венгерскому пролетариату, чем напр., к американскому, русскому или чешскому, но суб'ективно я был бы весьма счастлив, если бы об'единенное венгерское рабочее движение достигло победы пролетариата и могло об'единенно приступить к работе над переходом к социализму.

Не могу скрыть, что я с некоторым скептицизмом, с некоторым сомнением смотрю на будущее. Состояние международного рабочего движения побуждает меня к этому. И все-таки я думаю, что об'единение чисто пролетарского, т. е. революционного рабочего движения в Венгрии будет осуществлено в не слишком отдаленном будущем.

Платформу, которой вы от меня требуете и которая должна выяснить нашу собственную точку зрения и взгляды наших доброжелательных противников, можно резюмировать в следующих пунктах:

1) Отказ от поддержки так называемого народного правительства, отказ от участия в правительстве буржуазного государства. Прекращение всякой классовой кооперации, превращение классовых организаций трудящихся в органы Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

2) Отказ от политики так назыв. территориальной, или, как ныне принято выражаться, национальной целости. Энергичная борьба с так называемой „революционной обороной страны", являющейся следствием сотрудничестве классов. Предотвращение во что бы то ни стало новой войны против чехов, румын или сербов, ибо пролетарская партия может одобрить революционную войну лишь в том случае, если:

а) вся власть действительно и определенно перешла в руки промышленного и сельского пролетариата,

б) если действительно исчезла всякая общность с капиталистическими интересами,

в) если на лицо все гарантии, что война не повлечет за собою нового национального угнетения.

3) Можно констатировать, что венгерская революция находится сейчас в переходном состоянии от так называемой общенациональной стадии к эпохе чисто пролетарской, социальной революции. Венгерская революция есть проявление международной пролетарской революционной энергии, которая стала актуальной ввиду всеобщего банкротства капиталистического производства. Вытекающие отсюда выводы должны определить также тактику венгерского пролетариата:

а) отказ от парламентской республики и организация для переходного времени централизованной республики Советов рабочих и крестьянских депутатов;

б) отмена постоянной армии и специальных вооруженных частей (полиции, жандармерии, пограничной стражи и т. д.), и замена их классовой армией вооруженного пролетариата; разоружение буржуазии;

в) полное упразднение бюрократии, самоуправление пролетарских масс, причем советы рабочих и крестьянских депутатов являются не только творцами законов и декретов, но и исполнительными и судебными органами. Все должности являются выборными, мандаты должны быть краткосрочны, избранные могут быть отозваны в любой момент. Вознаграждение выборных лиц не должно превышать вознаграждения квалифицированных рабочих. Более высокое вознаграждение допустимо — на основании русского опыта — только для специалистов.

Такая политическая конституция гарантирует осуществление мероприятий для перехода к социализму и подавление контр-революционных попыток буржуазии.

4) Еще до принятия непосредственных мер, имеющих целью подготовить переход к социализму, и до захвата государственной власти надлежит немедленно осуществить (отчасти взамен фабрично-заводских комитетов) централизованный контроль рабочих советов и децентрализованный контроль рабочих контрольных советов над промышленным и сельско-хозяйственным производством, а также над распределением продуктов. Одновременно советами раб. и крест. деп. должен быть произведен точный учет производительных сил, сырья и продовольствия.

Мероприятия, подготовляющие переход к социализму в общих чертах должны быть следующие:

5) конфискация земли в пользу пролетарского государства. Запрещение наемного труда для частных лиц в частных хозяйствах. Земля об'является государственной собственностью; поскольку земля, не обрабатывается живущим на ней крестьянином или членами его семьи, она должна быть обработана в интересах государства советами крестьянской бедноты. Энергичная борьба с разделом земли Временным средством в этом отношении для переходного периода может служить также организация производственных сельско - хозяйственных коммун.

6) Пролетарское огосударствление банков, конфискация всех вкладов и депозитов.

7) Пролетарское огосударствление промышленности и путей сообщения, и первую очередь, конечно, крупной промышленности, и концентрация ее средствами пролетарского государства; переход к рабочим управления предприятиями всей промышленности и транспорта. (Примерный состав правления: $1/3$ членов — от занятых в предприятии, $1/6$ — от представителей всех организаций данной отрасли промышленности, $1/6$ — от представителей потребительских организаций и $1/3$ — от высшего органа, руководящего народным хозяйством).

8) Немедленная монополизация внешней и внутренней крупной торговли. Монополия всех важнейших продуктов питания. Распределение только между трудящимися по пред'явлении рабочих удостоверений через посредство принудительных потребительских кооперативов или соответствующих отделений рабочих и крестьянских советов. (Основой могут служить также закупочные отделения предприятий). В целях действительной реализации рабочего дохода переход к натурализации заработной платы (плата натурой).

9) Немедленное осуществление всех требований об охране труда, включенных в так называемую переходную программу с-д партии; с другой стороны—обеспечение рабочей дисциплины.

10) Государственная пропаганда социализма Немедленное отделение церкви от государства. Школа должна быть открыто использована для воспитания в социалистическом духе

Такова платформа, на которой, по моему мнению, об'единится вскоре революционное крыло рабочего движения, а затем и все рабочее движение

Опыты с демократией, вернее с буржуазной демократией отрезвили, думается мне, уже многих людей в Венгрии. Сейчас уже очевидно не только банкротство политики раздела земли: тщетным оказались также надежды, возлагавшиеся на так назыв реформу бюрократии и на Национальное Собрание. Лживость принципа равенства буржуазной демократии, преподносимой в качестве всеобщей демократии, ее непригодность для осуществления переходных мер к социализму становится явной, как только мы пытаемся противопоставить эксплоататора эксплоатируемому. Разве эксплоататор может быть когда-нибудь равен эксплоатируемому?

Пролетарская демократия, иными словами пролетарская диктатура, должна стоять на первом плане у всякого, кто серьезно стремится к уничтожению эксплоатации. На этой программе революционные элементы венгерского рабочего движения должны об'единиться с социалистическими партиями Италии и Швейцарии и с независимыми социалистами Германии; говорят, что и сербская социалистическая партия приняла эту программу.

Ссылка на недостаток угля, на упадок промышленности, лозунг „мы не можем социализировать старый хлам“, запугивание международным положением—ни одного революционно мыслящего социалиста не смогут удержать от открытых действий в этом направлении

Ссылка на международное положение явно **служит сейчас интересам империалистов держав Согласия**: точно так же, интересам так называемой революционной обороны страны, т. е. попросту говоря, территориальной неделимости, служит всякий, кто ссылаясь на недостаток угля, препятствует развитию пролетарской революции. Тот, кто вместо пролетарской революции, вместо передачи политической власти советам, взывает к револю-

ционной обороне страны против румын и чехов, дабы капиталистические предприятия получили уголь, охотно поставит венгерский пролетариат, ради успеха этой войны, в услужение империалистов Антанты.

Я думаю, что венгерский пролетариат будет спасен не американскими хлебными спекулянтами, не углем, купленным в обмен на снаряжение у содержимых Антантой польских и украинских контрреволюционеров,—это может принести только империалистическое порабощение; спасение венгерского пролетариата—в союзе с революционными пролетариями России, Германии, Латвии и Украины. Такова внешне-политическая задача, которую нам необходимо немедленно решить; в этом смысле можно говорить о немедленных общих действиях. Я думаю, что уже повсюду наступило отрезвление по отношению к контр-революционному союзу, именуемому „Лигой наций". Те, кто об'являл Лигу наций спасительницей, сейчас, может быть, уже больше расчитывают на солидарность итальянского, французского, английского, чехо-словацкого пролетариата. Но эти отряды международного пролетариата будут, думается мне, более солидарны с пролетарской Венгрией, чем с Венгрией, руководимой графом Карольи.

Международная революция—не шарлатанство, каковым является Лига наций. Если не ошибаюсь, еще в декабре верующие в Вильсона с гордостью указывали на Германию, где моя нет ни малейших шансов на пролетарскую революцию. И что же: разве сейчас в Германии не только спартаковцы, но и независимые социалисты, даже пролетарские элементы социалистов большинства, не являются сторонниками пролетарской революции? Разыгрывается ли сейчас в Германии „братская" борьба? Может быть, так называемая добровольческая армия тоже состоит из „братьев". Спросите, дорогие товарищи, почему правительство не разрешило опубликовать полученные несколько дней тому назад радио-телеграммы о требованиях английских рабочих и солдатских советов и о подробностях беспорядков в Лондоне? Если вы застанете одного из посвященных государственных мужей в минуту откровенности, он, может быть, расскажет вам содержание этих радио. Банкротство Берна должно было совпасть с банкротством Лиги наций, т. к. бернская международная политика была лишь придатком Парижской. Это тоже означает победу революционного Интернационала. А присоединение к революционному Интернационалу является первым условием всякой удачной попытки к об'единению.

Конкретные задачи об'единения, сводятся, по моему, к следующему:

1) общая конференция революционных элементов для обсуждения предложенной мною платформы;

2) максимальное изменение партийной программы в этом духе и включение в нее:

а) оценки империализма, как особой стадии капитализма, констатирования банкротства капитализма, выяснения позиции по отношению к государственному социализму и к государственному капитализму;

б) отношения пролетариата к государству. Мы, требуем конечно, советской республики.

в) переработка программы переходного времени в соответствии с вышеизложенными соображениями.

3) Присоединение к революционному Интернационалу.

Еще одно замечание. Так называемое „чисто социалистическое" правительство отнюдь не означает приближения к диктатуре пролетариата, к пролетарской демократии. Напротив, оно во всяком случае удаляет нас от этого направления. Парламентский режим, сама организация буржуазного государства препятствует самоуправлению трудящихся масс и переходу к социализму. Нет такого чисто социалистического правительства, которое могло бы осуществить пролетарскую демократию в парламентской республике, и господство социалистического правительства столь же мало означает пролетарскую демократию, как государственный капитализм (начинающий, что весьма характерно, с огосударствления венгерской сахарной промышленности) не означает социализации.

Я написал вам все это, уважаемый товарищ, веря, что вы не сомневаетесь, что я при всяких обстоятельствах буду бороться за осуществление этой программы, которая, по моему мнению, является предпосылкой освобождения пролетарита. Я не стыжусь, напротив, я горжусь тем, что Ленин и даже - я выдам этот секрет—германские спартаковцы поддерживают нас в этой борьбе. Я не стыжусь поддержки, выраженной в рублях, и горжусь, что Радек и я больше всего приобрели и заслужили доверие товарищей. Мы и в будущем окажемся достойными его.

Вопрос, задаваемый многими: кто установит в Венгрии пролетарскую диктатуру, для меня довольно безразличен. Я думаю, что это будет сделано пролетарскими массами, а не отдельными личностями, и во главе масс будет стоять тот, кто призван к этому по своим убеждениям, и прибавлю по своему мужеству. Находясь в этой тюрьме, я спокойно могу сказать, что для меня не важно, буду ли я среди первых при распределении должностей: я хочу только сражаться в первых рядах пролетариата здесь в Венгрии, как это я делал в России. Действие является пробным камнем истинного революционера.

Мы, называющие себя коммунистами, должны поэтому ожидать в тюрьме буржуазного государства решения, которое вынесет о революционном и реформистском направлении в рабочем движении суд присяжных, составленный из лавочников Терезиенштадта и бакалейных торговцев Леопольдштадта и Иозефштадта: мы, „так называемые" коммунисты, стремимся только к одному — к осуществлению этого революционного направления.

Я знаю, что эта борьба за освобождение пролетариата, если она даже не будет решена единой рабочей партией, поведет к об'единению рабочего движения всех стран. После первого этапа борьбы рабочее движение будет единым, точно так же, как это произошло в России, где—об этом следует напомнить во избежание возможных ошибок — не большевики стали на точку зрения меньшевиков.

Я пребываю, от имени также моих товарищей, посвященных в это дело, с коммунистическим приветом

БЕЛА КУН.

Будапешт, 11 марта 1919 г.

К ОТКАЗУ ИТАЛЬЯНСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ УЧАСТВОВАТЬ В БЕРНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ.

Письмо Товарища МОРГАРИ в бернскую газету „Tagwacht".

„Дорогие товарищи! Недавно вы опубликовали телеграмму из Милана, помеченную 7 февраля, с известием о том, что итальянская социалистическая партия постановила отозвать своих делегатов Моргари и Казалини с интернационального конгресса в Берне, так как она не согласна ни со способом созыва этого конгресса, ни с характером прений на нем. Это сообщение является неточным по следующим основаниям: 1) социалистическая партия Италии вовсе не делегировала нас на эту конференцию, 2) мы не принимали участия в этой конференции и 3) мы не получали из Италии никакого известия в смысле опубликованной миланской телеграммы.

По тем же основаниям, по которым социал-демократическая партия Швейцарии постановила бойкотировать интернациональную конференцию в Берне, президиум нашей партии послал нас в Берн для участия во всех собраниях старого Интернационала, которые будут созваны официальными уполномоченными Интернационала, к которому наша партия еще принадлежит, и поручил нам проводить на этих собраниях принципы Циммервальда и Кинталя (будь то заседания интернационального брюссельского бюро, или конгресса, созванного этим бюро или его секретарем). Одновременно с этим нам было дано поручение не принимать участия в конференции, если дело сведется к социал-патриотическому выступлению или к продолжению лондонской сентябрьской конференции социалистов Антанты. Такие директивы были даны нам потому, что в Риме мы не знали, что ожидает нас в Берне. Пресса нашей страны сообщала очень противоречивые сведения. Пригласительные телеграммы были также неясными, одни из них были подписаны Гендерсоном, другие — Гюисмансом и, наконец, третьи секретарем социалистической партии Франции. Цензура помешала нам потребовать раз'яснений.

Так прибыли мы в Берн. Но лишь только для нас стал ясен истинный характер конференции, мы заявили бюро этой интернациональной конференции, что оно не должно считать нас делегатами. Товарищ Казалини, заметив свое имя в списке делегатов, письменно известил бюро, что оно занесено туда по недоразумению. Мы остались на с'езде лишь в качестве журналистов, для того чтобы информировать нашу прессу и нашу партию относительно прений на конференции и относительно враждебных нам взглядов.

После того как наши итальянские товарищи убедились в характере конференции, против нее энергично стал высказываться и „Аванти". Эта газета писала: „Правда, не все участники были одушевлены такими (социал-патриотическими) чувствами, и некоторые из них высоко держали знамя наших принципов. Но мы считаем, что одно уже присутствие их, хотя бы даже в качестве оппозиции, могло пойти на пользу другой стороне. Это присутствие по меньшей мере придало печать закономерности, недопустимому акту произвола: распоряжениям интернационального бюро, предоставившим благоусмотрению одной группы участников приглашать или не приглашать отдельные секция Интернационала, в зависимости от того, нравится ли это или нет господствующим классам, с которыми, в сущности, у социалистов нет ничего общего.

Итальянские социалисты, вместе с швейцарскими, русскими, английскими (принадлежащими к Социалистической Рабочей Партии), американскими, сербскими, болгарскими (тесняками) и всеми, кто остался верен социализму, как во время мира так и во время войны решительнейшим образом отказались признать за бюро такое право. Прав был Константино Лаццари, писавший недавно в решительных выражениях: „Социалистическая партия Италии не может принимать участия в собраниях таких партий или групп, которые соединили свое дело с делом своих буржуазных правительств, а в особенности таких, на совести которых лежит двойное убийство Карла Либкнехта и Розы Люксембург... Мы полагаем, что те наши товорищи, которые доверчиво хотели принять участие в Бернской конференции, теперь должны будут убедиться, что наилучшим для них путем будет держаться подальше от людей, которые не желают ничего другого, как забвения своей прошлой вины и своих недавних преступлений. Благодаря этому забвению, всем сторонникам войны и удалось так быстро об'единиться."

С такого рода Интернационалом мы не имеем ничего общего, равно как и другие наши товарищи во всем мире, стоящие на почве классовой борьбы. Социалистический пролетариат не позволит обмануть себя: он видит пропасть, зияющую между ним и этими людьми. Все нужно строить заново и все будет построено заново. Это относится и к Интернационалу. Но это будет Интернационал пролетариев социалистов, первый огонек которого загорелся в мрачные, трагические дни в деревушке Циммервальд, среди обвинений и преследований со стороны буржуазии, превратившей весь мир в море крови, среди клеветы и вражды со стороны многих из числа тех, которые вчера осмелились разыгрывать в Берне роль защитников социализма."

МОРГАРИ

ПРОГРАММА

КОМИТЕТА ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ МЕЖДУНАРОДНЫХ СНОШЕНИЙ

(ЕГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЧАСТИ),

внесенная на Конгрессе 20, 21 и 22-го апреля 1919 года.

(ФРАНЦИЯ).

Социалистическая партия констатирует, что, начиная со 2 августа 1914 года, события блестяще оправдали утверждения социализма, сделанные до войны.

Борясь против катастрофы, наступление которой он предвидел, Социалистический Интернационал неоднократно указывал на страшную опасность, которой подвергали мир всего мира империализм, колониальная политика и неограниченные вооружения всех правительств.

Капиталистический характер конфликта, ужасные последствия которого он предусматривал и от которого пытался предохранить человечество, был выявлен им с силой и ясностью, возраставшими с каждым днем, и на Базельском конгрессе в 1912 году он торжественно осудил политику тайных договоров и преступных интриг монархических и республиканских правителей, которые делали пожар неизбежным.

Подтверждая опасения социалистов, война вспыхнула, и во всех фазах ее чудовищного развития обнаружились ее истинный характер, относительно которого старались ввести в заблуждение массы, и ответственность за войну грабительского и насильнического режима, каковым является капиталистический строй.

В тайных договорах правительства обоих воюющих групп, игнорируя права народов, намечали в своих интересах новый раздел мира. Всегда и везде каждый военный успех сопровождался взрывом капиталистических вожделений и злоупотреблением грубой силой.

В момент временного торжества официальная Германия навязала России ненавистный Брест-Литовский договор, а сейчас победоносные правительства стран Согласия,—об'единенные лишь общей ненавистью к социализму, но раз'единенные своими аннексионистскими притязаниями,—своей попыткой установить новую карту Европы свидетельствуют о таком же презрении к принципам справедливости и правды, которыми они прикрываются. Опираясь на тайные договоры, они пытаются расчленить Германию, аннексировать или поставить под опеку левый берег Рейна, Саарский бассейн, восточное побережье Адриатического моря, Малую Азию, Сирию, Месопотамию, Персию, германские колонии...

Ежедневно обостряющиеся конфликты между империалистами, которые натравливают на мирной конференции малые нации против больших и большие нации друг против друга, убедительно доказывают, что грабительские и завоевательные аппетиты капиталистов и политиков не зависят от формы власти, и что ни одно буржуазное правительство не в состоянии вести „справедливую войну".

Чтобы воспрепятствовать преступным замыслам капитализма, дать отпор комбинациям дипломатии и предотвратить бойню, Социалистический Интернационал главным образом расчитывал на выступление пролетариата. Наблюдавшееся втечение всей войны банкротство или бессилие буржуазного демократизма пред лицом господствующей силы капитализма доказали правильность этой позиции.

Конечно, Социалистический Интернационал знал, что пролетариат, который систематически держали в неведении и организационным попыткам которого препятствовала правящая буржуазия, не сможет, пожалуй, предотвратить конфликт; но он предвидел, что эта империалистская по своему происхождению и целям война, создаст революционную кон'юнктуру, и уже в Штуттгарте вменил социалистам в обязанность, опираясь на эту кон'юнктуру, попытаться приостановить войну, а также „всемерно использовать экономический и политический кризис для агитации среди глубочайших слоев населения и для ускорения краха капиталистического господства".

Благодаря своей продолжительности и благодаря ужасающему истреблению человеческих жизней и ценностей, заканчивающаяся война превзошла все эти предвидения.

Бессильная решить многочисленные проблемы, порожденные ее слепой и воинственной политикой, буржуазия корчится и изнемогает под их тяжестью. Значительное несоответствие, существующее повсюду между доходами и расходами, лишает капитализм, предоставленный собственным силам, возможности воссоздать финансовое равновесие, восстановить разрушенное войной, привести в соответствие размеры окладов с дороговизной жизни, которая продолжает расти вопреки всяким паллиативам, воссоздать средства производства и обмена... Именно потому, что это положение является всеобщим, что все цивилизованные нации ввергнуты сейчас в бездну дезорганизации и нищеты, капитализм одной нации не может расчитывать на выкачивание средств из более слабых или побежденных наций. Уже официально об'явленное банкротство формулы „Германия заплотит" доказывает пролетариям, которые могли поддаться опьянению иллюзией победы, развал правящих классов. Они могут спастись лишь путем экономического порабощения рабочих и крестьян, что для последних, конечно, неприемлемо.

Таким образом, всемирный пролетариат очутился перед более глубоким кризисом, перед более революционной кон'юнктурой, чем это предвидел Социалистический Интернационал, и ходом собы-

тий он вынужден взять на себя более непосредственную и высокую ответственность.

Социальная революция началась: теоретический и абстрактный вопрос о переходе капиталистического общества к социалистическому строю нечего бо ьше ставить.

В России вся власть сосредоточена в руках пролетариата. В Германии рабочие и крестьянские массы не приемлют мнимую демократию, порожденную компромиссом, который социал-предатели заключили с военной реакцией, и революционный процесс, несмотря на кровавые репрессии нынешнего правительства, протекает там в тех же формах, как и в России.

Итак эволюционная доктрина не соответствует больше положению вещей. Ход истории не останавливается, и всякая попытка лишить рабочий класс захваченной им власти, или затормозить развитие наростающих революций, или парализовать развитие международной социальной революции, помогая правящим классам выпутываться в рамках буржуазной демократии из обременяющих их затруднений,—может служить лишь интересам чистой реакции.

Сверх того, социалистическая партия напоминает, что Интернационал был революционным и что вся тактика современного научного социализма синтезирована в словах Карла Маркса: „Рабочий класс революционен или его не существует".

Завоевание политической власти при помощи избирательного права и развитие парламентских и демократических учреждений никогда не были конечной целью Интернационала. Если в нормальное время Социалистический Интернационал имел программу реформ, он всегда видел в этих реформах не цель, а приспособленное к обстоятельствам времени и места средство для увеличения активности масс в момент наступления неизбежной революции. Он сознавал, что демократия становится невозможной, коль скоро она достигает развития, подвергающего опасности существование правящей капиталистической буржуазии, и что перед лицом этой угрозы правительство, являющееся органом этой буржуазии, без колебаний уничтожит все предоставленные привилегии и свободы. Нет примера в истории, чтобы господствующий класс дал себя лишить власти легальным путем.

Революция, следовательно, необходима, и, захватив власть, пролетариат должен установить диктатуру на все то время, пока его завоевания не будут обеспечены от посягательств капиталистической реакции.

Еще до претворения этой идеи в действительность Российским Советским Правительством она была достоянием Интернационала, который никогда не допускал гипотезы об эволюции, в конечном счете лишающей буржуазный класс власти мирным путем и без сопротивления с его стороны.

Равным образом социалистическая партия энергично отвергает всякую тенденцию изображать революцию преждевременной, а пролетариат недостаточно подготовленным для управления государством.

Момент социальной революции и развитие ее не зависят исключительно от степени подготовки рабочего класса или от степени развития капиталистической концентрации, но также и от общего положения, созданного буржуазией, и от бессилия ее найти средства, пригодные для продления ее господства. Пролетариат может быть поставлен перед необходимостью совершить революцию и захватить власть. Он должен принять ее, даже если его подготовка кажется недостаточной.

Из вышеизложенных фактов: с одной стороны,—разложения буржуазного общества, с другой,—развивающейся революции, следует, что мировой пролетариат стоит перед альтернативой: либо совершить революцию, либо укрепить капиталистическую буржуазию и подчиниться ее диктатуре.

* * *

Лишь власть, полностью сосредоточенная в руках рабочего класса, сможет разрешить проблемы социальной организации. Раз революция в настоящий момент вышла из области теории и стала действительностью, то оказывается превзойденной стадия союза демократических наций, развивающегося в направлении к социализму. Идея подобного Союза при нынешнем состоянии мира является одновременно химерической и контрреволюционной. Конфликт империализмов на Мирной Конференции, проявление тех же вожделений во вновь образованных государствах доказывают, что буржуазия не способна организовать этот Союз или использовать его иначе, чем в качестве орудия для упрочения своей власти. Ей препятствует при этом неустранимый антагонизм между капиталистами различных государств и настоятельная необходимость обезопасить себя от революционных восстаний. Добиваясь возмещения убытков и увеличения территории, французская буржуазия преследует двоякую цель: реализовать непосредственные выгоды и предотвратить революцию.

В деле осуществления своих планов буржуазный класс, находящийся в состоянии полного разложения, может быть поддержан только пролетариатом. Последний не заинтересован в оказании ему этой поддержки. Напротив, он должен воспользоваться обстоятельствами, позволяющими ему захватить власть с затратой наименьших усилий. Всякая поддержка, оказываемая им политике президента Вильсона, этого „вассала мирового империализма", по выражению Советского Правительства, является отрицанием возможностей, кроющихся в революционной кон'юнктуре, и попыткой реставрации окончательно скомпрометированного режима.

Только революция может привести к быстрому и полному решению проблем социальной реорганизации. Только она может освободить человечество от кошмара войны и, положив в основу общества производство, возродить и освободить труд и сделать невозможной спекуляцию—причину дороговизны.

Только революция в состоянии заключить международное соглашение, которое справедливо и безотлагательно решит все национальные вопросы, в то время как на мирной конференции сейчас пытаются навязать такой насильнический и произвольный способ регулирования их, при котором сохранится целый ряд очагов будущих войн.

Только революция, путем немедленного и всеобщего уничтожения непроизводительных паразитических расходов, возложенных на общество капиталом и в большей своей части вызываемых государственными долгами, сможет восстановить финансовое

равновесие и найти средства, чтобы дать трудящимся массам, пораженным чахоткой и другими болезнями нищеты, здоровые жилища и великие законы гигиены, социального обеспечения и страхования.

Только революция, признав ценность всякого полезного труда, позволит женщине занять в обществе место, на которое она имеет право, и автоматически установит,—пример происходящих революций доказывает это,—полное равенство полов.

Став неограниченным господином своей судьбы, рабочий класс сможет восстановить разрушенное войною, приступить к ремонту транспортных средств, промышленных и сельско-хозяйственных машин и тем обезпечить быстрое продовольствование разоренных народов.

Никогда капиталистическая буржуазия, на какие бы реформы она бы ни пошла, добровольно не допустит коренной реформы общего характера образования, являющегося в ее руках самым могущественым орудием господства. Только победоносная революция на деле создаст светскую школу с обязательным и бесплатным обучением на всех ступенях, школу, которая не удовлетворится обучением детей народа тому, что всякий должен знать, но который, установив среди детей полное равенство, обеспечит каждому всестороннее развитие его спосонностей.

Социалистическая партия предлагает пролетарским массам нижеследующую програму, призывая их к ее осуществлению:

1) захват всей власти пролетариатом,

2) установление обязательного труда,

3) социализация средств производства и обмена, земли, промышленности, рудников, транспортных средств... под непосредственным управлением крестьян, рабочих, рудокопов, транспортных рабочих, моряков...

4) распределение продуктов через посредство кооперативрв и муниципальных лавок под контролем общества;

5) муниципализация частных домов и госпиталей;

6) преобразование бюрократического аппарата, переходящего в непосредственное ведение служащих.

7) всеобщее разоружение в связи с об'единением всех пролетарских республик в Социалистическом Интернационале.

ФРАНЦУЗСКОЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ МЕНЬШИНСТВО О БОЛЬШЕВИЗМЕ

Резолюция, предложенная на Бернской конференции Фроссаром, Полем Фором, Верфейлем и Лорко.

„Интернациональная социалистическая конференция отказывается от дебатов, цель которых осудить диктатуру пролетариата во имя демократии, точно так же, как она отказалась бы от предложения осудить демократию во имя диктатуры.

Конференция не уполномочена и, за отсутствием некоторых национальных секций, не имеет права судить о режиме, введенном в России Советским правительством. Конференция полагает, что обсуждение этого вопроса не могло бы привести к сколько-нибудь ценным теоретическим или практическим результатам до тех пор, пока существующая по отношению к некоторым государствам система цензуры и блокады препятствует прибытию лиц, могущих дать сведения о советском режиме и помочь нам составить по этому вопросу обоснованное мнение

Сверх того, Конференция считает, что самый факт осуждения того режима, который преследуется капиталистическими классами всех стран с такою непримиримою ненавистью, будет содействовать намерениям правительств, стремящихся путем экономической блокады и военного вмешательства уничтожить- в образе того, что они называют большевизмом предпринятую русскими рабочими и крестьянами попытку к освобождению.

Конференция находит, что вмешательство и блокада угрожают самому существованию и дальнейшему ходу развития русской революции, и подтверждает, что интернациональный пролетариат имеет право получить беспристрастную информацию относительно социалистического опыта, успешно осуществленного в Советской республике.

Поэтому Конференция об'являет, что все социалистические партии обязаны считать своим долгом бороться всеми силами за то, чтобы заставить правительства отозвать из России и распустить сражающиеся там войска, а также снять блокаду, которая затягивает экономическую петлю на шее русского народа. Конференция постановляет, что социалистической и интернациональной рабочей комиссии должно быть поручено безотлагательно отправиться на место и там собрать весь фактический материал, который один только и может послужить Интернационалу основанием для составления определенного и сознательного суждения о действиях и методах, усвоенных как русской революцией, так и революциями германской и австрийской."

ТЕКСТ СОГЛАШЕНИЯ, СОСТОЯВШЕГОСЯ В БУДАПЕШТСКОЙ ТЮРЬМЕ МЕЖДУ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИЕЙ ВЕНГРИИ.

Социал-демократическая Партия Венгрии и Коммунистическая Партия Венгрии приняли на совещании партийных лидеров от 21 марта с. г. постановление о полном об'единении обеих партий

Название об'единенной партии будет гласить Социалистическая Партия Венгрии, до тех пор, пока революционный Интернационал не установит окончательного названия партии.

Об'единение совершилось на основе решения, что обе прежние партии будут совместно участвовать в руководстве новой партией и в правительственной власти. От имени пролетариата партия немедленно берет в свои руки всю власть. Диктатура осуществляется посредством рабочих, солдатских и крестьянских советов. В силу этого, естественно, окончательно отпадает план созыва Национального Собрания.

Надлежит без промедления организовать классовую армию пролетариата, которая разоружит буржуазию.

Чтобы обеспечить власть пролетариата и дать отпор империализму Согласия, заключается полный и тесный военный и духовный союз с Российской Советской Республикой

Социал-демократическая партия Венгрии.
Коммунистическая партия Венгрии.

Будапешт, 21 марта 1919 г.

ПРИВЕТСТВИЕ ИРЛАНДСКИХ СОЦИАЛИСТОВ РОССИЙСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ И КОНГРЕССУ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

Нью Йорк. 20 го марта 1919 года.

От имени ирландского революционного социалистического рабочего движения посылаем вам привет. Передайте его революционным товарищам Российской Коммунистической Партии и Коммунистическому Конгрессу. Я хотел бы лично передать эти приветствия и сделал бы это, если бы здешнее правительство не отказало мне в разрешении отправиться к вам. Пользуюсь случаем, чтобы передать вам приветствия. Будьте уверены что ирландские товарищи всецело с вами во всем, что вы предпринимаете.

Ваш за революцию и за диктатуру пролетариата.

ДЖИМ ЛАРКИН

ИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

Обращение Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала.

(радио).

ВСЕМ, ВСЕМ!

Совершается неслыханное преступление, перед которым бледнеют все злодеяния, совершенные имущими классами за время войны. Английские и французские империалисты со всех сторон окружают Венгерскую советскую республику, чтобы потопить в крови венгерских рабочих венгерскую социалистическую революцию.

Румынские феодалы бросили против Венгрии обманутые помещиками войска. Чехословацкое и юго-славянское правительства, подуськиваемые теми же французскими империалистами, надвигаются на Венгрию с двух других сторон. Советское правительство Венгрии выразило согласие принять самые тяжелые условия мира и удовлетворить все неслыханные требования румынского и чехословацкого реакционных правительств. И тем не менее реакционные армии названных правительств продолжают наступать на Венгрию.

Смысл событий ясен. Советская республика Венгрии не желала и не желает войны. Венгерское советское правительство исполняет волю всех трудящихся Венгрии. Венгерские рабочие свергли власть капиталистов—в этом их единственное „преступление".

Наступление империалистов против социалистической Венгрии совершается при явном сочувствии и довольно определенной поддержке со стороны социал-предателей, называющих себя социал демократами. Заседающая в Амстердаме конференция желтого „Интернационала" ни одним словом не протестовала против разбойничьего похода на советскую Венгрию.

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала обращается к румынским, чехословацким, югославянским рабочим и солдатам. Товарищи, откажитесь от роли невольных палачей венгерских рабочих! Подайте братскую руку нашим братьям, венгерским солдатам и рабочим! Весь рабочий мир отвернется с презрением от тех, кто не исполнит своего долга в этот ответственный момент.

Рабочие и солдаты Франции! Буржуазия вашей страны больше всех повинна в палаческом походе против советской республики Венгрии. Подымите ваш голос протеста! Вырвите власть из рук величайших злодеев, каких только знал мир! Выбейте из рук убийц этот нож, которым они замахнулись против наших братьев, венгерских рабочих!

Геройскими деяниями венгерских рабочих, учредивших республику труда, гордятся сознательные рабочие всего мира. Вам, венгерским пролетариям, окруженным врагами со всех сторон, рабочие коммунисты всего мира шлют пламенный привет. Русскому пролетариату не раз за полтора года его диктатуры случалось быть в таком же трудном положении. И все-таки он справлялся со всеми трудностями. Мы горячо убеждены: из нынешнего испытания вы выйдете окрепшими.

Долой международных разбойников!

Да здравствует советская республика Венгрии!

Председатель Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала

Г. ЗИНОВЬЕВ.

Как буржуазия борется против Коммунистического Интернационала.

(радио).

Член Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала, швейцарский гражданин Фридрих Платтен, 8-го апреля арестованный в Финляндии в качестве русского заложника, 14-го мая снова доставлен на русскую границу и находится в Петрограде. Тов. Платтен наотрез отказался дать свое согласие на обмен с арестованными в России финнами, отказался также „выразить желание" вернуться в Россию. Чтобы не помешать обмену русских граждан, которые уже несколько месяцев были арестованы в Финляндии, тов. Платтен лишь на границе Финляндии в Райяиоках сделал следующее заявление:

„14 мая 1919 г. мне об'явили в гельсингфорской тюрьме, что меня немедленно высылают обратно в Россию. Оставляя в стороне мои личныя желания и считаясь с обстоятельствами, я не привожу больше возражений против обратной высылки меня в Россию".

Платтена заверили, что при этой высылке отказались от первоначального намерения произвести акт обмена.

Случай с Платтеном обсуждался в финском парламенте. Как сообщают из достоверного источника, поведение правительства, об'явившего швейцарского гражданина русским заложником, вызвало резкую оппозицию, и представители правительства заявили, что известное решение парламента может повести к падению министерства.

Желтому бернскому „Интернационалу" буржуазия повсюду гостеприимно открывает двери. Против деятельности III Коммунистического Интернационала все средства для буржуазии хороши.

Рабочие всех стран по достоинству оценят такой образ действий буржуазии.

Председатель Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала

Г. ЗИНОВЬЕВ.

С'езду Шведских товарищей.

Дорогие друзья·

От имени Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала я приношу вашему с'езду самые горячие приветствия.

Исполнительный Комитет уверен, что ваша партия, которая одна из первых подняла знамя борьбы против социал-шовинизма, теперь примет оффициальное название коммунистической партии и, разумеется, вполне разделит программу Коммунистического Интернационала.

Буржуазия стран „Согласия" оказалась не в силах применить открытую интервенцию против советской России. Рабочие и солдаты не позволили им этого. Теперь империалисты Согласия применили систему прикрытого вмешательства в русские дела, стараясь натравить на нас Финляндию, Эстляндию, Польшу и т. п. Разоблачить этот новый разбойничий поход против социалистической республики — одна из важнейших задач всех пролетарских партий Европы. Ваша партия, мы уверены, будет в этом отношении в первых рядах.

Коммунистический Интернационал растет и крепнет с каждым днем. Никакие силы адовы не одолеют нас. Близок час полной победы рабочих всего мира.

Председатель Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала.

Г. ЗИНОВЬЕВ.

Петроград
29 мая 1919 г.

Оргвнизациям пролетарской молодежи всего мира.

Дорогие товарищи!

В империалистской бойне больше всего жертв принесла рабочая и крестьянская молодежь. Миллионы и миллионы рабочих и крестьян в самом цветущем возрасте погибли за интересы кучки капиталистов. Буржуазные правительства совершенно сознательно послали на убой рабочую молодежь, преследуя одновременно двоякую цель: 1) победить своего буржуазного конкуррента, дабы увеличить свои прибыли и 2) истребить наиболее „беспокойную", наиболее требовательную и наиболее революционную часть своих собственных рабочих.

Рабочая молодежь больше всех пострадала от войны 1914—1919 г.г. И рабочая молодежь первая подняла голос протеста против чудовищной бойни.

Когда оффициальные „социалистические" и социал-демократические партии перешли на сторону буржуазии и принялись восхвалять грабительскую войну, как войну „справедливую" и „освободительную",—организации молодежи первые восстали против этой измены. Шейдеманы и Эберты в Германии, Ренодели и Тома во Франции, Гайндманы и Гендерсоны в Англии, Реннеры и Аустерлицы в Австрии, Брантинг в Швеции, Грейлих в Швейцарии, Гомперс в Америке и другие обманщики и предатели в остальных странах встретили отпор со стороны пролетарской молодежи.

Ныне пришел час с'организовать Интернационал молодежи. Рабочая молодежь всего мира теперь должна окончательно выбрать свой путь.

Коммунистический Интернационал, основан в марте 1919 г. в Москве, призывает все организации молодежи сплотиться и примкнуть к Коммунистическому Интернационалу.

Коммунисты относятся к работе среди молодежи, как к одной из самых неотложных и важных задач. Карл Либкнехт, великий борец Коммунистического Интернационала, распятый социал-предателями шейдемановцами, был одним из самых горячих поборников движения молодежи и его организатором. Российская Советская Республика всем своим аппаратом, всеми своими силами идет на помощь рабочей и крестьянской молодежи.

В Берне образовался—желтый „Интернационал". Убийцы Карла Либкнехта об'единились в нем с предателями французских рабочих. Этот желтый „Интернационал" является орудием в руках империалистов Согласия. Каутский, защищающий „единство" с Шейдеманом, на деле является лакеем буржуазии.

С этим „Интернационалом" обмана, лжи и предательства рабочая молодежь не пожелает, мы уверены в этом, иметь ничего общего. Рабочая молодежь вся, как один человек, примкнет к Интернационалу борьбы, к красному Коммунистическому Интернационалу.

Пришел долгожданный момент борьбы за власть рабочих, за диктатуру пролетариата, за коммунизм. Рабочий класс берет реванш за то поругание, которому подвергалось знамя пролетариата втечение 5 лет войны. Во всем мире рабочие учредят свои Советы, которые осуществят социализм. Черной армии буржуазии мы противопоставим свою красную рабочую армию, и рабочая молодежь будет сражаться на первых баррикадах во имя завоевания Советской власти.

Да здравствует пролетарская молодежь!

Да здравствует Коммунистический Интернационал молодежи!

Председатель Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала.

Г. ЗИНОВЬЕВ.

Петроград
29 Мая 1919 г

ДОКЛАДЫ ДЕЛЕГАТОВ НА 1м С'ЕЗДЕ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

ДОКЛАД тов. М. АЛЬБЕРТА

(Германия).

Товарищи! Еще 8 ноября 1918 г. даже сторонники независимых социал-демократов утверждали, что в Германии исключена возможность событий, переживаемых Россией, т. е. возникновение революции. Но уже 9 ноября рухнуло старое здание капиталистического строя. Уже 9 ноября в Германии существовало то, за что так резко критиковали Россию и что в Германии считалось невозможным.

Правда, вначале казалось, что все движение в Германии является простым солдатским бунтом, проявлением недовольства солдат драконовской строгостью начальства и результатом нежелания продолжать войну. Но в одну ночь была введена советская система, даже в маленьких городах немедленно были организованы советы. Поэтому следует говорить не только о солдатской революции, рожденной отвращением к войне, но и о твердой решимости пролетариата ввести новую систему, за которую он уже давно боролся: поставить на место старого общественного строя социалистическое общество.

Возникшие за ночь советы рабочих депутатов внушали, правда, еще большие сомнения. Социалисты большинства и сторонники Шейдемана, значительно превосходившие рабочих в организационном отношении, сумели пробраться в ряды правительства, занять правительственные должности и прочно обосноваться в советах. Старая точка зрения рабочих, что для организации нового общества достаточно поставить на место старых сановников и министров пару социалдемократов, повела к тому, что в правительстве Германии были представлены независимые и социалисты большинства.

В первые дни революции советы рабочих депутатов предложили сторонникам союза Спартака вступить в правительство, и было заявлено требование, чтобы тов. Либкнехт стал членом правительства. В первый же день тов. Либкнехт заявил, что он только на три дня войдет в состав министерства с тем, чтобы упрочить перемирие. Когда это было отклонено социалистами большинства, тов. Либкнехт отказался войти в правительство, а вместе с ним и остальные члены союза Спартака. Мы считали, что для Германии еще не настало время создания нового общественного строя на месте старого, капиталистического, и что для такой перестройки недостаточно прогнать несколько слуг государевых. Главная задача—разрушить старый государственный аппарат и создать свой собственный аппарат власти. Наша главная цель состоит, следовательно, в том, чтобы показать народным массам, что прежде всего необходимо создать советскую систему, т. е. ввести диктатуру пролетариата. Насколько правы были наши товарищи, не вступая в правительство, показали его мероприятия уже в ближайшие дни. Все первые декреты его преследовали цель лишить советы исполнительной власти.

В состав правительства вошли также Гаазе, Дитман, Барт и т. д. Первый декрет был опубликован от имени обоих направлений. Уже несколько дней спустя у них возник конфликт с центральным советом. Правительство стало над советами. Устраненные офицеры были восстановлены в своих правах и получили опять командную власть. Полагали, что еще не настало время для осуществления социализма, что вопрос этот нужно отложить в долгий ящик. Требования рабочих были отвергнуты: невозможно, мол, изменить существующий государственный аппарат, так как враг стоит перед воротами, так как Антанта не разрешает правительству производить какие-либо изменения.

Когда протест пролетариата против подобной политики усилился, когда рабочие заявили о своем нежелании итти по старому пути, тогда правительство социалистов большинства показало свое истинное лицо.

Характерно для германских отношений, что уже на третий день революции правые газеты заявили: революция факт, и отрицать этот факт не представляется возможным. Главная задача правительства—позаботиться о действительном осуществлении демократии в Германии. Они имели в виду буржуазную демократию и созыв Национального Собрания. Союз Спартака тотчас-же заявил, что об этом не может быть речи, что нам нужна диктатура пролетариата, уже создавшего свой организационный аппарат в лице советов; так как революцию в Германии совершил пролетариат, то он является единственным классом, призванным создать новый строй. Мы требовали беспощадного проведения классовой борьбы вплоть до свержения капиталистического строя. Это не соответствовало видам господ Шейдемана и Эберта; они об'явили себя сторонниками Национального Собрания. С баснословной поспешностью были назначены выборы. Тем самым рабочим был дан лозунг. Весь народ раскололся на две части. На одной стороне—представители капитала, отстаивающие необходимость созыва Национального Собрания, на другой—Союз Спартака, требующий введения советской системы и осуществления диктатуры пролетариата. Под этими лозунгами велась вся борьба, о перипетиях которой вы осведомлены.

Товарищи, примыкающие к союзу Спартака, были организованы до тех пор в партии независимых социал-демократов. Обстоятельства в Германии были таковы, что до начала войны там существовала единая социал-демократическая партия, превозносимая до небес заграницей. Когда в начале войны социал-демократы вместе со своими вождями перешли в лагерь националистов, когда они плечом к плечу с буржуазией вели военную травлю, для членов Союза Спартака дальнейшее пребывание в этой организации стало невозможным. Существовало внутри социал-демократии еще одно направление, которое не одобряло вотирования военных кредитов, но в других вопросах защиты отечества действовало заодно с Шейдеманом и Эбертом. Во главе этого направления стояли Гаазе и Ледебур. В виду их оппозиционного отношения они были исключены из партии и основали независимую социал-демократическую партию.

Члены Союза Спартака были лишены возможности работать и развивать свою деятельность. Все представители союза были брошены в тюрьму или отправлены в окопы. Лишь немногие из них имели возможность продолжать начатую работу, поскольку они случайно ока-

вались на свободе. Когда в Готе была основана независимая социал-демократическая партия, мы выразили готовность слиться с независимыми в единую организацию, хотя уже тогда существовали непримиримые противоречия. Когда в начале революции независимые вступили в правительство, когда и они об'явили себя сторонниками буржуазной демократии и пытались задушить советы, дальнейшее пребывание в одной и той же организации с ними стало для нас невозможным. 3-го января 1919 г., на конференции Союза Спартака в Берлине, мы основали коммунистическую партию Германии. После учреждения партии, правительство Эберта-Шейдемана предприняло яростную борьбу против коммунистов, беспощадно применяя против нас все репрессивные меры старого режима. Когда рабочие запротестовали против подобного рода политики, когда пролетариат забастовками показал, что он не намерен допустить применения старых методов угнетения, соратники Эберта-Шейдемана вступили в решительный бой с пролетариатом и впервые обрушились на него на улицах Берлина с пулеметами и пушками. 6-го декабря 1918 г. на улицах Берлина против мирно демонстрирующих рабочих были направлены пулеметы и пушки; много наших лучших товарищей было убито или тяжело ранено. Характерно, что решительнее всего расправлялись с солдатскими представителями коммунистической партии.

Что представляет собою в настоящее время военщина в Германии? Солдаты, четыре года участвовавшие в войне, победоносным восстанием уничтожившие 9 ноября старую систему, не желают более играть роль солдат. Старые полки распущены. Они разбежались в начале революции, не считаясь с желаниями Шейдемана.

Находившиеся в Германии войска были распущены через несколько дней после переворота; некоторые территории, вожди которых стали на сторону коммунистов, самостоятельно провели демобилизацию. Брауншвейгская республика в первые же дни революции назначила сроком демобилизации 23 декабря. Имперское правительство заявило протест, но солдаты были отпущены. Для правительства не имело смысла задерживать старых солдат, оно не могло воспользоваться ими для своих целей. Старые полки на фронте не хотели сражаться с внешним врагом, они разбежались, не заботясь о перемирии. Я должен заметить, что Россия сыграла большую роль в разложении нашей армии. Военнопленные, возвращавшиеся из России, являлись к нам в хорошем виде. Повсюду, немедленно по их прибытии, исчезало всякое желание сражаться.

Были, правда, полки на фронте, недоступные агитации и находившиеся еще во власти офицеров, но и эти полки вскоре оказались небоеспособными. Генерал Легис, главнокомандующий Берлина, заявил в начале января, что для его войск, еще подчинявшихся офицерам, достаточно пяти шести дневного пребывания в Берлине, чтобы впасть в состояние полной деморализации. Лишь благодаря случайному обстоятельству, что с фронта прибывали войска, не затронутые еще агитацией, стало возможным, что на улицах Берлина войска выступали против рабочих. Так дело обстояло 6-го декабря 1918 г., когда после собрания красного солдатского союза только что вернувшиеся из Финляндии войска расстреливали возвращавшихся с собрания солдат. Когда несколько дней спустя матросы, этот фундамент и отборное войско революции, большей частью состоявшее из рабочих, которые уже раньше принадлежали к партии, — когда матросы не захотели покинуть Берлин, правительство выслало против них вызванный с фронта полк, который засыпал их гранатами. Гаазе, Барт и Дитман, члены правительства, заявили, что они не участвовали в заседании, на котором решено было стрелять в рабочих. Независимые выбыли затем из правительства, изгнанные оттуда шейдемановцами пинком ноги. Они были вышвырнуты и немало горевали по этому поводу.

Союз Спартака не мог в дальнейшем работать сообща с ними. Всякая совместная работа с такими людьми была тщетна, необходимо было создать собственную коммунистическую партию, она была необходима еще потому, что раскол в рядах существующей партии не прекращался. Партия большинства едина, но у независимых дело обстоит скверно. Каждый вождь олицетворял собой новое направление и каждый стремился основать новую партию. В особенности Ледебур и Деймиг носились с мыслью основать всеобщую германскую партию, и если бы это им удалось, то опять возникла бы независимая социал-демократическая партия, которая не склонялась бы ни налево, ни направо и не стояла бы на точке зрения крайней левой, т. е. союза Спартака, на точке зрения диктатуры пролетариата. Это побудило нас немедленно порвать всякую связь с этими людьми и тем самым сделать невозможным основание подобной смешанной партии.

Задачей союза коммунистов было не только учреждение новой партии, но главным образом воспитание масс, подготовка их к осуществлению социалистического строя, для чего необходимо активное участие каждого отдельного лица. Среди немецких рабочих все еще сильно убеждение, что задача их сводится к замене некоторых министров социал-демократами. Нам надлежало, следовательно, указывать на то, что решительная борьба с буржуазией может вестись лишь путем массового действия; для нас с самого начала было ясно, что революция 9 ноября была лишь слабой попыткой разрушения старого общественного строя, что настоящая революция Германии еще впереди. Как раз за эти недели выяснилось, что преобразование общественного строя вызовет еще тяжелые битвы, и что гражданская война будет вестись с таким ожесточением, какого не знает мировая история. Необходимо показать массам, что эта цель может быть достигнута лишь при существовании советов. Цель всей нашей агитации—об'яснить это рабочим, побудить их к организации советов. Как же обстоит дело с советами? В начале всюду были учреждены советы. В предприятиях и мастерских рабочие создавали советы, в задачи которых входило улучшение условий труда рабочих в данных предприятиях. Для нас имело большое значение то обстоятельство, что эти производственные советы прижали к стене столь сильные в Германии профессиональные союзы, которые действовали за одно с желтыми, запрещали рабочим бастовать, противились всякому открытому движению рабочих, постоянно наносили рабочим удары в спину. Роль этих профессиональных союзов прекратилась 9 ноября. После 9 ноября все движения в пользу повышения заработной платы происходили без помощи профессиональных союзов, даже против желания их; сами они ни одного подобного движения рабочих не могли довести до благополучного конца. Лишь за последние дни союз торгово-промышленных служащих стал во главе открытого движения, так как в правлении союза сидят члены коммунистической партии.

Каковы же перспективы дальнейшей борьбы в Германии? Если судить на основании цифровых результатов выборов в Национальное Собрание, то следовало бы признать, что широкие массы в Германии идут за социалистами большинства. Одиннадцать миллионов голосов было подано за шейдемановцев и два миллиона за независимых социалистов. Но если внимательнее присмотреться к движению, то выясняется, что рабочие далеко не столь сплоченно идут за правительством, как оно утверждает. Выясняется, что повсюду, где рабочие против желания правительств, самостоятельно идя по пути к социализму, пытаются достичь выгод для себя, они всегда идут за лозунгами коммунистов. В рейнско-вестфальской области возникло большое движение среди углекопов. Был избран центральный совет, в руках котораго был сосредоточен контроль над всеми рудниками. Не только рабочие участвовали в социализации предприятий, но и чиновничество выразило согласие проводить социализацию без капиталистов и, избегая всякого саботажа, совместно с рабочими работать в предприятиях. Немыслимо ограничиться социализацией одной определенной области, и весьма симптоматично, что рабочие сознают, что единственным средством для устранения старых хозяйственных методов является социализация предприятий и всей жизни вообще. Перспективы грядущей борьбы благоприятны, ввиду того, что вся хозяйственная жизнь Германии идет сейчас по нисходящей линии.

Менее благоприятно то, что правительство выступает против рабочих весьма решительно; но рабочие не дадут себя запугать. Солдаты в Германии заявляют повсюду, где возникают осложнения: „против рабочих мы не боремся." Раз они вели себя нейтрально, то никакого значения для правительства они уже не имели, и поэтому оно решило организовать по русскому образцу белую гвардию из добровольческих полков. Были сформированы новые войска для защиты восточной границы, с одной стороны, под предлогом сдержать мятежных поляков, тех поляков, которых притесняли во время диктатуры буржуазии, и которых точно так же угнетают и сейчас. С другой стороны, этими войсками пользуются для отражения напора большевистских красноармейцев. В Германии красноармейцев изображают как разбойничьи шайки, все уничтожающие и убивающие. С этой целью ведется усиленная пропаганда, дабы привлечь солдат, согласных бороться с большевиками.

Но солдатами пользуются для борьбы с рабочими на улицах Берлина. Первое движение возникло в Берлине в январе 1919 года. Правительство сместило начальника полиции и назначило на его место социалиста большинства, который уже раньше снискал всеобщую ненависть в виду предательства рабочих. Пролетариат мог ожидать, что он опять прибегнет к самым крутым мерам. Без какого либо лозунга со стороны партии или каких-либо директив, преподанных ею, рабочие 19 января заняли несколько типографий, первым долгом типографию „Форвертса", который уже давно был ненавистен рабочим. После нескольких дней борьбы социалисты большинства, руководимые правительством, ввели впервые в бой белогвардейцев, которые должны были очистить Берлин. Как гнусно и с какой жестокой беспощадностью они действовали, вы можете усмотреть из того факта, что первые парламентеры, вышедшие из здания „Форвертса", просто были засечены на смерть солдатами. 7 человек было убито. После подавления движения белогвардейцы стали арестовывать и бросать в тюрьму всех, примкнувших к союзу Спартака. Таким образом попали в руки палачей наши лучшие вожди Карл Либкнехт и Роза Люксембург и были убиты ими на улице. Все рассказы о попытке Либкнехта бежать, о захвате т. Люксембург рабочими—сплошная ложь. Уже сейчас имеются свидетельские показания, что белогвардейцы били Либкнехта прикладом по голове и тяжело раненного посадили в автомобиль, в котором он и был убит; что Роза Люксембург была убита двумя ударами прикладом, а труп ее унесен. Убийцы и офицеры известны, все показания опубликованы, но убийцы все еще на свободе. Правительство и не думает привлекать их к судебной ответственности.

Такая же судьба, как Либкнехта и Люксембург, постигла много других спартаковцев: они были умерщвлены и зарыты фанатическими солдатами и офицерами. Арестовали также русского товарища Карла Радека, заковали в тяжелые железные цепи и посадили в сырой холодный подвал, в камеру бывшего арестного дома, в которой содержались убийцы. Вы видите, что террор процветает в Берлине, что борьба пролетариата с буржуазией не ведется уже, как раньше, при помощи листовок и брошюр: сейчас борьба пролетариата в Берлине и в других городах ведется с применением пороха и свинца. Охваченная испугом буржуазия не видит другого исхода, кроме насильственного подавления пролетариата. Других средств она не имеет.

Экономическое положение Германии безотрадное. Многие предприятия закрываются. Рабочие путем забастовок добились такого повышения заработной платы, что продолжение работ перестает быть выгодным для предпринимателя. Он просто закрывает свою лавочку, так как не предвидит для себя достаточной прибыли. С другой стороны, среди рабочих усиливается неохота к работе. Неудивительно, что рабочие, которые могли бы уже распоряжаться предприятиями, не испытывают желания набивать карманы капиталистов. Неохота к работе все возрастает. Запасы сырья незначительны, а где они имеются, ими торгуют из-под-полы. Поэтому предприниматели закрывают свои предприятия. Когда я уезжал из Берлина, там было 260.000 безработных. Мы накануне экономического краха Германии.

С транспортом дело обстоит скверно. Мне говорили в Германии: если ты поедешь в Россию, тебе придется пережить не мало неприятностей. Товарищи, в сравнении с тем, что я испытал в Германии, я путешествовал от границы до Москвы великолепно. Англичане и французы отняли у нас лучшие паровозы. Переезд из Берлина в Лейпциг, который раньше продолжался всего 2 часа, ныне часто отнимает 9—10 часов; где раньше ежечасно ходили курьерские поезда, сейчас за весь день ходят 1—2 пассажирских поезда. Ясно, что в этом отношении не может продолжаться применение старых методов.

Продовольственный вопрос все более осложняется. Цены на продукты растут, вообще их трудно раздобыть. Того, что выдается по карточкам, не хватает для жизни и приходится пользоваться услугами мешечников. Рабочие не в состоянии раздобывать себе необходимых с'естных припасов. В результате повсюду вспыхивают восстания. Белогвардейцы ждут момента, чтобы выступить против пролетариата, и поэтому неизбежны крупные столкновения.

Все это, и в особенности мир с Антантой, покажет, что борьба, которую ведет пролетариат, ведется в надежде на успешный конец. Правительство все время утешает рабочих, говоря: мы ничего не можем предпринять, так как мир с Антантой стоит у порога. Но рабочий класс не поддается больше этой лживой болтовне. Втечение многих месяцев нам твердят, что мы должны воевать с Россией, чтобы угодить Антанте. Но от союзников мы еще ничего не получили и ничего не получаем. Несколько банок сгущенного молока предложено нам по ценам, которые могут платить капиталисты, но не рабочие. Шейдемановцы, которые 4 года тому назад одобряли и поддерживали воинственную политику по отношению к странам Согласия, теперь ползают на коленях перед Согласием и жалобно умоляют о пощаде; они боятся мира. Немецкое правительство, шейдемановцы и компания, показали Антанте, какой мир нужно заключать с побежденными, и англичане и французы могут сказать, указывая на Брест-Литовск: вы нас научили, как заключать мир, и если условия мира будут тяжелыми, то именно потому, что представители Антанты Вильсон и Клемансо, являются приказчиками своих капиталистических государств и смотрят на заключение мира, как на сделку, из которой надо извлечь как можно больше выгоды. Воздействовать на Антанту правительство не сможет, как униженно ни ползает оно на коленях; для этого пролетариат должен энергично и страстно продолжать революционную борьбу. Лишь этим он приобретет доверие пролетариев Англии и Франции, чтобы сообща с ними вести борьбу за безусловно необходимую мировую революцию.

Таково мнение коммунистической партии, и повсюду, где германский пролетариат еще не примкнул к ней, мы своей агитацией привлекаем его на нашу сторону. Я не думаю, что предаюсь излишнему оптимизму, утверждая, что коммунистическая партия в Германии, так же, как в России, продолжает борьбу с полной надеждой на то, что недалеко время, когда германский пролетариат доведет революцию до успешного завершения и, вопреки всяким национальным собраниям вопреки Шейдеманам и, буржуазному национализму, установит пролетарскую диктатуру. Необходимо, чтобы пролетарии в Германии вступили в бой совместно с пролетариатом других стран. В сознании этой необходимости я с радостью откликнулся на ваше предложение и убежден, что мы в ближайшем будущем, плечом к плечу с пролетариатом всех других стран, особенно Англии и Франции, будем сражаться за мировую революцию и за осуществление революционных задач в Германии.

ДОКЛАД тов. Г. ЗИНОВЬЕВА

(Россия).

Товарищи! Вы поймете, что я могу поделиться с вами лишь частью того богатого материала, который имеется в моем распоряжении. Впервые мы были в состоянии созвать международную конференцию на русской территории и можем предложить вниманию товарищей огромный материал о нашем движении. Мы уже не вынуждены, как раньше, выступать в качестве эмигрантов и делиться лишь отзвуками русского рабочего движения. Многое, что тов. Альберт рассказал о Германии, мы могли бы иными словами рассказать вам о нашем прошлом. Его доклад напоминает нам то, что происходило здесь во времена Керенского, что мы пережили в России приблизительно в августе 1917 года.

Как вам известно, наша партия была единственной, провозгласившей пролетарскую революцию в России. Все остальные партии были против октябрьской революции, и было ясно, что коммунистический авангард русского пролетариата без всякой помощи, напротив, преодолевая немало препятствий, должен был взвалить на одни свои плечи всю тяжесть борьбы.

Наша партия насчитывала до октябрьской революции приблизительно 10.000 членов. Сейчас, когда мы стоим перед восьмым очередным партийным с'ездом коммунистической партии, мы насчитываем в России около 500.000 членов. Может быть, это немного, но вы должны понять, что мы не могли широко распахнуть двери перед всеми элементами, желающими вступить в нашу партию. Разумеется, к нам приходит лучшие элементы рабочего класса, лучшие элементы рабочей молодежи и эти элементы мы охотно принимаем. Но так как наша партия стоит у кормила власти, то понятно, что довольно много карьеристов, сомнительных мелко-буржуазных элементов, пытаются в нее проникнуть. Но наша партия определенно и единогласно постановила ставить подобным элементам преграды. Наш центральный комитет постановил лишить некоторые категории членов партии даже избирательного права на партийный с'езд. Правда, необычно прибегать к ограничению избирательного права в рядах партии; но, я повторяю, вся партия одобрила этот шаг, ибо мы желаем, чтобы она составляла единое целое, чтобы в нее входили только действительные коммунисты. Вопрос идет лишь о 500.000 членов, в руках которых находится вся государственная машина сверху до низу.

Ядро партии составляют рабочие. Интеллигенция слабо представлена в наших рядах. Лишь за последнее время наблюдается перелом. Часть интеллигентов согласна работать с нами в советах, но прием их в партию затруднен.

Второй формой нашей рабочей организации являются профессиональные союзы. Историческое развитие наших профессиональных союзов было иным, чем в Германии. В 1904—1905 г.г. они сыграли большую революционную роль и сейчас борются рука об руку с нами за социализм. Профессиональные союзы в России насчитывают сейчас 3.500.000 членов. Эта цифра была установлена на последнем конгрессе профессиональных союзов. Подавляющее большинство членов разделяет взгляды нашей партии и все решения выносятся в духе нашей партии. Лишь незначительное меньшинство в профессиональных союзах отстаивает идею нейтральности и „независимости" профессионального движения. Большинство считает необходимым работать сообща с коммунистами. Довольно сильное течение требует огосударствления профессиональных союзов,— чтобы они формально являлись частью советского правительства. На деле профессиональные союзы уже теперь действуют, как часть нашей государственной машины. В вопросах о тарифах, о заработной плате постановления формально выносятся Советом Народных Комиссаров, но решающее слово принадлежит профессиональным союзам. Точно так же обстоит дело и с другими вопросами с вопросом о страховании рабочих и т. д.

Третьей формой организации являются кооперативы. Сейчас у нас имеется 25.000 кооперативов; в городе— 2.000.000 членов рабочих кооперативов, в деревне— 10.000.000 членов сельских кооперативов; считая членов семейств, в этих организациях об'единено всего свыше 50.000.000 человек.

Но главнейшими организациями являются, как всем известно, наши Советы. Довольно трудно сказать, сколько человек,—рабочих и крестьян,—организовано в советах. Во всяком случае мы можем заявить, что после того, как мы выработали нашу советскую конституцию, избирательное право постепенно распространяется так же на часть средних слоев населения. Такую картину показали, напр., выборы в Петроградский Совет Рабочих Депутатов. В Петрограде пользуются избирательным правом около 650.000 человек. В выборах приняло участие более $^{2}/_{3}$. Более $^{9}/_{10}$ населения пользуется избирательным правом. Я думаю, что картина Петрограда характерна для всех наших городов, и можно, пожалуй, утверждать, что свыше ста миллионов населения пользуются в нашей советской республике избирательными правами и осуществляют их.

Понятно, что в советах вся тяжесть работы возложена на простых рабочих. Это обстоятельство имеет теперь значение также для товарищей в других странах. Нас тоже не мало запугивали, и даже сами рабочие думали, что мы не сможем справиться своими силами с такой сложной работой. И сейчас мы еще делаем много ошибок но рабочий класс России, который, конечно, не является самым интеллигентным в мире, показал, что, захватив политическую власть и руководимый организованной партией, он может решить эти сложные задачи.

До последнего времени наша партия была преимущественно партией городского пролетариата. Это вполне понятно, ибо наши первые члены вышли из фабрики, наша организация родилась в рабочих кварталах. Теперь наша партия превращается в партию трудящихся народных масс города и деревни. Мы работаем в деревне не так давно и, пожалуй, не так энергично, как в городе. Но мы можем сказать, что один год работы в деревне привлек в нашу коммунистическую партию много новых сил и что мы вытеснили все остальные партии. Популярность коммунистической партии в деревне велика и ежедневно растет. Деревенская молодежь, бывшие солдаты, городские рабочие, главным образом, рабочие Петрограда и Москвы совершили большую работу в деревне. Особенно это относится к рабочим Петрограда. Втечение последнего года из Петрограда ушло 280.000 рабочих на фронт и в деревню. Разумеется, это было большим несчастьем для Петрограда, но счастьем для нашей революции, счастьем, что гвардия русских рабочих ушла и могла творить свое полезное дело в деревне. Коммунистическая революция докатилась за последние месяцы до деревни. Сейчас бедный крестьянин России переживает свою октябрьскую революцию, из этого источника мы сможем черпать много сил для коммунистической революции.

Нашей партии и нашему пролетариату впервые досталась возможность вести государственную пропаганду коммунизма. И мы использовали эту возможность. Мы стоим сейчас перед началом работы. Многое сделано, но многое еще остается сделать. У нашей партии 35 партийных газет. В России выходят свыше 100 советских газет, являющихся газетами крестьян и солдат—такова истинная свобода печати. Если мы сейчас в состоянии издавать в маленьких местностях крестьянские газеты, в которых большей частью пишут сами крестьяне, то это наилучшая свобода печати, в какой нуждается ра[illegible]

класс. Тираж наших газет довольно значителен. „Известия“, центральный орган Советского правительства, имеет тираж в 400.000 экземпляров, „Красная Газета“ в Петрограде—тираж в 280.000, и лишь из-за недостатка бумаги он не увеличивается. Центральный орган нашей партии „Правда“ имеет тираж в 150.000, который также мог бы быть увеличен. Мы основали много пролетарских и крестьянских университетов, развивающихся весьма успешно и поставляющих деревне многочисленные культурные силы, работающие в деревне в интересах коммунизма. Советы больших городов организовали крупные книгоиздательства. Например, Издательство Петроградского Совета выпустило за последний год 11.500.000 брошюр и книг, центральное издательство в Москве проявило еще более оживленную деятельность. В этом отношении первым долгом следует обратить внимание на Комиссариат Народного Просвещения. Этот комиссариат отчасти тоже ведет сейчас коммунистическую пропаганду, и наша партия требует, чтобы он организовал всю свою работу, сверху до низу, на коммунистических основаниях. Ограничусь сейчас оглашением некоторых цифр: в 1917 г. расходы Министерства Народного Просвещения исчислялись в 300.000.000 р.; в 1918 г.—3.000.000.000 руб., а на первую половину 1919 года ассигновано 4.000.000.000 р. Вы видите, какую огромную работу надлежит произвести этому комиссариату. В буржуазной печати Германии и Франции вы могли прочесть, что даже некоторые буржуазные авторитеты вынуждены признать поразительную работу, совершенную в этом отношении советским правительством.

За границей много говорят о нашем экономическом положении. Каутский говорил о социализме нищеты в России. Страна, действительно, бедна. Мы получили страну в таком состоянии, что все части ее истекали кровью, и мы очутились, да и сейчас еще находимся в затруднительном положении. Но втечение года мы все-таки кое-чего достигли: в наших руках находятся хозяйственные организации, мы располагаем более или менее удовлетворительно работающим аппаратом, требующим усовершенствования, но все-таки работающим. На потребности Высшего Совета Народного Хозяйства и других экономических организаций в будущем году будет ассигновано 10 миллиардов рублей. Из этой цифры вы усматриваете, как велика работа и как много надлежит сделать.

В жилищном вопросе мы, правда, еще не достигли всего, но все-таки сделали первые довольно важные шаги. В больших городах, в особенности в Петрограде и Москве, а также в целом ряде других городов, жилищный вопрос на пути к разрешению. Рабочие массы, ядро пролетариата сознает, что в этом вопросе, в котором мы могли достичь если не коренного, то во всяком случае серьезного улучшения, мы сделали все, что было возможно. Мы экспроприировали буржуазные квартиры и отчасти распределили их, конфисковали необходимейшую мебель и раздали ее рабочим. Теперь у нас имеются целые улицы, составлявшие раньше буржуазные квартылы, и являющиеся ныне пролетарско-коммунистическими рабочими кварталами. Там поселились рабочие коммунисты, рабочие целых фабрик и т. д.

Я не буду говорить о Красной Армии, это особая статья. О ней смогут сказать несколько слов более авторитетные в военных вопросах товарищи, может быть, тов. Троцкий.

Мы считали также нашим высшим долгом чести оказывать материальную поддержку рабочему движению в других странах. И не напрасно буржуазия всех стран неистовствует против нас. Мы исполнили наш долг в этом отношении и будем впредь считать нашей обязанностью поддерживать всякое рабочее движение, стоящее на коммунистической почве.

Никогда наша партия не была столь единой, как сейчас перед 8-м партийным с'ездом. Некоторые товарищи вышли из партии в начале революции, особенно горячие дискуссии велись в партии во время Брестского мира. В качестве главного аргумента выдвигалось тогда соображение, что в случае заключения Брестского мира мы, пожалуй, ослабим тем самым международное положение немецких товарищей. И для нас этот аргумент являлся наиболее важным. Мы больше всего боялись ухудшить какой-нибудь ошибкой положение рабочих в Германии или в других странах. К счастью, этого не случилось. Рабочий класс всех стран нас понял, и наш шаг, я надеюсь, не ухудшил, а облегчил положение рабочих. И если перед нами опять станет подобный вопрос, например, заключение мира с Антантой, то в этом случае наша партия, я думаю, единогласно одобрит решение центрального комитета и советского правительства. И французские, английские и американские рабочие поймут нас и выразят полную солидарность с нами.

Можно сказать, что наши рабочие жаждут интернациональных сношений. Так оно было и раньше: в начале революции, когда у власти стояли меньшевики, рабочие Москвы и Петрограда были рады видеть даже таких людей, как г.г. Альбера Тома, Гендерсона и т. д. Когда они приехали в Петроград, чтобы брататься с г.г. Церетели, Керенским и т. п., наши рабочие массы первоначально приняли их в серьез. Теперь наш рабочий класс понял, что это лишь маргариновые социалисты, и самый простой рабочий Петрограда и Москвы прекрасно разбирается в трех главных течениях, наблюдаемых в международном движении.

Я хочу сказать еще несколько слов о так называемом красном терроре. Из рассказов наших партийных друзей за границей я знаю, что этот вопрос является гавным пунктом в борьбе, которую там ведут против еас, и что даже некоторые друзья иногда не чувствовали себя вполне солидарными с нами в этом отношении. Но после того, что мы пережили в Германии, после того как мы убедились, что гражданская война ведется там гораздо ожесточеннее, чем у нас, после того как мы пережили убийство Либкнехта и Розы Люксембург, я полагаю, что наши друзья, слишком долго жившие в мирной обстановке и не понимавшие всего, что здесь происходило, поймут, почему мы были вынуждены прибегнуть к острому оружию красного террора. И беспристрастный социалистический историк станет нас порицать не за то, что мы слишком часто прибегали к террору, а за то, что мы иногда были слишком великодушны. Нельзя отрицать факта, что почти все министры правительства Керенского были освобождены нами. Многие из них бежали и борются против нас теперь. Коновалов, Маклаков, все те господа, которые ведут сейчас против нас кампанию в Париже, были в наших руках. Мы освободили их. Бывший военный министр, генерал Верховский, раньше наш противник, освобожден нами и на днях предложил нам свои услуги. Даже Алексинский, который в июле 1917 г. был главным режиссером всей дрейфусиады против т.т. Ленина, Троцкого, Зиновьева и других, освобожден Московским Советом и работает теперь в Москве. Если вы примете во внимание все условия, то вы признаете, что красный террор, к которому должна была прибегнуть наша партия, был исторической необходимостью.

Все вы знаете, что те партии, которые, называя себя социалистическими, выступили против нас и боролись с нами, все обанкротились и превратились в ничтожное меньшинство. Правые социалисты-революционеры (президиум Учредительного Собрания) капитулировали перед нашей партией. Я уже говорил вам о последних выборах в Петрограде. Из 1500 членов Совета имеется 8 левых социалистов-революционеров, 5 или 6 правых, около 10 меньшевиков, все остальные — коммунисты или кандидаты в коммунисты и стоят на платформе нашей партии. Выборы большей частью были тайные, и никакая сила в мире не могла помешать, напр., рабочим Путиловского завода, избрать, если бы они этого пожелали, членов других партий. Но этого не случилось.

Есть недовольные элементы среди рабочих в связи с обострением продовольственного вопроса, особенно с недостатком хлеба; но когда наступают выборы и ставится вопрос о доверии, ядро рабочего класса, подавляющее большинство его, целиком выражает доверие нашей

партии. Это лучше всего свидетельствует о том, что мы, несмотря на все затруднения, исполнили наш долг в России. Мы стремились, и с самого начала поставили своей целью изучить всю работу Парижской Коммуны, понять то, что парижские рабочие показали всему миру в 1871 году, и продолжать их дело при новых условиях. Само собой разумеется, что мы довольно значительную часть нашей работы должны отнести на счет наших предшественников из рядов французского рабочего класса. Мы стоим, товарищи, быть может уже на перевале, мы можем уже вздохнуть свободнее, и многое, думается нам, говорит за то, что буржуазия Антанты не выступит, не может выступить против нас. Лучшим доказательством является заявление, сделанное Ллойд Джорджем буржуазным партиям, что они, вероятно, не настаивали бы на войне, если бы знали, сколько солдат необходимо для покорения России. Цифра эта, шепчет он им на ухо, равна миллиону и м. б. и больше. Трудно найти столько белогвардейцев, а с рабочими не удастся выступить против нашей партии. Было время, когда мы были окружены врагами, но передовые отряды коммунистов в России чувствовали, что большинство рабочих всех стран будет за одно с ними. И мы уже дожили до того момента, когда лучшие элементы рабочего класса всех стран считают честью организовываться в партию коммунистов и идти по пути, на который мы вступили.

Товарищи, мы строим всю нашу работу на опыте, который завещала нам героическая Парижская Коммуна 1871 г. Наш великий учитель Карл Маркс научил нас любить Коммуну. Завещание Парижской Коммуны свято для нас. Работать над претворением в жизнь завещанного и содействовать победе международного рабочего класса над буржуазией — в этом наша величайшая гордость. (Одобрение и возгласы: браво).

ДОКЛАД тов. СТАНГЕ

(Норвегия).

Норвежская Рабочая Партия является единственной социалистической партией Норвегии и насчитывает поэтому в настоящее время в своих рядах представителей всех социалистических течений. Представляя собою легальную, парламентарную партию, Норвежская рабочая партия в то же время всегда сохраняла революционный социал-демократический характер.

Зимою 1916 — 17 г.г. в Норвегии ощущался заметный недостаток в продовольствии и топливе, и настроение рабочих было весьма революционным. Центральный комитет партии и профессиональные организации об'явили, что если требования рабочих не будут выполнены правительством, то рабочие прибегнут к более сильным средствам в борьбе с государственной властью и что немедленно будет созван с'езд партии и профессиональных организаций. С'езд однако не состоялся; точно так же не были пущены в ход „более сильные средства“ борьбы, что вызвало среди рабочих большое возбуждение.

Зимою 1917 — 18 г.г. образовались первые советы рабочих и солдатских депутатов, а весною 1918 г. состоялись их с'езды. С'езд рабочих советов выпустил прокламацию, в которой об'являлось, что советами немедленно будут осуществлены некоторые требования, напр., 8-ми часовой рабочий день, и что они намерены взять в свои руки все управление Норвегией. Между тем, в различных партийных органах и рабочих союзах горячо обсуждалась позиция, которую должна занять партия. Центральный комитет и главный орган его (редактор Виденес) определенно высказались против советов рабочих и солдатских депутатов, против большевизма и вообще против всяких революционных тенденций. Они не желали диктатуры пролетариата, а только дальнейшего развития демократии. Но значительное большинство местных партийных органов повело борьбу с этим направлением.

На пасхе 1918 г. революционное меньшинство Центрального Комитета внесло на партийный с'езд предложение, чтобы партия об'явила себя революционной, действующей, правда, в первую голову парламентарно, но в то же время радостно приветствующей рабочие и солдатские советы. Предложение это было принято на с'езде большинством 159 голосов против 126. Кроме того, партия, входившая раньше в состав 2-го Интернационала, порешила примкнуть к Циммервальдскому Интернационалу. Когда правое крыло отказалось вступить в Центральный Комитет, последний был составлен исключительно из представителей левого крыла. При новой редакции главный орган Комитета, „Социал-демократ“, открыто стал на сторону русского большевизма, союза спартаковцев и остальных левых социалистических партий.

Из этого видно, что норвежская рабочая партия остается легальной и парламентарной, но в то же время она хочет пользоваться и революционными способами борьбы. Она не высказалась против демократического парламентаризма и за советскую конституцию, хотя и признала рабочие и солдатские советы революционными боевыми органами. Но вопрос о конституции с большим оживлением дебатируется во всех газетах и рабочих союзах. Профессиональные организации находились раньше всецело в руках правого крыла, и все наиболее важные предложения так назыв. „профессиональной оппозиции“ были отвергнуты на профессиональном с'езде осенью 1917 г. значительным большинством. Но с тех пор настроение сильно изменилось и в профессиональных союзах, и в 1918 г. большие союзы — „Союз рабочих“ (рудокопов, строительных рабочих и т. д.) и „Союз металлистов“ перешли к левому крылу.

После германской революции революционное настроение норвежских рабочих еще усилилось. Оба крыла партии могли теперь сойтись для совместной революционной работы. Центральные комитеты партии и профессиональных союзов в настоящее время сошлись на следующей платформе: 1) содействовать всеми средствами проведению социал-демократической программы, 2) подготовлять образование рабочих советов, не приступая пока к самым выборам и 3) немедленно организовать в армии солдатские советы в качестве агитационных органов.

Ясно, что для норвежской рабочей партии представляется вопросом величайшей важности — покинуть-ли ей совершенно демократическую линию и высказаться за диктатуру пролетариата в форме советского строя. Я лично убежден в том, что при дальнейшем развитии мировой революции партия займет по этому вопросу определенную позицию.

До сих пор, однако, у партийного комитета не было случая высказаться окончательно по этому вопросу, точно так же, как до моего от'езда из Христиании он не получал еще приглашения на этот с'езд. В виду этого я не могу, не посоветовавшись с товарищами из Центрального Комитета, высказать свое отношение к новому коммунистическому Интернационалу. Но я с величайшим интересом готов принять участие в подготовительной работе и представить норвежской рабочей партии результаты наших трудов. Я надеюсь, что и норвежская рабочая партия, до сих пор развивавшаяся в революционном направлении, будет в состоянии энергично содействовать победе интернациональной революции.

ОТЧЕТЫ и ХРОНИКА.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ.

ФРАНЦИЯ. Руководство революционными массами Франции фактически ускользает из рук вождей об'единенной партии, но и в их словах слышатся новые ноты. Специальная комиссия об'единенной партии социалистов выработала избирательную платформу, в которой мы не находим ни одного смелого требования, в которой довольствуются повторением параграфов старой програмы, требующих созыва Учредительного Собрания, прямого избирательного права для обоих полов и т. д.; но там все-таки не могли обойти молчанием новые революционные понятия. Граждане Тома, Ренодель, Фроссар, Кашен, Дюнуа, Лонге, Самба, об'единившись на этот раз, подписали нижеследующие строки:

„Диктатура пролетариата является переходом от уничтоженного порядка к порядку, который должен быть установлен".

„Новый порядок, который творит пролетариат, будет установлен одним классом, но будет установлен для пользы и блага всех людей, точно так же и новая законность, которой предшествует и которую подготовляет безличная диктатура пролетариата, осуществляется во имя и в интересах всего человечества в целом".

Другие признаки: на социалистическом конгрессе департамента Сены предложение Лорно о немедленном присоединении к Коммунистическому Интернационалу собрало 14 апреля 2114 голосов, а предложение Верфейля, которое в действительности только откладывало это присоединение, собрало 3999 голосов против 1305 голосов представителей большинства, что дает представителям революционных течений 4/5 всех мандатов.

Рост революционного настроения в рабочей массе часто заставляет буржуазию бить отбой и отказываться от чрезмерных репрессий. Укажем здесь на оправдание секретаря Федерации Анархистов Контена, автора коммунистической прокламации и типографщика Фабра, обвинявшегося в напечатании брошюр Троцкого и Садуля: оба они обвинялись на основании специального закона, который когда-то журналист Клемансо назвал „гнусным законом". Оба оправданы после почти годичного заключения.

Во время последних демонстраций *) все более и более проявлялась симпатия французского пролетариата к его братьям в России, Венгрии и Германии. Этим об'ясняются те жалкие увертки, к которым приходится прибегать правительству при лицемерной и тайной организации похода против Советской России. 29-го марта в палате депутатов товарищ военного министра официально заявил, что „более ни одного человека не будет послано в Россию". Всего через 15 дней после этого „Юманите" разоблачила, что в гарнизоне Мон-Валерьен в 14-м пехотном полку солдатам официально предлагалось принять участие в походе на Россию за плату 5 франков в день. Один из газетных хроникеров заметил по этому поводу, что французский солдат получал всего один франк, когда защищал свою землю от нашествия неприятеля, а теперь ему предлагают в пять раз больше за то, чтобы он стрелял в русских социалистов. Абрами вынужден называть „польскими" французские полки, назначенные для отправки в Россию. Конечно, при подобных условиях невозможно вести настоящую войну. Эта война с Россией сводится просто к отвратительной политической авантюре.

Отвратительной в целом, отвратительной в отдельных эпизодах. Английские социалистические журналы рассказывают печальную одиссею русского легиона, сформированного во Франции генералом Лохвицким, под покровительством различных республиканских и демократических лиг. Этот легион принимал участие в сражениях до самого перемирия, часто проявляя героизм. Он потерял две трети своего состава. Что делать с оставшейся в живых частью легиона? Ее послали в Марсель, где посадили на суда для отправки по неизвестному назначению, и только уже в открытом море легионеры узнали, что их посылают для подкрепления монархически-антисемитских, проще говоря, грабительских шаек Деникина. Русские легионеры взбунтовались в открытом море, пришлось их возвратить обратно и прибегнуть к помощи сенегальцев для усмирения бунта. 150 человек из них было арестовано— судьба их нам неизвестна; остальным, под угрозой расстрела, пришлось сделаться белогвардейцами. И это не единичный случай. Даже буржуазная „Лига Прав Человека" протестует против того ужасного положения, в которое поставлены русские во Франции.

*) См. „Письма о Франции"

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ. Финансовое и экономическое положение Великобритании немногим лучше финансового и экономического положения побежденных стран. В речи, недавно произнесенной Робертом Сеслем, имеются фразы такого рода: „Вся христианская цивилизация находится в опасности... Старые формы производства и распределения уже не стоят на высоте современных потребностей . . . . Война дезорганизовала транспорт и создала голод". Нельзя заподозрить буржуазного государственного деятеля в преувеличении. В одних только Ланкаширском и Чеширском графствах 275.000 безработных. В общем безработных более миллиона, и правительство платит им от 25 до 29 шиллингов в неделю.

Преступная и нелепая блокада революционной Европы тяжело отзывается на самой Англии. Пострадала хлопчато-бумажная промышленность, для которой в настоящее время закрыты рынки Центральной Европы и России. Льняная и полотняная промышленность переживают тяжелый кризис. Газета „Вождь рабочих", ведущая кампанию против блокады, подчеркивает, что Англия, по словам ее правителей, находится на краю банкротства, что ведет к общему экономическому кризису.

Рабочее движение вступает в Англии в новую, знаменательную фазу. Три сильнейших и влиятельнейших профессиональных союза Англии—„Национальный союз железнодорожников", „Федерация шахтеров Великобритании" и „Федерация транспортных рабочих"—образовали так называемый „тройственный союз". Все три организации взаимно обязываются поддерживать друг друга, помогать один другому—и в борьбе выступать всегда вместе. Капиталистическая Англия была буквально ошеломлена, когда в прессе появилась весть о состоявшемся об'единении трех могущественнейших рабочих организаций, об образовании тройственного союза: он об'единяет ведь около 2.000.000 человек,—а вместе с семьями эта армия составляет 1/3 часть всего населения Великобритании!

В феврале текущего года тройственный союз решил начать наступление по всему фронту. „Федерация шахтеров" потребовала: 1) шестичасового рабочего дня, 2) повышения заработной платы на 30% и 3) национализации рудников и шахт. Железнодорожники и транспортные рабочие потребовали: 1) 48-ми часовой рабочей недели, 2) оставления в силе „военной заработной платы" (во время войны заработная плата была „временно" повышена (с тем, чтобы по прекращении войны снова ее понизить) и 3) национализации путей сообщения, с участием рабочих в управлении. Было заявлено, что все три союза об'явят генеральную забастовку, если их требования не

будут удовлетворены. Вожди „тройственного союза“ Роберт Смайли, Дж. Г. Томас и Роберт Виллиамс об'ехали всю Англию, выступая на собраниях рабочих и массовых митингах и подготовляя забастовку. В их речах звучала новая нотка, они выдвинули новый лозунг—национализацию промышленности. Союз железнодорожников большинством голосов высказался за забастовку. Англия переживала тревожные дни: назревал грандиозный конфликт между капиталом и трудом, какого никогда еще прежде Англия не знала. Пресса закричала о „предстоящей национальной катастрофе“, буржуазия не на шутку переполошилась.

Но правительство знало, с кем оно имеет дело. Правительству неоднократно приходилось сталкиваться с этими „вождями“ во время войны, и оно знало, что они гораздо лучше умеют предотвращать забастовки, чем устраивать их. Оно знало, что под львиными шкурами прячутся слабосильные, безвольные овечки... Правительство предложило свое обычное средство: комиссию. Была назначена специальная следственная комиссия под председательством судьи Санки — „чтобы исследовать условия труда в горной промышленности и внести конкретные предложения реформ, которые могут быть произведены в этой отрасли промышленности“. Что же касается железнодорожников и транспортных рабочих, то здесь были образованы смешанные комиссии из представителей рабочих и работодателей.

Работы комиссии Санки вызвали сенсацию. Комиссией был опрошен целый ряд свидетелей. Был установлен опасный и вредный для здоровья характер работы в шахтах, неимоверно высокая смертность, невозможные жилищные условия (рабочие-шахтеры живут обыкновенно в домах, принадлежащих угольным кампаниям) и т. д. и т. д. Владельцы шахт жаловались, что они очень мало „зарабатывают“, но даже капиталистическая пресса должна была признать, что они нагло лгали, что прибыль от продажи угля в 3½ раз больше, чем была до войны. (За 15 лет Павел Беффи и К° выдала 5 миллионов фунтов дивиденда. Компания Файф Кол распределила за 10 лет 300% дивиденда).

Комиссия Санки пришла к убеждению, что „реформы“ необходимы, хотя и не в такой мере, в какой требуют рабочие. Вместо требуемого шестичасового рабочего дня комиссия рекомендовала ввести семичасовой, вместо 30-типроцентной прибавки комиссия рекомендовала 20-типроцентную *). Вопрос о национализации рудников и шахт комиссия решила пока отложить, оставить открытым — с тем, чтобы в ближайшие 3 месяца были собраны материалы по этому вопросу. Что касается транспортных и железнодорожных рабочих, то для них решено было ввести 48-мичасовую рабочую неделю, требование повышения заработной платы отвергнуто, а вопрос о национализации путей сообщения отложен.

Железнодорожники, не согласившись с заключениями комиссии, решили об'явить забастовку. Комиссия пошла на уступки, заработная плата была повышена. Исполнительный комитет „тройственного союза“ постановил „убедить рабочих принять предложения комиссии Санки и отказаться от забастовки“. Правительство имело случай еще раз убедиться, что „вожди“ рабочего движения великолепно умеют предотвращать стачки. Но то обстоятельство, что предотвратить забастовку было не очень легко, что для этого пришлось действовать не только „убеждением“, но и угрозами, это обстоятельство показывает, что массы революционнее вождей. Уже после того, как было принято решение не бастовать, забастовки все таки вспыхнули в Ноттингэмшире, в Дербишире и в Южном Уэльсе.

Английское правительство принимает все меры к тому, чтобы обеспечить „индустриальный мир“, сотрудничество классов. В конце феврали была созвана конференция представителей труда и представителей капитала. На этой конференции был выбран „Об'единенный Индустриальный Совет“, составленный из одинакового числа рабочих и работодателей. Этот „Совет“ должен был „исследовать причины рабочих волнений и указать, какими средствами могут быть обеспечены интересы работодателей, рабочих и государства“. Особенное внимание „Совет“ должен был (по инструкциям, данным ему конференцией) обратить на следующие вопросы: 1) рабочий день и условия труда, 2) безработица и борьба с ней, 3) средства, ведущие к сотрудничеству классов.

„Совет“ представил отчет о своей деятельности „второй конференции представителей труда и капитала“. Конференция одобрила деятельность „Совета“, была принята резолюция, приветствующая наступление эпохи „индустриального мира“. Но и представители труда, и представители капитала знают, конечно, что „индустриального мира“ не будет. Опыт войны научил их, что классовое перемирие всегда кратковременно, что в то время, как вожди подписывают мир, массы готовятся к войне.

Специфической чертой английского рабочего движения — втечение почти всего долгого периода между чартизмом и мировой войной — была его аполитичность. Не будем касаться здесь причин этого явления, — они не однажды разбирались в марксистской литературе, — факт налицо, что английский рабочий, столь искушенный в экономической борьбе, в политике оставался ребенком и без труда попадал в сети самой лживой эксплуататорской буржуазной идеологии. Некоторый поворот в этом отношении стал замечаться с периода колониальных войн конца 19 века, но если тогда можно говорить лишь о едва уловимых „настроениях“, то нынешняя война и послевоенный кризис должны были вызвать и вызвали настоящую революцию в сознании пролетариата. Стоит только заглянуть в рабочую печать — „Вождь рабочих“ (Labour Leader), „Призыв“ (Call), „Дредноут рабочего“ (The Workers Dreadnought), чтобы убедиться в глубине и размахе этой идейной революции, подготовляющей революцию социальную. Каждая строка этих содержательных и ярких боевых органов — как и каждое слово лидеров всех левых течений — вращается вокруг одного основного положения, все больше проникающего в сознание широких масс: вся власть пролетариату!

Принять этот лозунг и последовательно провести его, это значит — стать под знамя Коммунистического Интернационала, принять советскую систему и революционные методы борьбы за нее; это значит — стать на сторону советских республик и об'явить решительную войну буржуазии собственной страны, организующей разбойничий набег на Советскую Россию. И таково на деле содержание рабочих газет. — Отозвание войск из России — снятие блокады с России и Германии — организационный опыт русской революции — разоблачение циничной политики английской буржуазии, разоблачение лжи и клеветы буржуазной печати в „русском вопросе“, в борьбе с большевизмом—перенесение большевизма на английскую почву: вот содержание английской рабочей печати.

Что печать эта точно отражает настроение масс, об этом свидетельствует длинный ряд фактов. В качестве иллюстрации — краткий отчет о двух почти одновременных митингах. Один был организован в Лондоне известным ренегатом — бывшим „марксистом“, с 1914 года сторонником войны до полной победы, с аннексиями и контрибуциями — Г. И. Гайндманом, организован под лозунгом „Долой насилия большевиков!“ На этом митинге должны были выступить сам Гайндман и его два ближайших сотрудника Дэн Ирвинг и Джек Джонс. (Эти два джентльмена, тоже бывшие социалисты, были недавно избраны в парламент — на патриотической платформе. Они не могли попасть в парламент, как социалисты, и вот они отреклись от социализма и попали туда как патриоты). Митинг был сорван. Крики „долой“, „вон“, „изменники“ заглушали речи ораторов. Гайндману не дали говорить, Джекса Джонса никто не хотел слушать. Они вынуждены были с позором уйти со „своего собственного митинга“.

*) „Это самая большая уступка, когда бы то ни было сделанная рабочим в Европе“, пишет по этому поводу Сидней Вебб.

Совершенно другой характер носил „большевистский митинг“, устроенный Британской Социалистической Партией в Альберт Холле. Это был митинг, посвященный памяти Карла Либкнехта и Розы Люксембург. Огромный, переполненный зал был украшен красными флагами и черной драпировкой. Многотысячная толпа восторженно встретила товарища Джона Маклина. Бурные аплодисменты часто прерывали его пламенную, „истинно-большевистскую“ речь. Так же восторженно был встречен и другой оратор — Израэль Зангвилль. Зангвилль — не большевик, не социалист, но он — „друг советской России“ и заклятый враг лицемерной английской буржуазии. Буржуазные английские газеты переполнены статьями и письмами, резко осуждающими Зангвилля, „унизившегося до того, чтобы выступить на одной платформе с Маклином“.

Открывая годичный с'езд Соц. Партии, председатель Бальфорд (Стеффильд) во вступительной речи приветствовал революционное движение пролетариата, направленное на завоевание политической власти и установление советской системы. Тактику партии он характеризовал словами: „Мы стоим за все действительные средства— от избирательных бюллетеней до бомб“.

Английская Империя опирается на три исторических несправедливости—не считая сотни других—которые постоянно угрожают ее внутренней и внешней бесопасности: это Ирландия, Египет и Индия. Государственные люди Вестминстера должны обладать особым апломбом, чтобы при угнетении Ирландии, Египта и Индии говорить о „правах национальностей“, о „демократических свободах“ и т. п.

В Ирландии революционное движение не утихает. Правительственный террор вызывает только ответный террор со стороны синфейнеров. Последний поход, предпринятый против английской полиции, проявился в массовых покушениях;; было много убито полицейских агенты в Типперарин и Лимерике. „Дейли Телеграф“ (28 апреля) считает, что синфейнеры имеют 120.000 человек, организованных в 1400 клубов и готовых к вооруженному восстанию. Газета приходит к заключению, что только проведенная с энергией военная оккупация может укрепить английское господство. Такие предложения еще решительнее толкают народные массы на путь революции. В апреле месяце, на митинге в Дублине, вожди Джонсон и О.-Шанон, подвергнув суровой критике усилия желтого интернационала, выразили солидарность ирландского пролетариата с русскими и венгерскими коммунистами и заявили, что только диктатура пролетариата освободит их страну.

В Египте так же, как в Ирландии, национальное движение соединяется с чисто революционной пропагандой в социалистическом духе. Волнения, вспышки, покушения не прекращаются здесь. В Люксоре убито 8 английских офицеров, в деревнях и городах толпа громила лавки. Во время восстания в Каире войска были вынуждены пустить в дело оружие. Было об'явлено военное и осадное положение. Убитые и раненые насчитывались сотнями. В Каире была подожжена редакция „Таймса“, студенты шли во главе манифестантов. вооруженные автомобили об'езжали улицы; феллахи употребляли серную кислоту против желтых, несмотря на то, что за подобные покушения грозит смертная казнь. В разных местах повстанцы взрывали железнодорожные мосты и разрушали полотно. Причины этих восстаний весьма глубоки, тут дело не только в политическом положении Египта, но гораздо в большей степени—в ужасной нищете феллахов. Миллионы феллахов, втечение веков бывшие рабами, хотя и обладают терпением и выносливостью животных, убедились, что война поставила их в безвыходное положение. У них реквизировали верблюдов и мулов, их единственное богатство, а так как были необходимы рабочие руки, то и их самих насильно забирали в армию труда, в рабочий корпус, подразделенный на части, соответственно назначению. Так как предложение записаться в рабочую армию на шесть месяцев не имело успеха, то английские наборщики рекрутов ездили по стране, окружали целые деревни и уводили чуть не все мужское население (точно так же, как поступают в настоящее время в Сенегале французские наборщики негров). „Добровольцы“ от 17 до 70 лет записывались на службу под ударами кнута. „Они умирали, как мухи“, пишет доктор Гаден Гест в „Вожде рабочих“ с грустью замечает: „нужны были не митральезы, а немного здравого смысла и гуманности, египтяне такие же люди, как и мы“. Нет, скажем мы, рабы—не люди для своих господ. Их спасение—в их собственной силе, в их революционном сознании и в успехах мировой пролетарской революции.

Хотя мятежи в Индии, повидимому, уже три недели, как прекратились, но революционное настроение, более сосредоточенное и углубленное, носит еще более угрожающий характер. Рамзей Макдональд восклицает по поводу нелепой политики репрессий: „английский империализм сошел с ума!“ „Новая Индия“ предупреждает правительство, что оно вызовет катастрофу, что „большевизм прогрессирует“ и что правительство „будет ответственно перед богом и человечеством“. Для восстановления порядка правительство вице-короля надеется только на военные суды и на „билль о восстаниях“—военный закон, устанавливающий категорию подозрительных, судьба которых вполне зависит от военных судей. Индусы всех классов в ответ на это, дают клятву „Сатнаграна“ о пассивном сопротивлении: „Клянитесь не повиноваться закону“. Но „Таймс“ обвиняет руководителей этого движения Ганди и Горнимана в подготовке восстания, так как пассивность — утопия, и сама жизнь неизменно толкает массы от пассивного неподчинения к революционному восстанию. В Пенджабе железные дороги портятся инсургентами, телеграфная проволока обрезается, станции сжигаются. Казначейство в Амритзаре ограблено, и два английских служащих убиты; английские продукты бойкотируются. В Амедабаде порядок восстановлен, но среди населения 300 человек убитых и раненых. В некоторых местах английские авиаторы бросали в толпу бомбы. В Дели и Лагоре производятся аресты и ссылки интеллигентных индусов. Характерная психологическая черта современного движения, что оно об'единяет против общего врага — английского империализма — мусульман и буддистов. По правде говоря, голод не признает ни расы ни религии. Главной причиной движения является голод, который охватывает огромные округа. Из Индии пшеница вывозилась тысячами тонн для прокормления армии в Европе, а крестьяне, сеявшие и собиравшие ее, буквально умирали с голоду. Предполагают, что в этом году умерло от пяти до шести миллионов людей, частью от эпидемий, вызванных голодом, частью непосредственно от голода. Больше всего пострадало бомбейское президентство. К недостатку пищевых продуктов присоединяется недостаток в одежде. Такова „цивилизаторская“ работа „демократической“ Англии в стране одной из самых древних культур.

В Иоганнсбурге (Южная Африка) вспыхнул целый ряд серьезных забастовок. Забастовочное движение захватило и туземцев. Забастовали прежде всего рабочие и служащие городской электрической станции. Требования: повышение заработной платы, сокращение рабочего дня, участие рабочих в управлении предприятием. Профессиональный союз машинистов и кочегаровъ снял с работ всех членов союза, работающих на городских предприятиях. Город остался без света; трамвайное движение прекратилось... Забастовали также строительные рабочие. На митингах и собраниях забастовщиков, по словам английских газет, „открыто проповедуется большевизм“ и приветствовались советы. В Иоганнесбурге над зданием муниципальнаго совета выкинуто красное знамя.

ИТАЛИЯ. Итальянская социалистическая партия, единственная из „больших“ социалистических партий, оставшаяся верной Интернационализму, первая примкнула к Коммунистическому Интернационалу: она представляет многочисленный пролетариат, который, благодаря войне переносил непрерывные лишения и революционный инстинкт которого не мог приспособиться к медлительности и лицемерию парламентской политики. В настоящее время революционное брожение охватило все главные города полуострова. Наиболее серьезные события разыгра-

лись в Милане в половине апреля. Во время происходившей там однодневной стачки, дело дошло до столкновения толпы с войсками—были раненые и убитые (два солдата). На другой день в Турине, Болонье, Генуе и Флоренции была об'явлена всеобщая забастовка в знак солидарности с миланскими рабочими. Большевизм и анархизм стоят в порядке дня. Рабочая манифестация в Милане развернула одновременно красные и черные знамена; газеты пишут, что раздавались крики: „Да здравствует Ленин!“. Эта рабочая манифестация столкнулась с патриотической контрманифестацией, организованной кадровым офицерством и разгромившей редакцию „Аванти“. На другой день, в знак протеста против „патриотов“, типографщики забастовали, и ни одна буржуазная газета не могла появиться. Итальянская социалистическая партия и Конфедерация Труда требуют амнистии всем осужденным за политические и военные преступления, демобилизации армии, немедленного отозвания итальянских войск из России, восьмичасового рабочего дня и английской недели. На конгрессе в Болонье Всеобщая Конфедерация Труда решила пойти на все меры, вплоть до всеобщей забастовки, чтобы добиться восьмичасового рабочего дня. Преобладает взгляд, по которому „настоящий момент не допускает компромисса с правительством“.

Левые социалисты приняли коммунистическую программу, включающую диктатуру пролетариата для немедленной социализации богатств. Исполнительный Комитет социалистической партии выразил порицание парламентской группе за ее бездеятельность и терпимость по отношению к политике правительства, касающейся России. Он запретил социалистам сотрудничать в буржуазной прессе, он единогласно принял резолюцию Лаццари, осуждающую итальянский империализм, заявляющую, что война создала обстоятельства, благоприятные для пролетарской революции и принципиально принимающую всеобщую революционную стачку как средство для завоевания политической власти. Под таким давлением извне парламентская группа партии потребовала восстановления гражданских свобод, амнистии, уничтожения цензуры и возвращения войск из России. В палате депутатов Лабриола нападает на Лигу Наций и блестяще защищает русский коммунизм. В общем солидарность с русской революцией полная. Манифестации против вмешательства происходят во всех больших городах.

ШВЕЦИЯ. И здесь, как повсюду, все резче обособляются два мира, все глубже становится водораздел между ними, все ближе час решительной схватки. Давно ли значительная часть шведских рабочих шла за патриотом Брантингом?- и вот его лакейская политика, при благосклонном участии версальских господ, разоблачена настолько основательно, что даже буржуазные газеты зло вышучивают брантингову веру в „Союзников“ и в те великие блага, которые их победа должна принести всему человечеству, особенно же- „малым народностям“. Среди рабочих авторитет Брантинга падает с каждым днем. Кровно связавши себя во время войны с буржуазией, такие „социалисты“, как Брантинг или Торсон не могут уже оторваться от нее и сейчас; так, недавно они выступили за уменьшение заработной платы, чрезмерно возросшей за время войны: национальная промышленность не может, по их мнению, выдержать столь высоких ставок... Понятно, что такое заявление „представителей профессиональных союзов“ вызвало взрыв негодовании в рабочих массах.

Но нельзя все время бить только по рабочим чтобы сохранить хоть тень права на кличку „социал-демократа“, приходится критиковать и буржуазию, и коалиционное правительство. Так, при обсуждении морского бюджета, проект морского министра, социал-демократа барона Пальмшерна об ассигновании 10 миллионов на строительную программу, вызвал очень резкую критику со стороны с.-д. фракции.

Положение министерских социалистов становится вообще день ото дня все труднее. Ибо та „политика“, ради которой с.-д. пошли в правительство, сводится к безконечной эквилибристике и беспредельному пресмыканию перед Антантой, хотя бы во вред собственной стране.

Надорванная войной и блокадой, экономическая жизнь страны жаждет нормальных условий, восстановления сношений с поставщиками сырья и с рынками сбыта. Экономически Швеция настоятельно нуждается в восстановлении сношений с Россией, без них ее хозяйственная жизнь замирает и безработица растет с ужасающей быстротой. Это прекрасно понимают и буржуазные круги, многим группам буржуазии даже выгодно было бы восстановление торговли с Россией. Но—хозяин не велит, хозяин хочет сначала искоренить во всем мире большевизм и лишь после этого уронить со своего стола несколько крох своим прислужникам.

Пролетариат начинает понимать эту хитрую механику, и на рабочих собраниях все громче и настойчивее раздается лозунг: прекращение всякой, хотя бы косвенной помощи белогвардейскому походу на Советскую Россию и восстановление экономических сношений с нею. В последнее время в рабочей среде стал популярным также лозунг: бойкот белогвардейской Финляндии за активную помощь русским белогвардейцам.

Все это выдвигает вперед основные вопросы современности: отношение к большевизму, его программе и тактике. Вопрос этот горячо дебатируется в рабочей среде. 2 марта, в „красное воскресенье“, на многолюдном митинге, по предложению исполкома левой с.-д. партии, принята резолюция, в которой выражаются „самые горячие симпатии и солидарность с русским пролетариатом в его упорной и изумительной борьбе за жизнь, свободу и право“ и „энергичный протест против безграничной лжи и клеветы, которые сеют против русской революции буржуазная и право-социалистическая печать... и против авантюры интервенции, предпринятой с целью задушить социалистическую республику в интересах капиталистов Антанты и русской буржуазии“. В заключение резолюции призывает все „действительно социалистические силы об'единиться на идеях, программе и платформе „большевизма“ и „спартаkизма“. — Резолюция эта наделала много шуму, парламентская группа на прямо поставленный вопрос дала уклончивый ответ, что „партия пока еще не приняла большевистской программы“; это заявление вызвало недовольство в массах и в партийной среде и способствовало как уяснению основ коммунизма, так и признанию его всеми подлинно революционными элементами.

В связи с этим процессом „самоопределения“ представляют интерес слова органа Брантинга Socialdemokraten по поводу ликвидации Циммервальда: „Это решение пришло как тяжелое, но целительное испытание для всех колеблющихся элементов в международном социалистическом движении. Циммервальд был единственным прибежищем для всех, кто стоял одной ногой в одном, другой в другом лагере... Где Берн молчал, там высказалась Москва: Берн или Москва—третьего пути нет. С нами или против нас! Тяжкое испытание для многих колеблющихся душ“. „Правильно“, отвечает на это Folkets Dagblad Politiken, „но не для действительных социалистов классовой борьбы, не для революционных умов и сердец, не для марксистов, не для интернационалистов. они сумеют избрать правильный путь... Борьба против большевизма есть борьба против современности, против жизни, против самых мощных сил человечества. В этом — ее приговор“.

В НОРВЕГИИ единая партия, но большинство уже приобретено левыми, стоящими на коммунистической точке зрения. Исполнительный Комитет партии вносит на предстоящий с'езд предложение официально вступить в Коммунистический Интернационал и подготовляет ряд чисто коммунистических резолюций. Любопытно, что правые социалисты вроде бывшего редактора партийного органа Якоба Видениса, решительного противника большевизма, принуждены печатать свои статьи либо в шведской газете Брантинга, либо в норвежских буржуазных газетах

Экономическое положение страны страдает теми же болезнями: нет правильного ввоза и вывоза, недостаток в продуктах, безработица. Стачечное движение не прекращается и принимает бурные формы; буржуазия обвиняет его организаторов в большевизме и синдикализме.

В Норвегии очень сильные солдатские организации; у них уже многолетняя история; теперь они приняли форму „советов", об'единившихся в союз советов, и ведут энергичную агитацию чисто коммунистического характера, призывая солдат помочь рабочим свергнуть буржуазное господство; в частности, они предлагают солдатам устранить офицеров.

В ДАНИИ не стихает стачечное движение. Стачки возникают против воли заправил профессиональных союзов и принимают все более боевой характер; буржуазные газеты называют эту новую фазу профессионального движения синдикалистко-спартаковской. „Профессиональная оппозиция", составляющая меньшинство в „руководящих" органах, в массе давно уже пользуется гораздо большим влиянием, чем старые вожди.

Буржуазия, проигрывая стачку за стачкой, прибегает для „самозащиты" к судам: как к гражданским—за проигранные стачки она пред'явила уже профессиональным союзам иск в 2.000.000 крон—так и к политическим, стараясь засадить в тюрьму более пламенных революционеров. Так, недавно высший кассационный суд подтвердил приговор обыкновенного суда, по которому редакторы „Солидарности" Христенсен, Ганзен и Йонсен были за участие в демонстрации присуждены к 8, 12 и 18 месяцам тюрьмы. За такое же участие в уличной демонстрации сидит в тюрьме известная деятельница движения Мария Нильсен.

ФИНЛЯНДИЯ. Трудно представить себе ту депрессию и деморализацию, которая охватила в этой стране буржуазию—крупную и мелкую. Сколько разочарований! После таких кровавых „уроков" пролетариату, как июньские дни, как Коммуна, буржуазия привыкла на долгие годы безраздельно царить в „успокоенной" стране. И вот, повторив такую кровавую баню в Финляндии, буржуазия осталась при разбитом корыте. Были применены все методы Кавеньяка и Галиффе, но история на этот раз не повторилась: иная мировая кон'юнктура, иные настроения и методы у пролетариата. Нет желанного покоя, нет „порядка", во имя которого расстреливались тысячи молодых жизней, нет столь приятной патриотическому сердцу „независимости".

Новое правительство Финляндии формально правительство „центра", фактически—правительство чистой реакции. Террор внутри страны, поддержка белогвардейского похода на Россию: вот вся его программа. „Поддержка" эта признана теперь официально, в ответе премьер-министра на запрос с.-д.; правда, он тут же сделал трусливую оговорку—в войне с Россией мы не находимся. Но всем ясно, для чего нужна эта оговорка. Финляндская „независимость" признана Антантой, под известными условиями, которые будут еще опубликованы. Полагают, что условия эти сводятся к финансовой и экономической помощи со стороны Антанты (при отсутствии сношений с Россией экономическое положение Финляндии весьма плачевное) и к более точному определению границ Финляндии, которое будет сделано... в Париже.

Повидимому, союзники собираются отхватить кое-какие кусочки, на которые претендуют велико-фины. Все это портит настроение финской буржуазии: мечтали о Великой Финляндии, теперь боятся потерять и малую...

Инстинктивно многие чувствуют, что война против Советской России в то же время и война против финляндской самостоятельности. Но мещанство по самой своей идеологии не может разобраться в этих сложных, взаимносплетающихся противоречиях переживаемой эпохи, а у крупной буржуазии нет иного выхода. Финских социал-демократов, отражающих в конце концов настроения того же мещанства, очевидно, тоже охватывают сумерки растерянности и депрессии: по сообщению шведских газет партия обсуждала вопрос—не покинуть ли парламент, сняв с себя ответственность за реакционную политику буржуазии и предоставив ей самой расхлебывать кашу, которую заварили при благосклонном содействии господ „социалистов"? И пугает их теперь, очевидно, не реакционность, а безнадежность этой политики и неуверенность в ее победе.

Уйдут или не уйдут с.-д. из парламента—история идет мимо них и мимо стен парламента, история творится там, в низах, которые постепенно оправляются от ужасных ран, полученных в бою с буржуазией. Из признаков этого выздоровления можно отметить здесь непрекращающиеся стачки в рабочих центрах (Гельсингфорс, Або, Таммерфорс) и паломничество на могилы погибших товарищей, паломничество, достигающее внушительных размеров. Финский революционный пролетариат жив—значит, жива и пролетарская революция, и час ее пробьет в недалеком будущем.

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ.

„Большевизм на расстоянии ружейного выстрела". 3-го февраля в американском сенате разыгрался крупный скандал. Группой сенаторов был внесен запрос по поводу состоявшегося накануне в Вашингтоне большевистского митинга. Мы имеем возможность привести некоторые характерные выдержки из речей сенаторов, подписавших запрос.

Сенатор Томас из Колорадо: „Я считаю своим долгом обратить внимание сената на одно в высшей степени важное событие, имевшее место вчера в Вашингтоне и подробно описанное в газете „Вашингтон Пост". Я буду читать только заголовки и подзаголовки. „Америка должна окраситься в красный цвет", „Большевистские ораторы создали бурно-восторженное настроение в театре „Поли", переполненном публикой". „Главный оратор Альберт Райс Вилльямс (бывший петроградский и московский корреспондент газеты „New York Evening Post") говорил о работе Советов и о большевистской пропаганде в Америке"... Уже из одних этих заголовков вы видите, что большевики свили себе гнездо в столице нашей республики, на расстоянии ружейнаго выстрела от сената".

Сенатор Томас предлагает принять самые решительные меры против „этого движения, руководителями которого являются уголовные преступники, убийцы, грабители, разбойники, фальшивомонетчики, отравители, безбожники, поджигатели и предатели".

Сенатор Майерс из Монтана: „Я самым энергичным образом протестую против допущения митингов, на которых выступают уголовные преступники, убийцы и воры, позволяющие себе устно и письменно оскорблять наше правительство. Главная цель вчерашнего митинга — оскорбить, унизить достоинство нашего правительства. Министерство юстиции должно немедленно приступить к расследованию, устроители митинга должны быть привлечены к законной ответственности".

Сенатор Бора. Не только в Америке, но и везде, решительно везде, имеются сторонники и поклонники советского правительства. Они хотят интернационализировать Америку". Сенатор Бора больше всего боится „интернационализации".

Сенатор Ворш предлагает поручить юридической комиссии сената приступить немедленно к расследованию „всех попыток распространения большевистского учения в Соединенных Штатах". Предложение принимается.

Цензура. На том же заседании сената обсуждался вопрос о цензуре на периодическую печать. Сенатор Бора предложил отменить введенную законом 6-го октября 1917 года цензуру на иностранную печать. Большинством 39-ти голосов против 25-ти это предложение было отвергнуто.

Забастовочное движение. Вот как—кратко и точно характеризует издающаяся в Нью-Йорке русская газета „Рабочий и Крестьянин" создавшееся в Америке положение.

„В настоящее время здесь, в Соединенных Штатах, капиталисты ведут борьбу против рабочих и, главным образом, против рабочих организаций. Экономические условия не улучшились, а, наоборот, ухудшились, в виду застоя в производстве. Армия безработных с каждым днем увеличивается, а дороговизна остается та же самая. Положение рабочих заметно ухудшилось".

С прекращением войны в Америке наступил промышленный кризис. Сотни тысяч рабочих оказались выброшенными на улицу. „Фабриканты, пишет „Рабочий и Крестьянин", хотят воспользоваться этим кризисом и безработицей. Они хотят заменить 8-ми часовой рабочий день более продолжительным и понизить заработную плату... Рабочие отвечают массовыми забастовками".

В начале февраля в разных концах Соединенных Штатов вспыхнули одновременно 4 крупных массовых забастовки. Забастовали текстильщики в Лоуренсе (Лоуренс, в штате Массачузетс в Новой Англии—центр текстильной промышленности), рабочие шелкопрядильных и шелкоткацких заводов в Паттерсоне (шт. Нью Джерзи), рудокопы в Бютте (шт. Монтана) и рабочие городских предприятий в Сеаттле (шт. Вашингтон).

„В Лоуренсе, пишет „Weekly People" (орган Американской Рабочей Социалистической Партии), текстильщики требуют 8-ми часового рабочего дня и повышения заработной платы. Запрещены сборища на улицах. Конная полиция охраняет город. Один из полицейских пустил в ход огнестрельное оружие. По слухам, войска—на всякий случай—держатся наготове.

„В Паттерсоне бастуют 25 тыс. рабочих. Требования—восьмичасовой рабочий день и повышение заработной платы. Вожди проф. союза высланы из пределов города.

„В Бютте, в связи с забастовкой рудокопов, организовано нечто вроде красной гвардии, по русскому образцу. В состав гвардии входят члены „Союза индустриальных рабочих Мира" и социалисты, главным образом финны. Пока сформировано 6 батальонов. Во главе красной гвардии стоит капитан. „Ассоциация солдат и матросов" обещала бастующим моральную и материальную поддержку. Прибывший во главе батальона правительственных войск майор Джонс заявил, что он не остановится ни перед чем, что его батальон вооружен до зубов, что у него имеются пулеметы.

„Но больше всего беспокойства доставляет правительству всеобщая забастовка в Сеаттле. Буржуазная пресса сообщает, что „Сеаттль—накануне большевистского восстания". Были „беспорядки", для „усмирения" рабочих вызваны войска. Трамвайное движение в городе прекращено, электричества нет, магазины, рестораны, школы закрыты. 54 „большевика" высланы из пределов города". („Weekly People", 15 февраля).

В то же время в Нью-Иорке (как сообщает „Рабочий и Крестьянин") „уже тринадцатую неделю продолжается забастовка 50-ти тысяч портных". „Фабриканты, пишет „Рабочий и Крестьянин", пускают в ход локауты. Фабриканты мужского и детского платья устроили локаут рабочим, организация которых насчитывает 50 тыс. членов. То же самое было сделано и со строительными рабочими. До 20-ти тысяч рабочих были удалены с работы. И здесь организация предприняла борьбу против капиталистов, об'явив стачку. К локауту прибегают и владельцы железоделательных фабрик, и тут тоже рабочие принуждены были прибегнуть к генеральной стачке".

Судебные процессы. Судебные приговоры следуют один за другим, все увеличиваясь в числе. В процессе Викторa Бергеня, Адольфа Гармера, Людвига Энгеля, Виллиама Крулде, Ирвинга Сент-Джона и Теккера приговоры до 20 лет тюрьмы и штраф в 10.000 долларов. Дебс, бывший социалистическим кандидатом на пост президента Республики, приговорен к 10 годам тюремного заключения за антимилитаристическую пропаганду.

Эти приговоры вызывают стачки протеста во всех больших центрах. Конечно, капиталистическая пресса называет стачечников большевиками. Нужно думать, что русский коммунизм действительно приобретает многочисленных приверженцев в Америке, так как там не знают уже, к каким мерам прибегать для борьбы с ним. Коммерческая Палата в Бостоне основала фонд в 75.000 долларов для анти-большевистской пропаганды. Образовалась американская Анти-анархическая Лига, имеющая фонд в 30 тысяч долларов. В Штате Нью Иорк арестовывают и интернируют русских эмигрантов. 37 революционеров уже сосланы. 12 и 15 марта в Нью-Иорке арестовано 164 человека. Многие из активных социалистов смело признают себя большевиками, не страшась ссылки и ее последствий.

Русская колония. 6—9 января в Нью-Иорке состоялся „2-й с'езд русской колонии Соединенных Штатов и Канады" (первый с'езд состоялся в Январе прошлого года) На с'езде представлено было 40 тысяч русских рабочих и крестьян, „стоящих на почве классовой борьбы и социальной революции и признающих власть Советов". Делегатов присутствовало 123, —„разных партий и течений".—Порядок дня: 1) Приветствие революционной России. 2) Система советов в Америке. 3) Освобождение русских из военных лагерей и тюрем. 4) Связь с Советской Россией и массовая отправка иммигрантов в Россию. 5) Интервенция. 6) Отношение к американскому рабочему движению.

С'езд послал следующую приветственную телеграмму „очередному всероссийскому с'езду Советов":

„2-й всероссийский общеколониальный с'езд Соединенных Штатов и Канады горячо приветствует российский революционный народ (в лице его исполнительных органов Советов рабочих и крестьянских депутатов), борющийся против мирового империализма за полное освобождение трудящихся масс от ига рабства".

По вопросу о „системе советов в Америке" решено об'единить все „русские советы рабочих депутатов в одну федерацию". „Русские советы" были организованы в Америке еще в прошлом году. Это—нечто вроде общегородских конференций, или делегатских собраний, об'единяющих все русские организации, стоящие на платформе классовой борьбы и поддержки советской власти. „Русские Советы" задаются целью „всячески помогать Советской России, бороться с контр-революционными интригами, вести агитационную и культурно-просветительную работу среди иммигрантских масс, защищать интересы русской колонии". В каждом данном городе „Русский Совет" должен заменить русское консульство, а Ц. И. К. „русских советов" в Нью-Иорке должен заменить (если Советская Россия на это согласится) посольство.

Для характеристики отношения „русской рабочей и крестьянской колонии" к Советской власти приведем некоторые выдержки из речи председателя с'езда товарища Александра Браиловского (старый партийный работник, дважды присужденный к смертной казни):

„Товарищи, об'являю с'езд открытым. Да здравствует Советская республика! (Апплодисменты). Глаза деятелей рабочего движения всегда должны быть устремлены на конечную цель. Эта цель установлена. Эта цель мировая социальная революция. (Апплодисменты)... Всем вам ясно, какая преграда стоит на пути к этой цели. Это интервенция. Поэтому основная задача момента—борьба с интервенцией... Будем деятельны! Не ошибки губят революцию, а бездеятельность.. Да здравствуют пролетарии и крестьяне всех стран"! (Апплодисменты).

С'езд постановил сделать все возможное, чтобы наладить связь с Советской Россией (для этого при первой возможности послать в Москву 1-х делегатов) и массовую отправку в Россию иммигрантов. Но России нужны дельные, толковые люди,—прежде всего грамотные. Поэтому с'езд решил приступить немедленно к устройству краткосрочных курсов грамотности, политической грамотности, прикладных, практических наук, школы для шофферов, слесарей, механиков, землемеров и проч. и проч.

Отчет о с'езде, напечатанный в „Рабочем и Крестьянине", весь проникнут неподдельным, искренним революционным энтузиазмом. Среди резолюций „2-го всероссийского Общеколониального с'езда Соединенных Штатов и Канады" имеется между прочим, следующая:

„С'езд с воодушевлением приветствует солдат Канады, отказавшихся итти против Советской России. Да здравствуют канадские солдаты!"

Наша литература в Америке. В Америке широко распространяются следующие издания: „Withdraw from Russia!" („Вон из России!"), „The constitution of the Soviets" („Конституция Советов"), „Очередные задачи советской власти" Ленина (издание „Нового Мира"), „Интернационал и война" Х. Раковского, „Декларация прав и обязанностей трудящегося человечества.—Основной закон Р. С. Ф. С. Р." (издание нью-иоркского русского совета). Большая нью-иоркская газета, официоз Вильсона, „World" напечатала в феврале серию статей о Советской России Роберта Майнора (бывший сотрудник отдела Советской пропаганды при В. Ц. И. К., проживший около года в Москве).

СОЦИАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ПЕРЕД СУДОМ.

Преследования союза Industrial Workers of the World.

(Промышленные рабочие мира).

В сентябрьском выпуске журнала The Liberator („Освободитель"), издающегося в Нью-Иорке, напечатана чрезвычайно интересная статья Джона Рида, рисующая яркую картину грандиозного процесса, возбужденного в Чикаго против 112-ти борцов за мир,— членов союза Industrial Workers of the World (I. W. W., — чисто социалистическое профессиональное движение в противоположность Гомперсовской Американской Федерации Труда — American Federation of Labor, — руководимой подручными капитализма трестов). Уже после выхода этой статьи был вынесен приговор, которым наши товарищи присуждены к тюремному заключению,—некоторые на срок до 20-ти лет! Мы заимствуем из описания Рида следующее:

Судья Лэндис, который руководит судебным процессом, настоящий современный судья. Он не носит судейского мундира, время от времени покидает свое место и ходит по залу, разговаривая или слушая речи адвокатов к присяжным. (В Америке, как известно, присяжные участвуют в подобных процессах). Обвиняемым позволено снимать сюртуки, прогуливаться по залу и читать газеты.

Что касается арестованных, то они представляют собою небывалую в истории картину. Больше ста человек дровосеков, землепашцев, рудокопов, газетчиков; больше сотни приверженцев учения, что богатства земли должны принадлежать тем, кто их добывает, и что рабочие всего мира должны овладеть своей собственностью. Передо мной хартия могущества их промышленной демократии: One Big Union („Единый большой союз"). Единый большой союз—в этом их преступление. Именно поэтому I. W. W. находится под судом. В конце концов именно эта идея подорвет и уничтожит капиталистический строй. Если бы нашелся способ убить этих людей, то капиталистическое общество с радостью ухватилось бы за него — точь в точь как оно умертвило Франка Литтля, а еще раньше, — Джо Хилла (известных американских революционеров). Поэтому-то пресса шакалов и вопит: „Немецкие агенты! Предатели!" — стараясь создать почву для предания I. W. W. суду Линча в грандиозном масштабе.

Больше сотни сильных людей. Большинство участников американского рабочего движения принадлежит к сидячим профессиям; это — ткачи, текстильные рабочие, наборщики. По крайней мере так обстоит дело в больших городах.

Рудокопы, металлисты, строительные рабочие, железнодорожные рабочие, — те не принадлежат к „Американской Федерации Труда". Что же касается этих ста с лишним обвиняемых, то это все представители бродячих профессий,—каменьщики, лесорубы, жнецы грузчики,—ребята, занимающиеся самым тяжелым физическим трудом. Они все в шрамах от тех ран, которые нанесла им промышленность—промышленность и ненависть общества. Они ничего не боятся. Увидя их за работой, когда они строят какое-нибудь здание, или перекидывают мост через реку, капиталист скажет: „Вот в каких рабочих нуждается наша страна! В таких, которые знают свое дело и работают, а не разгуливают и не болтают всякий вздор о классовой борьбе"!

Это правда: они знают свое дело и работают. Но, как это ни странно, — они верят также и в социальную революцию.

Выслушайте еще раз их трубный клич, знаменитое введение к программе I. W. W.:

„Классы трудящийся и эксплоататорский не имеют между собой ничего общего. Не может быть мира, пока среди миллионов трудящихся царят голод и нужда и пока эксплуатирующий класс пользуется всеми благами жизни.— Между этими двумя классами борьба будет неизбежно продолжаться, пока во всем мире рабочие не сорганизуются, не возьмут землю и орудия производства в свои руки и не упразднят систему наемного труда".

Автор описывает, как 90 с лишним человек, целый год просидевшие в заключении (прочим удалось для своего освобождения достать залог, хотя он доходил до 25,000 долларов!), шествуют по улицам к зданию суда, и представляет нам наиболее известных из них: большого Билля Хейвуда, в неизменной черной фуражке, с лицом, напоминающим изрытую гору; рыжеволосого Редди Дорана, с его добродушно-воинственной осанкой и зеленой ширмочкой над глазами; Ральфа Чэплина, похожего на Джэка Лондона в молодости; Джима Томсона, известного оратора I. W. W. -и многих других. На первой странице Daily Defence Bulletin (Ежедневного бюллетеня защиты), который издается центральным комитетом организации, помещен рисунок, изображающий рабочего за тюремной решеткой с подписью: „**Помни: мы — здесь в тюрьме за тебя; ты — там на свободе ради нас!**"

Вот они за барьером судебного зала, все вместе; многие без сюртуков, кто читает газету, кто полулежа развалился на скамье, другие сидят, стоят... Всё типичные лица рабочих и борцов; в некоторых можно угадать ораторов, писателей; выделяются выразительные страстные лица иностранцев; на всех отпечаток силы и увлечения; много лиц в шрамах, но мало грустных. Нельзя было во всей Америке собрать сотню людей, лучше приспособленных для отстаивания социальной революции. Публика, входящая в зал суда, говорит: „Это какой-то митинг, а не суд!" Мне, только что приехавшему из России, все это напомнило собрание Центрального Исполнительного Комитета Всероссийского С'езда Советов в Петрограде. Просто трудно было поверить, что все эти люди — подсудимые. В них вовсе не заметно было какой-нибудь приниженности или робости, но чувствовались уверенность в себе, интерес к делу, ясное понимание действительности... словно это был революционный трибунал большевиков... На мгновение мне показалось, что центральный комитет американского совета судит судью Лэндиса за,—ну, скажем, контр-революцию.

Потом я заметил кучки неуклюжих людей с зверскими лицами, уродливыми фигурами, с широкими бедрами и глазами, в которых выражалась смесь жестокости и

рабской угодливости,—словно у бульдога: это сыщики, штрейкбрехеры и другие дворовые псы частной собственности.

Рид описывает дальше, как мистер Небекер, официальный прокурор (он же адвокат большого медного треста), начинает свою речь, в то время как улица внизу оглашается агитацией в пользу войны. Войной нас-то не удивишь! Эти сто с лишком людей - все ветераны той войны, на которую ушла вся их жизнь, кровавой войны против державы, у которой неизмеримые силы, которая не знает мира и не подчиняется никаким законам культурного ведения войны. Это ветераны классовой войны, древней партизанской войны целых поколений рабочих против их хозяев, войны, которая охватила весь мир, которая кажется бесконечной... но которой суждено окончиться.

Гонение на членов I. W. W. началось в сентябре 1917-го года. Втечение семи месяцев, до апреля 1918 года, сидели они в заключении, причем не производилось никакого следствия. Они обвинялись в том, что были членами организации и агитировали за осуществление ее программы, которая, коротко говоря, заключалась в уничтожении системы наемного труда. За это их и привлекли к суду, а вовсе не за какое-либо политическое выступление. Их „преступление" состояло, видите ли, в желании „свергнуть правительство Соединенных Штатов". Но ведь их не могли посадить в тюрьму по такому курьезному обвинению, и потому им инкриминировали „обструкцию против военной программы правительства".

И в то время как 112 человек изнывали в тюрьме, поднялась дикая охота по всей стране; помещения I. W. W. очищали, их собрания запрещались, участники арестовывались, документы конфисковывались, реакция неистовствовала, как никогда. Конечно, попытка представить дело в виде „предательства" не удалась. Ведь это было подстроено, только чтобы как-нибудь замаскировать истинную подоплеку преследования. Правительственные эксперты, которые рассматривали книги и отчеты „немецких агентов", убедились, что все было в надлежащем порядке. Между прочим одно время большой шум возбудил какой-то экс-губернатор, Том Кэмпбел из Аризоны, явившийся в Чикаго с „портфелем, полным доказательств того, что I. W. W. принимал деньги от Германии". Неделями стоял он перед столом судьи, и все ждали опубликования его замечательных документов; но в один прекрасный день он об'явил, что его знаменитый портфель выкраден одним из членов I. W. W., переодевшимся носильщиком при международном вагоне.

Чтобы не придавать сентиментального характера судебному процессу, воздержались от обвинения женщин, и тщательно старались обойти тех лиц, которые были жертвами или свидетелями бессовестных разбойничьих поступков американских капиталистов по отношению к рабочим за последние годы. Но благодаря искусству защитников, адвокатов Вандевера и Клири, защитительные речи явились перечнями кровавых преступлений господ промышленников: Кер д'Алена, Сан Диего, Эверета, Якима Валлей, Патерсона, Мезаба Рейндж, Бисби, Тульса...

Знаменательны были (как и в шведском процессе об мамене в 1916-м году) те вопросы, которые ставились относительно социализма и революции. Когда выбирались присяжные, то обвинителю пришлось не мало потрудиться, чтобы отвести все радикальные элементы. Среди пунктов, на которые было предложено ответить присяжным, стоит указать на следующее:

„Находите ли вы или не находите, что всем детям надлежит внушать уважение к чужой собственности? - Находите ли вы или не находите, что основные законы американской конституции были внушены Господом Богом?" „Карл Маркс, отец этого противозаконного учения,—грязное болото, из которого получали соки корни I. W. W."—Иногда даже самому судье казалось, что дело заходит слишком далеко. Когда прокурор сказал: „Гражданин не имеет никакого законного права на революцию", Лэнднс прервал его словами: „Да, но все дело в том, сколько народу он увлечет за собой, или, иными словами, насколько он способен вызвать революцию".

Защитникам было легко отвечать на такие речи. Вот образец:

„Вы сказали, мистер Небекер, что никогда не читали революционной литературы. Читали ли вы когда-нибудь в школе об американской революции 1776-го года? Или о французской революции, которая свергла короля и сделала Францию республикой? Или о русской революции, которая свергла окончательно самодержавие и царя?—Знаете ли вы, что два процента народа в этой стране владеет 60-ю процентами народного достояния? И что две трети народа владеет меньше чем пятью процентами этого народного достояния?—Известно ли вам, как влияет система наемного труда на детскую смертность?—Знаете ли вы, что проституция развилась главным образом из-за того, что заработной платы не хватает на жизнь?—А какая из сторон обычно начинает применять насилие при конфликтах с рабочими?—Считаете ли вы, что интересы собственности выше человеческих интересов?"

И так без конца, втечение целого месяца. Какое поучительное воспитание получили присяжные! И какое воздействие имело бы это на всю страну, если бы пресса шакалов не замолчала совершенно или до крайности не исказила бы всю историю судебного процесса против I. W. W.! День за днем, втечение всего лета, свидетель за свидетелем с фронта классовой борьбы выступали и участвовали в создании великого рабочего эпоса! вожаки стачек, солдаты, простые рабочие, агитаторы, члены парламента, полицейские, агенты сыска.

Я слышал, как Франк Роджерс, к[illegible], которого жизнь сделала мрачным и озлобленным, с глазами, горевшими местью, отрывисто и сухо рассказывал о пожаре в руднике Спекулетор, где сотни людей сгорели из-за того, что общество не хотело потратиться на устройство дверей в деревянных проходах. Он говорил также об убийстве Франка Литтля, который был повешен полицией из добровольцев в Монтане, и о том, как рудокопы в Бетте поклялись отмстить за него; об Оклагаме, об обливании смолой и сожжении рабочих в Тульсе, Эверетте и о четырех могилах жертв шерифа Мак-Рэса на холмах за Ситтлем; он рассказывал о ссылке в Аризону, как вооруженные частными капиталистами полицейские грабители увозили рабочих в вагонах для скота в пустыни и там бросали их, и те тщетно взывали к парламенту и к Вильсону, который, кажется, больше интересуется правосудием в других странах, чем в своей собственной, и не ответил на учтивую просьбу жертв, желавших хотя бы знать, могут ли они чего-нибудь ждать от него.

Один из арестованных рабочих рассказывает, откровенно и трогательно, как он и другие были захвачены частной полицией общества:

„Да, они били нас. И их предводитель сказал:—Вы члены I. W. W.?—Я ответил:—Да;—Он спросил у меня мой членский билет. Я ему дал его—он его разорвал. Он разорвал также билет моего товарища.—Нет смысла рвать билеты, сказал мой товарищ, мы можем достать новые.—Пусть так, сказал этот человек: мы можем и их уничтожить. Но тогда мой товарищ ответил: „Да, но вы не можете вырвать это из моего сердца!"

Содержание 2-го номера.

Документы Интернационального Коммунистического Движения.

Из деятельности Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала.

Доклад делегатов на I-м с'езде Коммунистического Интернационала.

Отчеты и Хроника.

Типография Кюгельген, Глич и Ко, Птгр., Екатерингофский просп, 87

Цена 8 руб.

АРТИСТИЧЕСКОЕ ЗАВЕДЕНІЕ Т-ВА А. Ф. МАРКСЪ
ПЕТРОГРАДЪ, ИЗМАЙЛОВСКІЙ ПРОСПЕКТЪ, № 29